

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО
ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ДЕЛАМ
МОЛОДЕЖИ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Алим Теппеев
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

6. 2009

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

В Баксанском лицее № 1 состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски, посвященной Султану Асламурузовичу Паштову, чьим именем названо это учебное заведение.

В рамках церемонии открытия в лицее прошла встреча представителей городской

и районной общественности, знавших Султана Паштова лично. Директор лицея Хайшат Шебзухова рассказала присутствующим о его жизни и боевой славе в Великую Отечественную войну, отмеченной многими медалями и орденами. Она также рассказала о его педагогичес-

кой деятельности в Баксанском районе и в данной школе. Султан Асламурузович был удостоен званий «Отличник народного просвещения КБР» и «Заслуженный учитель КБР».

На торжественной церемонии присутствовали народный художник России Герман Паштов и сын Султана Асламурузо-

вича Борис Паштов, министр по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи, который поблагодарил всех присутствующих за участие в церемонии.

Фатима КЕБЕКОВА,
доктор педагогических наук,
профессор

ВЕЛИКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

Объектом нашего исследования является творчество просветителей, подлинных создателей литературного языка и национальной литературы Б. Пачева, К. Мечиева, а также продолжателя их деятельности А. Кешокова.

Судьбе угодно было, чтобы в 50-е годы XIX столетия родились выдающиеся народные поэты – балкарец Кязим Мечиев и кабардинец Бекмурза Пачев.

В данной статье авторы попытались провести некоторые параллели между Бекмурзой и Кязимом, в творчестве которых было много схожего и общего.

Оба великих поэта высоко ценили устное народное творчество, постоянно обращались к нему. О близости Пачева и Мечиева к народу говорят их стихи, ставшие народными песнями. Подобно великому Пушкину, поэты искали в устном народном творчестве национальную основу, правду жизни, заветные мечты и чаяния своих народов. Кязим и Бекмурза не переставали говорить о значении поэта и поэзии. Все творчество их проникнуто чувством глубокой любви к простому народу, чувством патриотизма и дружбы народов. Вот это все, на наш взгляд, роднит их поэзию.

Кязим Мечиев не имел предшественников, писавших на балкарском языке, поэтому обратился прежде всего к балкарскому фольклору, а потом к восточной реалистической литературе, к поэзии Навои, Физули, Моланепеса и других. Он постиг тайны арабского и персидского языков, искусство поэзии тюрков, арабов, персов, записал арабскими буквами первые балкарские стихи и тем самым заложил основы родной балкарской литературы.

Жизнь Бекмурзы сложилась несколько иначе. Он обратился к русской реалистической литературе, к поэзии Пушкина, Лермонтова, Крылова, Кольцова, Некрасова, и обрел в этом богатую школу поэтического мастерства.

Однако несмотря на это, исследователь или даже внимательный читатель может найти много общего и схожего в жизни и творчестве двух великих мастеров слова, писавших в одно и то же время, но на разных языках...

*Бекмурза
Пачев*

*Кязим
Мечиев*

*Алим
Кешоков*

Широкая популярность Бекмурзы и Кязима объясняется их близостью к простому народу. Сюжеты народного творчества лежат в основе многих их произведений. Они хорошо знали и высоко ценили близкий им кабардинский и балкарский фольклор, богатый по форме и сюжетам.

Величие Кязима с особенной силой, на наш взгляд, проявилось в его поэмах «Раненый тур», «Бужжигит», стихотворениях «Песня о Солтан-Хамиде», «Берите оружие!», «Сыну Мухаммаду», «Ленин», «Много видел Кязим» и многих других. Этими бессмертными творениями он заложил прочную основу балкарской художественной литературы.

Величие Бекмурзы в том, что в 80-х годах XIX века он сумел соединить оба начала кабардинской литературы – письменную речь и устное слово. Бессмертными творениями стали его произведения «Кинжал», «Мое слово о Москве». В основу поэмы «Кабарда» народный певец положил национально-героическую тему. Он рассказывает о том далеком времени, когда кабардинцев «крымские теснили ханы». И в прошлом Пачев уловил черты, перекликающиеся с живыми чувствами и мыслями, волнующими людей нашего поколения. Главные из них – патриотизм и дружба с русским народом.

Кязим и Бекмурза высоко ценили труд поэта, одинаково сознавали всю сложность стоящих перед ними задач. В целом ряде стихотворений они показали свое глубокое уважение к призванию поэта, к его могущественному и плодотворному влиянию на людей. Кязим Мечиев в стихотворении «Сыну Мухаммаду» создает образ поэта, готового пожертвовать собой во имя торжества правды и любви:

*«Я горцев призывал сражаться смело,
Мне ныне малодушие не к лицу.
Мой сын, ты бился за святое дело,
Как надлежит поэту и бойцу».*

Великий поэт балкарских гор постигает суровую мудрость этой борьбы. Не зря «льется чистая человеческая кровь», не зря он «ковал железо и сочинял песни», и не ради убийства и кровопролития взял Мухаммад оружие в руки. Отсюда взволнованность Кязима. Старейший поэт гор увидел то, к чему стремился всю жизнь – дорогу к правде.

Сравнивая стихи великих поэтов и мыслителей, посвященные этой теме, мы видим не только одинаковое понимание роли поэта и поэзии, но даже одинаковые художественные средства: эпитеты, метафоры, обращения и т. д.

Говоря о творчестве Мечиева и Пачева, невозможно не сказать несколько слов о стихотворениях, посвященных любви и дружбе.

В лирике Мечиева мы находим выражение любви, свободной от мучительных ощущений. Он преодолевает и чувство вынужденного одиночества, и страх смерти, и предчувствие горя. Кажется, для обоих поэтов любовь была морально возрождающей и возвышающей силой.

Удивления достойно поразительное сходство некоторых лирических стихов Бекмурзы и Кязима. В песнях Мечиева звучит неопишуемая печаль о неравной, несбывшейся любви («В золото и шелк одевают тебя, чтоб страшилась лохмотьев моих...»). Любовь чиста, неповторима, ею должны дорожить не только влюбленные, но и те, в чьих руках находится судьба этой любви («Любовь подобна чистому роднику. Дождю подобна она в разгаре лета. Тот, кто не знает этого, – слепец, подобен корявому наросту на стройном стволе»).

Все творчество Мечиева и Пачева проникнуто идеями патриотизма, любви к народу и родине. Через такие стихотворения Кязима, как «Чтоб родину избавить от невзгод», «Скорбит земля родная, плачут реки», «Храбрость острее любого кинжала», «Берите оружие!» и другие, проходят красной нитью патриотические мотивы. Поэты хотели видеть свою родину свободной, культурной и счастливой страной. И тот, и другой верили в прекрасное будущее. Желая видеть свой бедный народ счастливым и радостным, Кязим восклицает:

*Если бы знал, где для родины счастье найти, –
Прискакал бы к нему, сделав ноги – конем.
Если бы кровь, как река, разлилась по пути, –
Переплыл бы ее, сделав сердце – челном.*

Разумеется, сказанное вовсе не означает, что в жизни и творчестве Мечиева и Пачева все походило друг на друга. Многие в их творчестве в силу ряда объективных и субъективных причин было и несхожим.

Анализ жизни и творчества выдающегося кабардинского поэта Бекмурзы Пачева и балкарского поэта Кязима Мечиева еще раз доказывает, что они являются основоположниками художественной литературы своего народа. Они близки были в выборе тематики: поэты обращались к устному народному творчеству и черпали в нем правду жизни. И Мечиев, и Пачев своим творчеством и всей своей жизнью служили родной земле, родному народу, воспевали патриотизм и интернационализм, дружбу и братство народов.

Последователем дела народных просветителей явился Алим Кешоков – выдающийся деятель культуры, один из крупнейших художников слова Кабардино-Балкарии, классик кабардинской литературы XX века, яркий носитель национального эстетического сознания, 95-летие которого недавно отметила общественность республики. Почему именно он стал продолжателем традиций народного просветительства?

Кабардинская поэзия в 30–40-х годах прошлого столетия подошла к той точке своего развития, когда ей был нужен новый взгляд на окружающее, взгляд, в котором интернациональное содержание перестало бы дисгармонизировать с национальным. Ощущалась потребность в серьезной реформе как традиций русской поэтической школы, от которой было усво-

ено в основном идеологическое, так и национального стиха, страдавшего малой разработанностью самого образного строя, не приспособленного к выражению нового окружения в произведениях. А. Кешоков оказался именно тем автором, талант которого позволил ему произвести эту реформу. Суть ее заключалась в том, что в его произведениях национальный читатель впервые столкнулся с гармоничным сочетанием исконно национальной символики и советской тематики, когда привычные образы фольклорного происхождения, потеряв свою конкретику, стали выражать обобщенный смысл новых идеологических красок. Большинство его стихов довоенной поры («Дикая яблоня», «Счастье» и др.) отмечены именно удачным вхождением в традиционные для кабардинской поэзии описания новых явлений и предметов – с одной стороны. С другой – сделал сочетание национальной символики, национальных атрибутов (кинжал, чабан, отара, и т. п.) с явлениями-знаками нового (орден, Кремль, партия, колхоз) постоянным, А. Кешоков уже тогда, в довоенные годы, заложил основы своего индивидуального стиля.

Не только содержание и центральные образы, но и вся поэтика и стилистико-языковые средства произведений Кешокова основаны на лучших традициях народной адыгской поэзии. В соответствии с содержанием произведения А. Кешоков уместно использует слова, ставшие в поэтическом лексиконе адыгских поэтов последующих поколений своеобразными опорными точками, придающими произведениям национальную окраску. Он стал тем автором, который одним из первых вышел на дорогу автономного национального развития.

Мир кешоковских произведений – это современный мир вещей и представлений. Поэт живет передовыми идеями века. Чуткий художник, он всегда видит и отмечает те изменения, которые происходят и в материальном, вещном мире. Его интересует не только и, может быть, не столько традиционный, вечный кавказский пейзаж, горы в белых папахах, бурные водопады и т. д., сколько мир, обновляемый могучим разумом человека. В картинах природы, написанных Кешоковым-художником, главное – это создание человека-творца. Это касается не только его стихотворных произведений, но и прозы.

Проникнутые высокой нравственностью и гуманизмом, романы Кешоков не только результат самобытного таланта, но и кропотливого труда, широкого кругозора, глубоких знаний в различных областях истории, философии, литературы и искусства. В своих произведениях он сумел воссоздать и раскрыть летопись поколений, показать истоки героизма и самоотверженности своего народа. Романы Кешокова полны многоголосья времени, живописной красочности, психологической достоверности. В них присутствует элемент типизации, художественного вымысла, обобщения.

Очень точные слова, характеризующие творчество Кешокова, сказал известный советский российский писатель Владимир Солоухин: «Будучи

сыном своего народа, прекрасно зная свой народ, свою землю, историю, свой фольклор, Кешоков, пока плетет канву романа, успевает столько рассказать нам задушевного о быте, традициях, обычаях кабардинцев, о разных случаях и происшествиях, хранящихся в коллективной народной памяти, что роман приобретает поистине энциклопедическую ценность и, думается, никогда ее не утратит».

Сам же Алим Пшемахович говорил: «Все, что я писал и пишу, относится к моей республике, к той земле, которая взрастила меня и вскормила. К истории и судьбе народа, который породил меня. Я навечно связан со своим народом и, естественно, все перемены в его жизни и судьбе меня всегда волновали, ничто незамеченным не проходит».

Именно поэтому известный кабардинский поэт и прозаик Алим Кешоков был назван просветителем, продолжателем традиций народных поэтов Бекмурзы Пачева, Кязима Мечиева.

Думается, бессмертные строки этих великих мастеров слова благодарные потомки будут перечитывать снова и снова, проникаясь все большим уважением и любовью к ним; все больше людей не только у нас, в России, но и за рубежом будут узнавать об истории и судьбах наших народов не только из исторических трактатов, но и из произведений великих просветителей Северного Кавказа.

К 80-летию Мухамеда Кармокова

Начало литературной деятельности относится к 60-м гг., но свою творческую жизнь Мухамед Кармоков начал значительно раньше, – журналистом. В 1947 г. появилась первая публикация в газете «Къэбэрдей пэж» – «Глубже изучать кабардинский язык», затем очерк «Доярка», вызвавший неподдельный интерес читателя. Позже напечатаны более зрелые очерки, которые содержали в себе элементы художественности, а также рассказы. В первый сборник рассказов «Бахъсэн уэр» (Бурный Баксан. 1964) вошли несколько небольших произведений. Среди них – «Тетрадь Фатимат»,

«Бурный Баксан», «Жизнь», «Невеста», «Мужские слезы», «Завещание», «Муса женится» и др.

Доброта, оптимизм, глубокая человечность являются квинтэссенцией всех этих рассказов. Автор убеждает читателя, что без душевной искренности и щедрости не может быть человека, утверждающего на планете новую мораль. В рассказе «Бурный Баксан», название которого вынесено в заголовок сборника, читатель знакомится с девушкой Лерой. До недавнего времени она работала на колхозной ферме, а потом неожиданно ушла оттуда. Только близкой подруге Жанусе призналась, что ждет ребенка, отец которого обманул ее надежды. Простыми, но выразительными средствами автор передает душевное состояние девушки, а потом молодой матери. Ребенок помог Лере преодолеть барьер неуверенности, более того, малыш помог ей вернуть счастье, в которое она уже не верила.

Рассказ «Муса женится» написан с тонким юмором, свойственным прозе Кармокова. Главный герой, очарованный красотой и приветливостью продавщицы Жамилят, не поверив, что та замужем, приходит вместе с ней домой. Тут навстречу ее дети. Легко себе представить, какие чувства испытывает несостоявшийся герой.

В рассказах этого сборника сюжеты получили должное развитие, портретные характеристики героев выразительны и точны. Рассказы пронизаны любовью к простым, честным труженикам.

Кармоков Мухамед Мухажирович родился в 1929 году в сел. Заюково Баксанского р-на КБР, – кабардинский писатель. В 1947 г., окончив республиканскую школу-интернат, поступил на литературный факультет КГПИ. С 1949-го по 1950 г. работал (параллельно с учебой) старшим корректором газеты «Къэбэрдей пэж», с 1951-го по 1952 г. – литсотрудник этой же газеты. С 1952-го по 1954-й – учитель кабардинского языка и литературы Заюковской средней школы. С 1954-го по 1965 г. – старший редактор, зам. председателя Кабардино-Балкарского радиокomiteта. С 1965-го по 1976 г. – зав. отделом культуры редакции газеты «Ленин гъуэгу», с 1976-го по 1990 г. – главный редактор Гостелерадио КБР.

Кармоков – член Союза журналистов СССР с 1958 г., член Союза писателей СССР с 1979 г.; награжден Почетными грамотами Гостелерадио СССР, Президиума Верховного Совета КБАССР, Лауреат премии Союза журналистов КБАССР. В 1974 г. ему присвоено почетное звание заслуженного работника культуры КБАССР, в 1989 г. – заслуженного работника культуры РСФСР. В честь 70-летия М. М. Кармоков удостоен почетного звания «Народный писатель КБР». В 1977 г. вышла повесть «Щихухэр иджыри мэк!» (А тополя все растут). Эта же повесть была издана в 1982 г. в Москве, но уже как роман. «А тополя все растут» стал удачным дебютом Кармокова не только в республике, но и на всероссийской читательской арене.

В романе поднимаются в основном морально-этические проблемы. Главная героиня романа – влюбленная девушка Альмажан. Сюжет поначалу кажется банальным: любимый обманул, предал ее, и она умирает. Но мастерство писателя сумело поднять произведение до высокохудожественного уровня. Уходит из жизни совсем юная Альмажан. Ее доброе, открытое сердце не вынесло измены. А двадцать топольков, подаренных любимым человеком в день ее 20-летия и посаженных девушкой во дворе своего дома, становятся живыми свидетелями несчастной любви. Автор показывает поэзию чувств молодых сердец, сложность и противоречивость судьбы, в которой счастье и беда неразрывно переплетены, едины: «Каждый прожитый день приносил селу какую-нибудь новость – радость или печаль. И люди на берегах Баксана горевали и веселились, как все люди на земле».

На страницах книги живут представители нескольких поколений. Это – сухая, угрюмая горянка Гуаша с афоризмами, напоминающими легенды горцев: «Мужчины рождаются не только для того, чтобы пахать и сеять, но и еще для того, чтобы скакать на конях, пить вино и любить женщин»... Представители более молодого поколения – остряк Коротыш, работяга Муаед, смысленный мальчик Алик. С щемящей сердце грустью провожают они в последний путь юную Альмажан, о чьей горькой любви еще долго будут шелестеть тянущиеся к небу тополя.

Возлюбленный девушки Мачраил вызывает одновременно и осуждение, и жалость. «Та-

С лева направо: Мухамед Кармоков, Ахмедхан Налоев, Петр Шевлоков

кова человеческая природа», – как бы говорит нам автор. Читатели романа подчас упрекали автора в том, что он вывел в главные герои нечестного, недобросовестного человека, который обманул девушку, а затем бросил ее. Мнение автора таково: «Он (Мачраил) непосредствен, бесхитростен. Он любит людей, любит жизнь. Но он – баламут. Такие есть среди наших друзей, знакомых. Они увлекаются, ошибаются, допускают оплошности. Почему тогда приукрашивать героя, когда такие встречаются в любом селе, городе, на любой улице?! Я люблю обоих героев: Альмажан и Мачраила. Потому что они – носители жизни, они – представители народа, среди которых есть всякие: и идейно стойкие, и слабые, и хитрые себялюбцы, и добродушные простаки».

В героях романа «А тополя все растут» привлекают простота и искренность человеческих отношений, способность людей исправиться, возродиться вновь: «Здесь суждено мне было упасть, здесь я и подниматься буду», – говорит одна из героинь – Замират. Путь к счастью труден и у других героинь – Фени и Мариат. В романе противопоставлены образы нескольких женщин. Например, Лариса, живущая только для себя, только ради собственного удовольствия. Образ последней типичен. Автору удалось яркими красками раскрыть ее внутренний мир, показать стремление сильной личности к благополучному существованию любыми средствами, низость ее поступков. Разные люди, разные характеры, но все они показаны художником одинаково талантливо. Богат духовный

Мухамед Кармоков во время вручения ему Государственной премии КБР по литературе

мир художника Заура. Его любовь открыто проявляется к тем, чья судьба трагична. Он – олицетворение доброты и благородства.

Проповедниками добра и правды, обличителями зла и несправедливости выступают в романе Фуад, Муаед, Замират, Феня, секретарь райкома Абазов и др. Особенно обаятелен образ Фуада, человека-труженика, коммуниста. Вокруг него разворачиваются основные сюжетные линии романа. Рука об руку с единомышленниками он как бы расчищает путь людям, помогая сделать их жизнь интересной и полезной. Фуад – воплощение молодых людей, строителей новой жизни 70–80-х гг.

Автор романа не стоит в стороне и от хозяйственных проблем. В книге идет серьезный разговор о том, каким должен быть руководитель современного производства, о новых методах и стиле, о творческом начале в работе.

Язык романа богат изобразительными средствами. Немало места занимают лирические отступления, философские рассуждения писателя. Обилие афоризмов, поговорок, пословиц, изречений делают речь героев красочной, эмоциональной.

Все остальные крупные и более мелкие произведения Кармокова: роман «Азамат», вторая книга «Шихухэм ныбжь ядз» (Тополя дают тень), «Льягъуныгъэм и хьэтыркIэ» (Ради любви), «ГъащIэм и зы махуэ» (Один день жизни), «Зэманым и лъэужь» (Следы времени), сб. документальных художественных очерков «Вагъуэбэ» (Созвездие), роман «Къаджэм уигъэ-жейркъым» (Зов) и др. – также не оставляют равнодушными читателя, они известны и читаемы в народе. Герои произведений Кармокова привлекают тем, что знают и любят свой горный край, историю кабардинского народа, своим рождением слиты с долиной Баксана, в которой разворачивается действие почти всех его романов, повестей, рассказов. Читая описания горного кавказского пейзажа, читатель ясно представляет себе живописные рельефы Баксанского ущелья, леса, горы и холмы, берега реки, глубокие балки, кабардинские села, их кладбища. Читателя подкупает достоверность, жизненность и актуальность событий, отдельных ситуаций как художественных произведений, так и документальных очерков. Произведения Кармокова отличают душевное тепло и колоритность национальной лирики. Это под силу только талантливому писателю и журналисту.

Кармоков написал две пьесы: «ИугъащIэ льягъуныгъэм!» (Да здравствует любовь!) и «Зэрыпхуэ» (Поединок). Кабардинским театром первая пьеса поставлена в 1985 г., вторая – в 1987 г.

Отдельные его произведения изданы на украинском, молдавском, абхазском, адыгейском, турецком, арабском языках.

К 75-летию Бориса Кагермазова

Борис Кагермазов родился в 1935 году 6 января в сел. Лескен II. Там закончил школу и поступил в университет, который окончил с красным дипломом. Затем учился в Москве на Курсах подготовки руководящих работников молодежной печати. Вернувшись в Нальчик, стал работать в редакции газеты «Советская молодежь», затем на радио и в газетах. Последние годы работает в редакции журнала «Ойхамахо».

Борис Кагермазов – кабардинский поэт, прозаик, переводчик, автор более 20 книг, член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат премии комсомола КБАССР, редактор отдела прозы журнала «Ойхамахо». Первая книга «Здравствуйте» вышла в 1962 году.

Пришел к вершинам мастерства

Кабардинский поэт Борис Кагермазов писал и пишет только о том, что его глубоко волнует, что пережито им самим. И он находит отклик в сердце читателя именно потому, что умеет задевать сокровенные струны его души, образно и зримо высказывая думы и чаяния своих сверстников.

С самого начала своего творчества Кагермазов прилагал все свои усилия к тому, чтобы сказать свое слово в родной литературе, и он добился этого. Борис издал в Москве и Нальчике 25 книг поэзии и прозы. Каждая из них – заметная веха в его творчестве. Тематика этих сборников разнообразна и обширна. В них мы находим стихи о родном крае, его трудолюбивых людях, о незаживающих ранах, нанесенных миллионам людей прошлой войной, о дружбе и верности, о любви, спутнице молодости, о тропинке, ведущей к вершине... Да разве перечислишь все актуальные темы, на которые откликается чуткое сердце поэта? Главное – это то, что у Кагермазова есть свой подход к любой теме.

Обладея своим поэтическим зрением, Кагермазов увиденное и прочувствованное преподносит читателю свежо, оригинально.

Поколение литераторов, к которому принадлежит Борис Кагермазов, хорошо помнит войну и трудные послевоенные годы. И вполне естественно, что поэт часто обращается к теме войны и мира. Перед его глазами всегда стоят образы тех юношей и девушек, которые, по словам поэта, защищали «не дипломы, а города», отдавали свои молодые жизни за счастье и свободу Родины.

Лирический герой Кагермазова весь в движении, он наш современник, живущий всеми радостями и болями, которые выпадают обществу,

стране. Он подкупает читателя страстностью и убежденностью в своей правоте, честностью и добротой. Характер у него стремительный, напористый.

С самого начала своего творческого пути он тяготеет к гражданской лирике. Он, может быть, чаще, чем его сверстники в кабардинской литературе, откликается на злободневные темы. Это трудно и сложно.

Хорошее знание дум и забот современников и сегодня помогает Кагермазову в творчестве. Публицистический накал многих его стихов и отдельных поэм находил всегда и находит сегодня живой отклик в сердце читателя. Поэт хорошо знает, что «в фундамент каждого события замешен пот обычных буден», что ничто не дается даром на этом свете.

Кагермазов много размышляет в своих произведениях о смысле жизни. Он не признает пустых дней, не наполненных делами, бессмысленных минут, прожитых бесцельно. Ценность жизни человека определяется тем, что он успел сделать хорошего, и не для себя только, а для людей.

Своеобразна и любовная лирика Кагермазова. Он всегда старается запечатлеть в ней тончайшие движения души влюбленного. Борис пишет не только о радостях любви, но и о тех тревогах, которые рождает она в сердце.

Произведения Бориса Кагермазова переводились на многие языки народов бывшего СССР. И сам он перевел на свой родной язык многих классиков и современников.

Пристрастие к конкретным деталям, к неторопливой обстоятельности, тяготение к сюжетным вещам, к обобщению жизненных биографий своих героев давно привели поэта к обращению к крупной форме – жанру поэмы. Их у него немало: «Горе и гнев», «Черная луна», «Доброта» и другие.

Борис Кагермазов успешно работает и в жанрах прозы. У него есть повесть, издал несколько книг рассказов, хорошо принятых читателями и критикой. Хочется особо отметить, что Кагермазов сейчас чуть ли не единственный писатель в кабардинской литературе, который так последовательно и плодотворно работает в жанре короткого рассказа. Редко какой из них занимает больше одной страницы, но они очень емки по содержанию, актуальны по тематике.

Иногда, боясь переоценить значение вклада, который успел внести в литературу тот или иной писатель, мы часто недооцениваем его, и, по-моему, делаем это зря. Особенно тогда, когда речь идет о таком талантливом поэте, писателе, как Борис Кагермазов. Никакие похвалы не могут вскружить голову тому, кто уже давно понял, что такое серьезное творчество и проторил свою тропу в нашей литературе, тропу, ни на чью не похожую, которая привела его к вершинам мастерства.

Наши читатели давно поверили в чистый и честный голос Кагермазова и ждут от него новых произведений.

С юбилеем, мой друг!

*Зубер Тхагазитов,
Народный поэт Кабардино-Балкарии*

Его слово – «держатель души»

Доминантой поэзии Бориса Кагермазова всегда было личностное начало, что предполагает неравнодушное отношение к жизни и людям. Поэтому нет ни одного жизненного явления, которого поэт сердцем не хотел бы коснуться. Оно, его сердце, вмещает в себя подлунный мир, заключенный для него в лескенском крае – музее его творчества. Он влюблен в эту землю, животворную и щедрую, где корни его рода и заповедные тени близких.

Вдохновение, окрыленность, безоглядная приверженность идеалам – ведущие черты творчества Кагермазова. Борис не догматик, он ваяет время, под его пером оно «не слепок, не бездушный лик», а живая, развивающаяся категория. Сквозь поэтические строки Кагермазова зримо является просветленный образ родины, его Кабарды, милой сердцу адыгской земли. И это в гармонической канве оригинальной кагермазовской поэтики, привлекающей накалом гражданственности и нежного лиризма. Кажущаяся несовместность по-разному материализованных явлений – гражданственности и лиризма – под пером Кагермазова становится неким эстетическим сплавом, одухотворенным порывами его чувств. Мастерство Кагермазова доказано сутью и содержанием его творческих усилий. А он мастер не только малых форм поэзии, но и эпических полотен. Почти все его сборники венчают поэмы.

«Дважды жить – наверное, это много» философствует поэт о бытии, он сердцем готов объять черно-белый мир, пребывающий в диалектике антагонизма, порой не оставляющий выбора. Повеление его фатально (это поэт осознает сполна), но и, понимая это, волей он готов противостоять стихии бытия: «Я не робел, / Шел среди ночи к свету».

Ни один художник не мог создавать свои произведения на пустом месте. В данном случае мы имеем в виду литературную школу, которую прошел и Кагермазов. Она заключалась не только в освоении им моделей фольклора, но и поэзии предшественников, главным из которых для него стало поколение Али Шогенцукова и Алима Кешокова. А еще классическая литература, постижение русского языка, русской и мировой культуры. С этой точки зрения Борис Кагермазов более эстетизированный стилист, за плечами которого академическая школа. И как же полон он сыновних чувств к предшественникам:

*Поэзия храня огонь священный,
Всю жизнь ведущим всадником ты был, –*

обращается он к Алиму Кешокову, к тому «Кто верен орлиным законам / Нерушимым законам высот!».

Закон высоты – приметная черта поэтического почерка Кагермазова. Он романтичен, строки его отличает приподнятость тона, что говорит о молодости души, трепетно откликающейся на зов жизни.

*Светлана Моттаева,
член Союза писателей России*

Инна КАШЕЖЕВА

Рыцарь дружбы и пера

Борису Кагермазову

На свадьбе его гуляла...
Помню его родню...
Поэтому молодым
Я в сердце его храню.
Улыбчивым, быстрым, ловким.
Такой и бывает джигит!
Вспомнила и подумала:
Боже, как время летит!
Мой старший товарищ, будь же
Вовеки благословен!
Нас обручила молодость,
Нас повенчал Лескен.
Не знал никаких отказов
От Славы и от Добра.

Милый мой Кагермазов,
Доверчивый рыцарь пера.
Дрожит в Лескене та ветка,
Задетая мной слегка.
Память – прекрасный всадник,
Ему скакать сквозь века.
Еще не допита чаша
На нашем грядущем пиру.
Желаю, Борис, долголетия
Тебе, твоему перу,
Детям твоим и внукам –
Это бессмертья лучи...
А ну, подтяни подпругу!
Скачи, мой джигит, скачи!

Писатели Кабардино-Балкарии встречают прозаика из г. Винница (Украина)
Дмитро Дерча. 1972 год

Звучит неумолкаемо прекрасная струна

«Между нами та прекрасная струна, что звучать неумолкаемо должна» – это слова прекрасной поэтессы Инны Кашежевой, которые она посвятила Борису Кагермазову, другу и собрату по перу. Поэтическая судьба была благосклонна к Кагермазову, и свидетельств тому немало. Они и в работах именитых земляков: Мусарби Сокурова, Петра Шевлокова, Зубера Тхагазитова, Лиуана Губжокова, Хачима Кауфова. И в словах любви и признательности читателей. И в официальных оценках, выразившихся в наградах и званиях.

Поэзия Кагермазова давно перешагнула границы Кабардино-Балкарии, его стихи переведены на русский, эстонский, латышский, украинский, молдавский, киргизский, балкарский, осетинский, кумыкский, узбекский, аварский, болгарский и другие языки.

В одном из своих эссе Борис Кагермазов писал, что только тот поэт народный, чье слово и в радости, и в горе – с людьми, чьи стихи знают наизусть, чьи строки, как и поговорки, на устах. Кагермазов – частый гость в школах, и учителя, и ученики действительно знают наизусть его поэзию.

Борис Кагермазов отличается вниманием и заботой по отношению к молодым, в том числе творческим людям. Петр Шевлоков отмечал, что благодаря Борису многие сделали свой первый шаг в литературе.

Категории нравственности и справедливости отстаивает Борис Кагермазов и в своей прозе. Она создает удивительно пеструю, многоцветную панораму жизни разных лет. Ее временной диапазон простирается от гражданской войны до наших дней.

Нередко обращается Кагермазов к острым, часто нелицеприятным жизненным коллизиям, ставя героев в крайние ситуации и позволяя тем самым открыться их неожиданным сторонам. В построении фабульной линии писатель проявляет незаурядное мастерство, нередко прибегая к неожиданной развязке, постоянно поддерживая читательский интерес.

Рассказы Бориса Кагермазов показывают не только национальные людские типажи, но и обычаи, уклад жизни, специфику поведения, их разумность и красоту. Они демонстрируют тяготение автора и к общечеловеческой жажде справедливости. Тема молодежи, любви и дружбы занимает одно из центральных мест в его прозе.

Творчество Кагермазова многожанрово. В него входят очерки, эссе, рассказы, повести, баллады, миниатюры, пародии. В ряде из них Борис Гидович является первопроходцем в кабардинской литературе. Особо хочется отметить сатирические миниатюры в прозе и стихах. Они остроумны, неожиданны, образны.

*Нина Шогенцукова,
доктор филологических наук*

Верность призванию

Борис Кагермазов остается верен раз и навсегда избранному пути, многотрудному, требующему полной самоотдачи. Свой «полдень» он воспринимает как предтечу новых, не менее трудных дел. В этом – одна из черт его творческого характера.

У Б. Кагермазова свое видение мира, подчас неординарное. «Поэт именно тем и может доказать, что он даровит, когда откроет интересную сторону в самом обыкновенном сюжете», – писал Гете. Сюжеты своих произведений Б. Кагермазов черпает из жизни. Под его пером самое, казалось бы, обыденное наполняется особым содержанием, глубоким философским смыслом.

Гражданская позиция автора отчетливо проступает сквозь строфы поэм «Доброта», «Черная луна», «Эхо войны», «Горе и гнев» и других. Все они перекликаются с темой минувшей войны. В них переплелись смелость суждений поэта, неожиданность ритмических поворотов, яркая образность и музыкальность стиха.

Как доброе напутствие хочу адресовать Кагермазову его же строки:

*А ты шагай, пока дано идти:
Пока живешь, ты должен быть в пути!*

*Юрий Николаев,
журналист*

Когда жизнь песней восходим

Лирический герой Б. Кагермазова наделен глубокой пронизательностью, философским мышлением. Соприкосновение с природой, с отдельными событиями, взгляд в историческое прошлое – все рождает в нем раздумья.

В большинстве стихов, затрагиваются поиски вечных истин, переходящих от поколения к поколению. В этом заключается философичность поэзии Б. Кагермазова. Круг размышлений лирического героя не замыкается на сиюминутном впечатлении, на конкретном событии. Мысли устремляются в прошлое и будущее.

Так, в «Восьмистишьях о любви» поэт называет любовь «книгой на всех языках», которую все берут в руки, но еще никто ее не смог прочесть до конца.

Идея вечного противоборства между добром и злом проходит в стихотворении «Жаворонок»:

*Мне кажется,
невидимая нить
певца удержит
на небе веками, –*

полагает лирический герой. Но злодейская рука перерубает эту нить, намереваясь уничтожить песню, образ доброго начала в жизни. Собрал последние силы, раненая птица снова устремляется в поднебесье, оживает голос, издающий мелодичные звуки. Птица поет, попеременно срываясь вниз и взлетая вверх. Драматизм достигает кульминации. Но вывод найден:

*А что ему бояться?
Ведь он певец,
и у него девиз:
как ты ни падай,
а сумей подняться!*

Римма Кумышева

Светлые строки Бориса

Нам хорошо знакомо имя кабардинского поэта и прозаика Бориса Кагермазова, автора интересных стихов, поэм-сказок и рассказов. Он часто печатается в нашем журнале. В Нальчике и Москве Кагермазов выпустил двадцать пять книг, три из них посвящены маленьким читателям. Одна называется «Дождевой телефон», другая – «Мишажуко», третья – «Как серый волк на луну летал».

Президент Валерий Коков поздравляет Бориса Кагермазова с присвоением звания
Заслуженного работника культуры КБР. 1999 год

Кагермазов работал учителем, хорошо знает психологию ребят. В своих рассказах и стихах он показывает мальчишек и девчонок с самыми разными характерами, рассказывает, как они растут, какие у них интересы, как учатся, какие у них наклонности. Автор всегда на стороне добрых, вежливых ребят.

Кагермазову одним из первых было присвоено звание лауреата молодежной премии республики. Он – заслуженный работник культуры КБР, член-корреспондент Адыгской Международной Академии наук.

Все, кто любит нашу литературу, в эти дни отмечают замечательный юбилей Кагермазова – его семидесятипятилетие. Мы желаем Борису еще долгих лет жизни и больших творческих успехов.

*Елена Накова,
гл. редактор
детского журнала «Солнышко»*

«Неповторимый голос – флаг поэта»

Борис Кагермазов, если говорить условно, принадлежит ко второму поколению кабардинских поэтов. Обстоятельства и условия, определившие становление его личности, формирование его поэтического мира были во многом закономерны. Не поняв их, нельзя говорить о полном постижении его творчества.

Кагермазову, как представителю народа с особым менталитетом, традициями и культурой, пришлось преодолевать определенные стереотипы в сфере поэтической.

Одна из отличительных черт лирики Кагермазова – постижение бытия через его элементарные слагаемые, элементарные не в смысле примитивности, а как вечносущие. Это – родное село, дом, очаг, солнце, ручей...

Конкретность и устойчивость бытия в лирике Кагермазова зиждется на проверенных опытом поколений ценностях, и потому не случайно столь частое обращение поэта к истории и фольклору собственного народа («Сосуко», «Слово адыгов», «Моя Адиюх», «Отчий край» и т. д.).

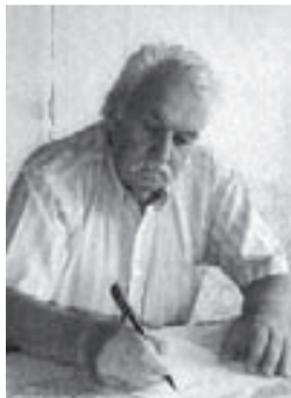
Тема войны также нашла свое место в творчестве поэта. Мальчишеская память цепко сохранила то время, когда в родное село возвращались фронтовики, когда во многие дома почтальоны приносили официальные извещения, не оставлявшие никакой надежды.

В отдельный пласт можно выделить философские и сатирические стихи. И в этом плане Кагермазов продолжает и развивает, в некотором смысле, народные традиции устного творчества.

В одном из своих стихотворений Борис Кагермазов написал: «Неповторимый голос – флаг поэта, / Мы по нему поэта узнаем». У поэта есть свой флаг и он узнаваем.

Джамбулат Кошубаев

К 75-летию Леонида Шогенова

Леонид Сулейманович Шогенов родился 25 января 1935 года в с. Куба Баксанского р-на в семье крестьянина. В 1944 г. поступил в школу и в 1954 г. окончил 10 классов.

С 1954 по 1957 гг. служил в воздушно-десантных войсках. С 1957 по 1960 гг. работал в шахтах Донбасса крепильщиком, бригадиром забойщиков. В 1966 г. заочно закончил историко-филологический факультет КБГУ по специальности «Преподаватель истории и обществоведения». С 1962 по 1974 гг. работал по специальности в школах с. Куркужин, г. Баксана, ПТУ № 1 г. Нальчика. С 1974 по 2002 гг. работал в КБГУ преподавателем истории, зав.

музеем. Педагогическая деятельность Л. С. Шогенова отмечена медалью «За доблестный труд».

В 1987 г. вышла первая книга для детей «Лъэмыж» (Мостик), а в 1993 г. – вторая книга «Къру шырхэр» (Журавлята), третья книга – «Псей щхъуантэ» (Елочка) вышла в 1996 г., в 2001 г. вышла четвертая книга «Моцэрэ Бацэрэ» (Моца и Баца).

В 1991–1995 гг. перевел на кабардинский язык 5 учебников для учащихся младших классов.

Член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ.

Написал совместно с композиторами КБР (Х. Кардановым, М. Баловым, А. Дауровым, Б. Кабардоковым и другими) много песен. Большая часть их них для детей.

Его произведения включены в учебные программы для детских садиков, младших классов школ, педагогического колледжа и КБГУ.

Награжден абхазским государственным орденом «Честь и слава».

Весной 1959 года в шахтерской газете Донбасса в одной из статей сообщалось: «...Леонид Шогенов и с начала нового месяца не снижает темпов своего труда. 1 марта, например, он произвел выемку угля в забое штрека и, выполнив свою норму выработки, он почти четыре часа помогал производить насыпку угля из лавы в вагонетки. В следующий же день, работая в лаве, Шогенов опять выполнил полторы сменных норм...».

Статья называлась «Впереди – бригадир Леонид Шогенов». Написанная в стиле того времени, она, тем не менее, многое говорит о Леониде. И прежде всего то, что в характере человека – «никогда не снижать темпов своего труда».

А начиналось все на заре 50-х, когда в кабинет Гумара Ногмова, редактора районной газеты «Новая жизнь», издаваемой на кабардинском языке, зашел уроженец селения Куба, школьник Леня Шогенов, который

предложил для публикации свои первые произведения. Так начинается карьера многих литераторов: первые публикации, потом учеба в вузе, выпуск книг, вступление в Союз писателей и, наконец, почетные лавры человека, привнесшего нечто интересное в общую литературную копилку. Но Леониду не суждено было быть только поэтом. В нем слишком много талантов, чтобы остановиться на чем-то одном.

Сыну репрессированного в 1937-м отца (Леониду тогда исполнилось 2 года) было гораздо труднее других пробивать себе дорогу. Нет нужды говорить и о финансовом достатке. Вся страна тяжело поднималась после войны. Что касается понятий типа «практичность» или «предприимчивость», то, наверное, нет более далеких вещей, чем деньги и Леонид. Я видел его дом, кроме книг, там, по-моему, ничего нет.

Мы помним рассказы старших о трудных послевоенных годах. Но не припомню, чтобы кто-то говорил об унынии в обществе, или, скажем, о массовых стрессах и тому подобных вещах. Напротив, неудержимая энергетика тех лет, порожденная послевоенными надеждами народа, дала обществу множество талантов. Романтичных и, наверное, поэтому в чем-то наивных, но страстных и увлеченных. Перед этими молодыми людьми лежало много дорог, и они выбирали каждый свою. Кто-то предпочел военную службу, кто-то пошел в управление народным хозяйством.

А Леонид выбрал нелегкую работу по возрождению родного языка, традиций и обычаев кабардинского народа. Так или иначе, это направление включает в себя научно-педагогическую деятельность, писательский труд и многое другое.

Надо сказать, что талант и редкая работоспособность позволили Леониду охватить весь этот спектр и по сей день работать в том же ритме, как и в молодые годы.

В 1966 году молодой специалист Шогенов получает диплом о высшем образовании. Бывший десантник и шахтер начинает преподавательскую деятельность. Впереди – медаль «За доблестный труд» и широкая известность, а пока все начинается сначала, как и положено людям такого склада, ступень за ступенью, и с 1962 по 1974 гг. работа сельским учителем в школе села Куркужин, преподавание в учебных заведениях Баксана и Нальчика.

С 1974 года Леонид Шогенов – преподаватель КБГУ и заведующий университетским музеем. Вполне возможно, что карьерный рост шел бы быстрее и не остановился бы на работе в вузе. Но карьера как таковая не интересовала Леонида. Да и характер у него «не карьерный». Работа, которой он посвятил жизнь, еще никого не сделала богатым, хотя ради нее приходилось жертвовать здоровьем, не говоря уже о личном времени.

Леонид не любит говорить о мистике и выражается конкретнее и доступнее: «Самое ценное, самое главное для любого народа – это его родной язык. Нет языка – нет народа. Адыги недаром слово «псалъэ» говорят. Псалъэ – слово, хранилище души народа. Псалъэ – его жизнь, история, обычаи, традиции, прошлое и настоящее. Многим чиновникам, возможно, не до этого, но если срочно не исправить нынешнее положение, мы потеряем язык, а вместе с ним и государственность, и самобытность».

Ильяс Теннеев

Леонид Шогенов на встрече в детском саду № 55. Нальчик, март 2009 года

Декан ФПК МРЦПК КБГУ Александр Кочесоков произнес: «На этой прекрасной планете несколько тысяч языков. Но только два из них – самые важные. Первый – это язык детей. Этим языком в совершенстве владеет Леонид Шогенов. Второй – это родной язык, вне зависимости от этноса. Человек, знающий родной язык, – самый счастливый человек. Леонид Шогенов не просто владеет своим языком, он борется за то, чтобы язык его народа стал языком песен, языком чувств, языком воспитания детей».

Ольга Орлова

Леонид ШОГЕНОВ

Дом

Дада¹ строит новый дом,
Каменный и долговечный.
Увлечен его трудом –
Я ведь тоже не беспечный, –

Начинаю строить сам.
Только домик мой непрочный –
Оттого что он песочный? –
Сыплется то здесь, то там.

Нет дверей, окон и рам,
Мал – не влезешь даже сам.
Ладно, в доме из песка
Кукла поживет пока!

¹ Д а д а – дедушка (каб.).

Лентяй

Для лентяя все немило.
 Все ленивому постыло.
 День за ночью пробежит –
 На боку лентяй лежит.
 Дела нет – и горя мало.
 Лишь подушку сном измяло.
 Если дело подвернется,
 Он с ним живо подерется
 И прогонит дело прочь,
 И приляжет – день ли, ночь...

Верблюд

Высок и надменен верблюд
 Идет себе, жвачку жует.
 А ну сторонись, праздный люд!
 Он – чуть не по нем – оплюет.

Он жесткою шерстью трясет,
 Он горб горделиво несет
 Двойной! Отчего ж он так горд?
 В горбах его жвачки – на год!

Перевод Л. Местича

Новый Год

Здравствуй, здравствуй,
 Новый год,
 Детвора тебя ждет!
 Ждет,
 Приглашает
 И все украшает.
 Снег сверкает во дворе,
 Стоит елка в зале.
 Дед Мороз уже пришел,
 Снегурочка – в паре.
 – Елочка, зажгись!
 – Огнями осветись!
 Пригласили мы народ,
 Дружно водим хоровод,
 Весело-весело
 Встретим
 Новый год!

Перевод Людмилы Гуровой

К 70-летию Саладина Жилетежева

Лауреат литературной премии «ЛКБ»

Его кредо: Человек без счастья на земле подобен птице в небе без крыла...

Саладин Хамзетович Жилетежев родился в 1940 году в сел. Аргудан Урванского района. Родители его были колхозниками. Отец Хамзат и мать Таужан работали в колхозе со дня его организации. Саладин окончил школу там же в 1959 году, после чего был избран секретарем комсомольской организации колхоза им. Ленина с. Аргудан. В 1961 году поступил в Кабардино-Балкарский государственный университет. В 1963 году перевелся на заочное отделение и стал работать учителем в средней школе с. Аргудан. В 1968 году поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве и окончил его в 1972 году, после чего

был направлен на работу в г. Орджоникидзе на должность редактора Северо-Кавказской студии кинохроники. Там по его сценариям были сняты документальные фильмы: «Человек простой биографии», «Портрет отца», «Киров на Северном Кавказе» и другие, принимал участие в монтаже, режиссуре, в редактировании, в написании как сценарного плана, так и дикторского текста к 39 номерам киножурнала «Северный Кавказ».

В 1976 году из Орджоникидзе переехал в г. Нальчик и стал работать на Гостелерадио зав. отделом, затем редактором отдела телевидения.

По мотивам героического нартского эпоса на киностудии «Союзмультфильм» впервые по его сценариям были сняты мультипликационные фильмы «Сын камня» и «Сын камня и великан».

Саладин Жилетежев является автором двенадцати сборников поэзии и прозы, двух романов: «Корни и ветви» – эпическое повествование о жизни и деятельности просветителя Лукмана Кодзокова, сыгравшего прогрессивную роль в истории Кабарды и всего Северного Кавказа. В основе романа – реальные исторические события XIX века, на фоне которых протекала общественно-политическая деятельность этого выдающегося человека; и другой роман – «Посол белого царя» – о жизни, деятельности и трагической гибели сподвижника Петра I, географа, естествоиспытателя, автора карты Каспийского моря, ученого, проложившего путь в Среднюю Азию, величайшего государственного и общественного деятеля Александра Петровича Бековича-Черкасского, сыгравшего прогрессивную роль

в русско-кабардинских взаимоотношениях и оставившего самые яркие страницы в истории России, Кабарды и Северного Кавказа.

Произведения Жилетежева переведены на русский, балкарский, турецкий языки. Он также автор многих переводов, прозы и сценариев, продюсер и режиссер дубляжа 38 мультипликационных фильмов, переведенных с русского на кабардинский и балкарский языки. Спектакль «Женский стол в охотничьем зале» поставлен по пьесе В. Мережко в его переводе в кабардинском театре; десятки телепостановок осуществлены по его сценариям. По его сценариям сняты художественные телевизионные фильмы, первый сериал в истории ТВ КБР «Во имя любви» – три серии, и «Во имя жизни», и экранизация рассказа Али Шогенцукова «Под старой грушей». Песни на слова Саладина Жилетежева «До свидания школа!», «Розы Долинска», «Мама, папа, нана, дада» давно стали любимыми среди молодежи и исполняются вот уже около 50 лет. В кукольном театре республики осуществлена постановка спектакля «Свирель Ашамаза» по его пьесе. За создание сценария телевизионного мультфильма «Сын камня» Саладин Жилетежев получил премию Союза журналистов КБР.

Саладин Хамзетович перевел на кабардинский язык пьесу Шекспира «Двенадцатая ночь», стихи А. Пушкина и Ю. Лермонтова, С. Шахмураева, К. Кулиева и М. Беппаева и других, которые опубликованы в разное время.

Отзывы о его литературной деятельности, как автора и переводчика, были опубликованы в таких престижных изданиях, как «Советский экран» (Москва), «Советская культура» (Москва), «Фильм-детям» (Москва), «Альманах киносценариев» (Москва), «Nart» (Турция, Анкара), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Нана» (Грозный).

Награжден знаком «Отличник телевидения и радио СССР», Почетной грамотой президента КБР.

Имеет четверых детей: старшая дочь – Кариман Вурдем живет в Анкаре, занимается переводом уникальных исторических изданий о Кавказе на турецкий язык, другая дочь, Фатимат, преподает в Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, сын Мухамед – художник, ювелир, другой сын, Нар, кандидат экономических наук, преподает в Кабардино-Балкарской сельскохозяйственной академии, доцент.

Саладин Хамзетович Жилетежев является членом трех творческих союзов России: Союза писателей, Союза журналистов и Союза кинематографистов.

Не так давно я читал в газете «Адыгэ псалъэ» признание Саладина о том, что он счастлив тем, что встречал на своем жизненном пути много замечательных и добрых людей. Одним из них был знаменитый кинодраматург Алексей Яковлевич Каплер. Он вел в институте сценарное дело. Алексей Яковлевич увидел в конкурсной работе учителя из Аргудана «рациональное зерно» и помог оформить ее надлежащим образом.

Съезд кинематографистов в Москве. 2009 год.

С л е в а н а п р а в о: Басир Шебзухов, Валентин Камергоев, Федор Бондарчук,
Евгений Сухомлинов, Аслан Мамхегов и Саладин Жилетежев

На одно место в тот год было 100 абитуриентов. Но материал аргумента получил одобрение творческой комиссии. Так, будучи уже в зрелом возрасте, Саладин Жилетежев стал студентом всемирно известного ВГИКа – Всесоюзного государственного института кинематографии, сценарный факультет которого он окончил в 1972 году первым из кабардинцев.

Писатель, кинематографист и журналист Саладин Жилетежев сейчас преподает в Северокавказском институте искусств историю кино и телевидения и сценарное мастерство. А его мечта самому делать фильмы – из далекого детства.

*Хачим Кауфов,
председатель правления СП КБР*

Киносценарист, журналист, поэт, прозаик Саладин Жилетежев успел сделать немало. Но я думаю, что ему предстоит сделать еще больше. Ведь ему только исполняется 70. И я желаю Саладину широко шагать вперед, преодолевая один творческий перевал за другим.

Борис Кагермазов

В последние годы наметилась тенденция к возрождению традиции творческого сотрудничества писателей с центральными и региональными литературно-художественными журналами.

Плодотворным результатом такой работы стал перевод большой

поэмы-гыбзы Саладина Жилетежева «Плач волны» («Толькьун гыбза»), осуществленный молодым поэтом из Новочеркасска Александром Пряжниковым, который серьезно занимается изучением истории и культуры народов КБР.

Поэма известного кабардинского поэта, писателя, кинодраматурга посвящена трагедии «ИстамбылакIуэ» – исходу в Турцию адыгов. На русском языке она опубликована в журнале «Дон» и почти одновременно появилась в журнале «Нана» (г. Грозный) и в полном объеме в журнале «Литературная Кабардино-Балкария», за что Саладин Хамзетович был удостоен премии этого журнала за 2008 год.

Светлана Моттаева

Саладин Хамзетович Жилетежев. Кто он? Во-первых, педагог. Получив первый университетский диплом «Филолог. Литработник», он пять лет трудился на ниве просвещения в родном Аргудане.

Его творческие способности проявились еще в студенческие годы, но в полной мере заявил о себе на рубеже 70–80-х годов. Он известен широкой общественности и как журналист (отличник телевидения и радио СССР), и как писатель (член Союза писателей РФ), издавший уже немало книг.

Сегодня Саладин удивляет нас и в области кинематографии. Он является автором первого в Кабардино-Балкарии национального мультфильма.

Азрет Теннеев

Его первые детские воспоминания связаны с голодными послевоенными годами. Нищета была страшная. Было не только нечего есть, но и нечего надеть, не во что обуться. В засушливом 1947 году с огорода в 30 соток, засеянного кукурузой, они собрали лишь одну сапетку урожая. А ведь надеялись, что зерна хватит на всю семью до следующего года. Отруби ели, барду, которую сейчас даже не всякий скот ест.

«Нас спасал, – говорит Саладин, – находившийся поблизости лес. В лесу мы, дети, собирали дикie яблоки и груши, везли их на тачке в село, сдавали в приемные пункты и покупали себе учебники, тетради. Часть собранных фруктов сушили дома и зимой ели. При этом никто из взрослых нас в лес не посылал. Мы сами были как взрослые. Каждый заботился о себе, как мог. Для похода в лес объединялись в группы по три-четыре человека».

Саладин взяли в подготовительный класс в 8 лет. Учиться было очень интересно. Он брал детские книжки в библиотеке и читал по дороге, иногда на ходу. В этот же день возвращался за новой книгой. Вскоре библиотекарь, не веря, что он так быстро их читает, отказалась выдавать другие книги. Тогда пришлось ему пересказывать ей содержание прочи-

танных произведений, чтобы получить новую книгу. Больше всего ему нравилась приключенческая литература.

Школу он окончил одним из лучших учеников. Кроме того, в школе был общественником – председателем ученического комитета, секретарем комсомольской организации.

Детей в семье было трое – он и двое сестер. Он вспоминает, что «мама больше всего любила его, хотя и был не младшим, а средним ребенком в семье. Давала мне самую легкую работу, самую вкусную еду мне оставляла, старалась одеть лучше сестренки. Наверное, потому что я был единственным мальчиком. В общем, она щадила, жалела меня».

Мама его прожила 90 лет. И все эти годы она находилась рядом.

Отец был в селе почитаемым человеком, как сейчас сказали бы, авторитетным человеком. Он хорошо танцевал, был компанейским. Ни одной свадьбы или другого торжества в селе не проходило без него. Он был замечательным оратором, и также умел помирить поссорившихся. Даже когда Саладин стал взрослым, люди сначала называли имя отца, а потом спрашивали, его ли он сын.

Саладин Хамзетович, задумавшись, вспоминает:

– Бабушка по отцовской линии Жалдуз (Дуза и Диза) была очень грамотной и мудрой женщиной. Она не просто читала Коран, но и переводила его. Я был слишком маленьким, когда она умерла, но помню, как бабушка рассказывала мне арабские сказки, истории о фараонах.

Вообще в нашем роду много творческих людей. Мой дядя Хаути очень хорошо рисовал, хотя нигде этому не учился, играл на гитаре, балалайке, аккордеоне.

В университет я поступил на историко-филологический факультет, на третьем курсе перевелся на заочное отделение и стал работать в школе. Отработал пять лет и поехал в Москву учиться на сценариста.

Мечта заниматься кино появилась в школьные годы. В селе, в здании, где раньше была мечеть, работал клуб. Русский киномеханик Петя, фронтовик, оставшийся без ноги, на велосипеде, кое-как крутя педали здоровой ногой, возил фильмы из Лескена и показывал односельчанам. «Военный фильм, военный фильм!» – кричал он. Эти фильмы больше всего нравились людям, они любили смотреть, как наши бьют немцев.

Тогда я и захотел сам делать кино. Мать не отпускала меня, не хотела, чтобы я уезжал. Она считала, что никакой необходимости в этом нет. Сейчас все наоборот. И родители с тобой поедут, и квартиру снимут, и деньги заплатят. А тогда я оказался в Москве один, без всякой поддержки. Но и столица в те времена была по-настоящему гостеприимной, становясь для всех родным домом.

Поступал в Институт кинематографии на сценарный факультет. Попасть туда было невероятно сложно, почти невозможно. Приняли меня со второй попытки. Экзамены принимал знаменитый Алексей Каплер, который с первого дня ко мне хорошо относился. И я его очень любил.

Подготовила Ольга Калашникова

Пьесы кинодраматурга Саладина Жилетежева «Сын камня» и «Сын камня и великан» проникнуты сказочным духом величайшего эпического памятника «Нарты». Автор старался сохранить в них ту величавость и монументальность, которые присущи древним кабардинским сказаниям. Действие происходит на небе и земле. Героям ничего не стоит взлететь в поднебесье или опуститься на дно моря, сбить с неба звезду. Они свободно перемещаются, преодолевая географические, временные, вражеские барьеры...

Взяв конкретные нартские сюжеты, Жилетежев сотворил собственный мир, которому присуще космическое звучание.

Жаухар Антаева

Уже много лет смотрят телезрители сказку «Сын камня», но интерес к ней не ослабевает, а усиливается. И они надеются, что сказка будет иметь продолжение.

Ирина Бердова

Лауреатом премии журнала «Литературная Кабардино-Балкария» за 2008 год стал Саладин Жилетежев за поэму «Мухажирство», посвященную событиям Кавказской войны.

К 70-летию Данила Согова

Данил Согов – прежде всего Человек с большой буквы. За 30 лет знакомства с Соговым я заметила, что он готов по первому зову прийти на помощь к человеку, который в этом нуждается. Глубоко судить его произведения не берусь, так как я не специалист по музыке, но скажу так: любой композитор, мелодист, будь он профессионалом или любителем, он пишет для народа. А мне, как человеку из народа, слушающему и любящему музыку и пишущему стихи, нравятся произведения, написанные Соговым. Они задушевные, запоминающиеся и лично мне близкие по духу.

Хочу пожелать Данилу в день его юбилея крепкого здоровья, уютного, теплого, неугасающего очага, и еще порадовать своих поклонников хорошими произведениями.

*Людмила Загаштокова,
поэтесса, лауреат премии журнала «ЛКБ»*

Песни Данила Жамбулатовича Согова получили широкое признание не только в Кабардино-Балкарии, они стали популярными в Адыгее, Карачаево-Черкесии, среди соотечественников за рубежом. Тематика песен разнообразна – он пишет о дружбе людей и народов, о любви к ближнему, о верности человеческой, о Родине, родной земле. Его песни выполняют не только эстетическую роль, но и несут большую энергетику и воспитательную нагрузку, призывая к добру, миру и согласию.

Данил Согов своим творчеством, как композитор-песенник, внес большой вклад в развитие адыгской песенной культуры.

*Ауес Зеушев,
певец, заслуженный артист КБР и Республики Ингушетия*

«Время регулируется не количеством прожитых дней, а тем, что за эти дни сделано», – сказал когда-то Михаил Светлов, автор текста знаменитой песни «Гренада». Известному кабардинскому композитору-песеннику Данилу Согову, которому исполнилось 70 лет, мне думается, есть чем исчислять свое время пребывания на этой земле – это, в первую очередь, многочисленными песнями, созданными им на протяжении десятков лет, тепло принятыми и не забываемыми слушателями ни на один день.

Я не специалист в области музыкального искусства, но с детства люблю и удовольствием слушаю старинные народные песни, а также произведения Данила Согова. Он один из тех, кто всецело отдает себя сохранению народно-песенных истоков национальной культуры, поднятию этого жанра на новый современный уровень.

Его песни мелодичны, певучи, оригинальны, просты и доступны. Они близки простому народу, поэтому лучшие из них пользуются большой популярностью. Не это ли высшая награда творческому человеку за труд!

Я желаю Данилу Согову, отдающему весь свой талант и жар сердца национальному искусству, долгих лет жизни и новых свершений в благородном труде.

*Анатолий Бицуев,
поэт, заслуженный работник культуры КБР*

Пляска, мой Плясчик!

© Ю. Кривошеин

Муз. Д. Согов

Музыкальный фрагмент, включающий ноты и текст песни на нескольких языках (русском и чеченском).

ЦВЕТИ, МОЙ НАЛЬЧИК

Слова Ю. Карамурзова

Музыка Д. Согова

Если, сияя утра лучами,
Лик раскрывает цветок,
И у подножья гор величавых
Райский цветет уголок, –

Прпев: Это мой город! Это мой Нальчик!
Это моя колыбель!
Это и строки песни крылатой,
Свет мой счастливый в судьбе!

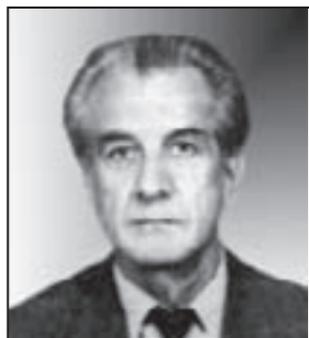
Нартской достойный славы мой город
В дни испытанья стоял,
Ратным трудом он в мирные годы
Имя свое прославлял!

Пусть пролетают годы, как птицы,
Снег уронив седины, –
Счастье какое было родиться,
Нальчик, под небом твоим!

Если с годами удаль былая
Станет тебе изменять,
К нам приезжай, ты, не унывая, –
Нам ли с тобой горевать!

Кто побывает в городе нашем,
Едет домой молодым.
Рад буду встретить! Двери враспашку!
Будь кунаком же моим!

Сараби Хажмастафович Мафедзев (1935, сел. Герменчик Урванского р-на КБР – 2007) – кабардинский писатель. Закончив местную семилетнюю школу, в 1950 г. поступил в Нальчикское педучилище. После учебы в 1954–1955 гг. работал учителем в Герменчикской школе. В 1955 г. поступил в КБГУ на русско-кабардинское отделение. В студенческие годы был активным членом литературного кружка, которым руководили М. Апажев и А. Хакуашев. Предметами обсуждения были проблемы языкознания и новинки кабардинской литературы.

Еще в школьные годы он сочинял басни, в педучилище писал стихи, в университете начал пробовать себя в прозе. В 1968 г. выходит первая повесть – «ЩІалэгъуэм и зы гъуэгъу» (Дорога молодости), в которой повествуется о студенческой молодежи 50–60-х гг. Автор поднимает нравственные проблемы, которые перекликаются с темой освоения целины, касается типичного для своего времени студенческого быта. Писатель «списывает» обобщенные типажные портреты со своих товарищей, находясь в гуще студенческой среды. Отсюда живое и непосредственное отражение стихии молодежной жизни.

В 1960 г., завершив учебу в университете, вновь приступил к педагогической деятельности в родной школе. В 1967 г. Мафедзев – научный работник краеведческого музея, 1968 г. – ответственный секретарь Кабардино-Балкарского отделения общества охраны памятников истории и культуры. С 1969-го – научный сотрудник КБНИИ, затем зав. отделом этнографии. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 г. – докторскую. Мафедзев – член Союза писателей СССР, заслуженный деятель науки КБР, лауреат Международной Кандуровской премии и Государственной премии КБР (за книгу «Гыбзэ хуэфашэт» – «Достойные гыбзы»).

В 1974 г. была опубликована первая историческая повесть Мафедзева «ЩІакІуэ фЫцІэ» (Черная бурка), которая основана на исторических документах. Автор художественно осмысливает отдаленное прошлое Кабарды до ее присоединения к России. Повесть посвящена борьбе кабардинского народа с Крымским ханством и Турцией, которые пытались укрепить свое влияние в Черкесии. Исторические события преломляются через трагическую судьбу двух молодых людей, плененных крымским

ханом. Чудом уцелев в стане врага, с большим трудом возлюбленные оказываются на своей земле, но здесь юноша становится жертвой своего соотечественника.

С этого периода историческая проза становится преобладающим жанром в творчестве писателя. В 1983 г. выходит очередная книга Мафедзева «ХьэщIэ махуэ» (Добрые гости), в которую вошли повести «Начих», «Конокрад», «Если бы убили вчера» и одноименная повесть «ХьэщIэ махуэ». Последняя – об аталыческом воспитании – является фрагментом романа «Достойные гыбзы», который был завершен незадолго до выхода сборника в 1983 г. Однако предвидя, что по идеологическим соображениям роман не возьмут в печать, автор решил включить в сборник отрывок из романа. Повесть «ХьэщIэ махуэ» посвящена разным сторонам традиционного быта дореволюционной Кабарды.

К середине 90-х гг. писатель возвращается к проблемам современности. В 1994 г. выходят три повести. Одна из них – «Мыхьур» посвящена драматической судьбе молодой женщины. Потеряв родителей, мужа, оставшись одна с больным ребенком на руках, в самый критический, отчаянный момент своей жизни она смогла сохранить женское достоинство и силу духа, оказать отпор авантюристу из «новых». Юмористическая повесть «Зубная боль» – невыдуманная история девочки, о том, как у ее бабушки заболели зубы. Повесть «Ложная прическа» посвящена истинным – таким, например, как интеллигентность, человечность, нравственность – и ошибочным понятиям.

В 1992 г. выходит роман «Гьыбзэ хуэфацэт» (Гыбзы достойные). События романа охватывают один из самых трагических периодов жизни кабардинского народа – период правления императрицы Екатерины II. Именно в этот период была усилена экспансия России на Кабарду – походы Глазенапа и две экспедиции генерала Булгакова. В результате последних было уничтожено 80, а затем 200 аулов, погибли десятки тысяч человек, была истреблена почти вся аристократия кабардинского народа – князья и дворяне. Автором приводится знаменательное высказывание генерала Булгакова: «Кавказ – рай, и он стоит пролитой крови, оставить эту землю кому-то другому – глупо». В это же время – 1793–1794 гг. – разразилась страшная эпидемия холеры, когда из каждых 10 человек погибли 9. В результате в Кабарде осталась десятая часть от прежней численности населения. Автор раскрывает весь спектр народной жизни: культура, быт, нравы отражаются в их естественном многообразии и противоречии.

В 1998 г. вышел роман «Мыщэ лъэбжьанэ» (Медвежьи когти), посвященный периоду правления Кабардой Кушука Джанхотова и Русско-Кавказской войне. Народная трагедия воплощена в истории процветающей семьи главного героя Билостана, состоящей из 7 человек: родителей, двух сыновей и трех дочерей. К финалу романа в живых остаются только двое: средняя дочь и отец. Показательны судьбы членов этой семьи: утонули мать с младшей дочерью, не пожелавшие попасть в руки солдатни. Стар-

ший сын оказался нелепо вовлеченным в страшный кровавый клубок кровной мести. Младший сын погиб в бою с царскими войсками генерала Вельяминова. Старшая дочь стала наложницей генерала Ермолова и вскоре умерла от тоски. Несмотря на острый драматизм повествования, центральная идея, вокруг которой бьется пульс всей книги, – идея неуничтожимости народа, нетленности народной жизни.

В личности С. Мафедзева счастливо сочетаются историк и литератор. Обостренное чутье историка позволяет ему останавливаться и пристально исследовать самые драматические, поворотные этапы прошлого кабардинского народа. Художественный талант позволяет «вдохнуть» жизнь в историю, и тогда перед читателем встают живые полотна человеческих судеб, полные трагизма и силы чувств. Боль и тревога за судьбу родины и своего народа – это боль и тревога за каждого, умение вплетать личные судьбы в широкомасштабные исторические панорамы – одна из главных особенностей прозы Мафедзева. Она сочетает в себе, на первый взгляд, противоречивые черты: при простоте и конкретике повествование писателя обладает философской глубиной и эпической широтой. Способность «вживаться» в судьбы собственных героев объясняется искренностью и экспрессивностью произведений автора.

Трудно переоценить вклад Сараби Хажмастафовича в историческую науку, в частности, в область этнографии. Им выпущено 6 монографий, опубликовано более 40 научных статей. Исследовательский интерес Мафедзева широк – от обрядов и обрядовых игр до адыгского этикета. «Адыгэ хабзэ» (1994) – труд, признанный одним из наиболее фундаментальных в числе других исследований в этой области, а также монография «Адыги: обычаи и традиции».

НА ПОХОРОНАХ

Рассказ

Пришедшие проводить умершего в последний путь тихо ведут неспешный разговор. Кто о чем... Кто о вещах самых что ни на есть будничных, обыденных, кто об ушедшем в мир иной...

– Когда же это случилось с беднягой? Только вчера с ним виделся, – спросил у одного из сыновей, стоявшего чуть в стороне от остальных мужчин.

– После вечернего намаза подбрисил сена скоту, а потом устроился у телевизора. Мы подумали, уснул сидя... – Голос у парня задрожал, и, смахнув ладонью скупую мужскую слезу, он, извинившись, отошел, чтобы занять свое место среди мужчин, как велит обычай...

Стоило мне узнать, что умер сын Хатуты Мугид, как из потаенных глубин памяти всплыло воспоминание об одном дне моего рано повзрослевшего детства, всплыло и обожгло душу...

...Мне – двенадцать. Я за старшего в семье, ведь отец не вернулся с войны. Так что на моих плечах весь груз житейских забот...

В тот день я и братишка отправились за сеном для коровы, кормилицы нашей единственной.

Вот я подхватываю вилами столько сена, сколько могу удержать. Но безжалостный ветер одним порывом опрокидывает охапку на землю. Бросаю бесполезные вилы, и руками пытаюсь наполнить арбу. Но стоит только потоптаться, чтобы уложить сено поплотнее, как оно еле прикрывает дно арбы, и надо снова приниматься за дело... Устал, а тут еще братишка хнычет, замерз, бедолага: мороз пробирает до костей.

– Не плачь, – уговариваю его, – вот привезем сено нашей коровке, она молочка нам даст, а будет молочко, будут и сметана, и масло. Маме на радостях станет легче, а там, глядишь, и вовсе болезнь отпустит ее. И она приготовит жамуко¹. И чурек со сметаной будем есть, – продолжаю увещевать младшего братишку Питу, но тот, кажется, не слышит меня. Растираю ему лицо, пальцы и предлагаю: – Слушай, а давай побегаем, ну-ка, догоняй!

Затяя пришлось братишке по душе. Сначала он с трудом передвигает заледеневшие ноги, а потом все быстрее и быстрее, и вот уже ожили, заблестели глаза, а то были как стекляшки, и легкий румянец заиграл на смуглых щечках. И я, обрадованный, что Пита повеселел, снова принялся за сено и наконец-то загрузил арбу до краев. Расставил рогулины, и, чтобы по дороге не растерять ни клочка, перетянул длинной кожаной веревкой.

¹ Блюдо из сметаны и кукурузной муки.

Оба вола лениво встали на свои места. Сажаю братишку в конец арбы, чтобы легче было поднять ярмо. Но не тут-то было. Развязываю веревку и перекладываю часть сена назад. Снова перевязываю поклажу, и, собрав все силы, с рвущей жилы натугой поднимаю ярмо. Старый вол, словно почувствовав мои муки, старается просунуть шею под него, но мешает дамэкьюэ¹.

– Ну, красавец наш, нагнись пониже, – упрасиваю вола, но тот стоит, как стоял. Руки от напряжения начинают неметь, и я роняю ярмо. «Может, второй вол будет сговорчивее, окажется смышленнее и просунет шею», – думаю я. И, с трудом подняв ярмо, пытаюсь подставить ему. Но этот еще ленивее и упрямее первого, и снова ярмо на земле. Злые слезы подступили к горлу, я не выдержал и со всего размаха ударил вола по мягкому месту. Вол мотнул головой и ответил... плевком, попал прямо в лицо. На мгновение я опешил, а когда пришел в себя, услышал конский топот. Наспех вытирая лицо, глянул в ту сторону, откуда доносился этот звук, и увидел, что приближается всадник. Я узнал его, это был охранник Токан. Про него говорили: и душа у него такая же черная, как и облик. И взрослые, и мы, подростки, терпеть его не могли.

– Эй вы, собачье отродье, – заорал Токан. – Зачем разворошили скирду? Кто разрешил вам сено брать?

Токан «подлетел» так близко, что вороной обдал меня паром, валившим из его ноздрей.

– Это наше сено, я сам накосил, – ответил испуганно.

– Как это «сам», собачье отродье! Место ровное, косилкой здесь поработали, так что колхозное это сено!..

– Меня пожалели, видели, что вручную не справляюсь, вот и помогли.

– А кто разрешил?

– Башир.

– Врешь! Не разрешу увезти даже клочок! А ну давай, разгружай арбу! Тут уж я не сдержался и заплакал. А глядя на меня, и Пита заголосил.

– Закройте рты! А Мугид разрешил? Он знает, что вы здесь? – продолжал орать Токан, сверля меня взглядом.

– Когда мама еще не болела, она ходила к нему несколько раз, и...

– И что Мугид сказал ей?

– Что сено учтено, как колхозное, и не дал ей бумагу, что это сено наше.

– Ну раз не дал, так не морочьте мне голову и выгружайте все, что взяли, быстро!

– КхьыГэ², не заставляй делать это. Корова наша с голоду падет... Вот уже два дня не дает ни капли молока, – слезно молю охранника.

Токан окидывает угрюмым взглядом арбу, волов, братишку, что дрожит и от холода, и от страха, и цедит сквозь зубы:

– Возвращайтесь в село и скажите Мугиду, мол, Токан не разрешает вывезти сено без наряда.

¹ Палка, что вставляется в ярмо.

² К х ь ы Г э – пожалуйста.

– Хорошо, один из нас сейчас же отправится к Мугиду.

Надежда высекла в душе искорку радости.

– Я скоро вернусь, и если не будет бумаги от Мугида, уедете ни с чем, поняли? Токан пришпорил коня, и вот он уже на склоне горы.

«Если отправлю к Мугиду Питу, сможет ли внятно объяснить, в чем дело. Ну а почему нет. Сможет, конечно. Да и я с мамой столько раз уже просили Мугида, что тот и сам поймет, зачем братишка мой к нему и на этот раз пришел. Может, сжалится, как узнает, что корова голодает, и не один день. Да и согреется Пита, пока до села доберется», – размышляю я, и говорю:

– Слушай, Пита, этот плохой человек не даст нам вывезти сено. Ты беги к Мугиду домой и скажи ему: «Наша корова падет с голоду. Кхьы!э, дай ты бумагу, чтобы мы ее показали охраннику». А я за это время еще немного сена набросаю в арбу.

Пита хнычет, но послушно кивает головой и срывается с места. Я смотрю ему вслед, и сердце сжимается от жалости. Шутка ли – до речушки Кичмалки час пути, а до села и того больше. Может, надо было сделать, что Токан требовал. Да и не верю я, что Мугид выпишет наряд, (я это слово запомнил!). Разве мама не посылала меня к нему позавчера. Когда я подошел к его дому, он выезжал со двора. «Мне не до вашего сена», – бросил он в ответ на мою просьбу... А сколько раз мама ходила к нему! Ходила, пока не заболела. И я вместе с ней ходил. Как он нас увидел, сразу же заявил, да так зло: «Какой шайтан занес вас на колхозный участок! Не просите, все равно не дам разрешения!»

– Ан-на¹, Мугид, – пыталась смягчить его сердце мама, – парни увидели, что ребенку не по силам косить, вот и пожалели, накопили там, на ровном участке... Корова наша голодает... Разреши вывезти сено. И да вознаградит тебя Аллах за твою доброту!

– Его уже учли как колхозное. Не имею права. И хватит об этом, больше ни слова, – сказал Мугид, как отрубил...

...И после всего этого я послал к нему братишку?! Да Мугид даже слушать его не станет. Ему-то что! У него во дворе шесть-семь стогов сена, хотя он и косу в руки не брал. Вот где колхозное сено! Ворованное... А мой папа, если бы не погиб, ни за что бы чужое не взял! Ах, си папэ дыщэ², зачем ты дал себя убить, зачем оставил нас сиротами. А маме как тяжело!.. Работала в поле, не покладая рук, ночевать приходилось ей там же, чтобы с утренней зарей за работу приниматься. Под палящим солнцем полола вместе с такими же женщинами, как сама, а пришло время, и кукурузу убирала, и картошку копала, а мы с Питой ютились у родственников все это время. Но, валлахи³, ни жена Мугида, ни жена Токана и носа из дому не высовывали. Об этом все знают. А теперь вот мама заболела... Мой дорогой папа, если бы ты знал, как я завидую тем, у кого есть отцы!

¹ Возглас удивления, нюансом смягчения диалога.

² Золотой ты мой папа (досл.).

³ Ей-Богу.

Вот такие мысли кружились в голове, когда я услышал конский топот, и испугался, подумав, что вернулся противный охранник. Но минутой позже облегченно вздохнул. Это был Башир, тот самый Башир, что разрешил нам косить именно здесь. Напряжение, державшее меня, словно тиски, отпустило, и я заплакал.

– В чем дело, Ахмедчик, что случилось? Ты что, замерз? – Башир соскочил с коня, одной рукой обнял, другой утирает слезы... Кое-как объяснил, в чем дело. Башир помрачнел.

– Эх, война, чтобы имя ее сгнуло! Унесла твоего отца, а какой хороший был человек! Как говорится, даже лежащую скотину не потревожил бы, до того был добросердечным... Ну ничего, когда-нибудь и на вашу улицу праздник придет, да будет на то воля Аллаха. Вот вырастете, и наладится ваша жизнь... А сейчас, давай, я подброшу еще сена, а ты утрамбай его.

Я так и сделал, а потом Башир, снова перевязал нагруженное, улыбнулся и сказал:

– Дорога ухабистая, арба тяжелая. Одному тебе не справиться, так что переправлю через реку арбу я. Ну а там до дома рукой подать. А ты держись, а то, если колесо на камень наскочит, так тряхнет, что и слететь можно.

Башир привязал своего коня к арбе, и повел волов за поводья. На душе у меня отлегло... Хотя и боялся признаться сам себе, а как Пита ушел, жутковато мне стало... Особенно когда вспомнил, как у нашего соседа волки прямо в хлеву растерзали осла. А тут – открытое место... Холод, похлеще мороза, леденит сердце... А теперь, когда Башир рядом, да еще и с ружьем, страх отпустил меня. «О, Аллах», – взмолился я, – сделай так, чтобы этот добрый человек никогда не болел и жил долго-долго». И вспомнил тот летний день...

...Я шел, перекинув косу через плечо, когда Башир догнал меня.

– Ахмедчик, дорогой, а вам где отвели место?

– Вон там, под большой пещерой.

– Да пока ты взберешься по такому крутому склону, у тебя уже ни на что сил не останется... Коси-ка вот здесь, на этих двух склонах, они пологие, да и эту равнинку можешь прихватить. Я разрешаю.

– А здесь же, сказали, колхозная косилка будет работать.

– Ничего, мой мальчик, не обеднеет колхоз... Ну сколько ты накопишь, ну от силы на один стожок...

Ух, и обрадовался я тогда!..

... Арба остановилась, и легкий толчок вернул меня из того летнего дня в этот зимний... И первое, что я услышал, был шум реки. А я даже не заметил, как мы переехали Кичмалку.

– Ну вот, ты почти у дома. Как приедешь, попроси соседей разгрузить арбу. А мне пора возвращаться.

Башир повернул коня в ту сторону, откуда мы приехали. А я направил волов на проселочную дорогу. И немного погодя увидел Питу. Закутан-

ный в большой мамин пуховый платок, он шел, понуриив голову, а когда поднял, увидел меня и побежал навстречу.

– Ну что, братишка, дал Мугид то, за чем ты ходил к нему?

– Нет, не дал.

– А что он сказал?

– Сказал: «Правильно сделал Токан, что не позволил вывезти сено».

– А мама... Что сказала она, когда ты домой зашел?

– Мама чуть не заплакала, а потом велела пригнать порожнюю арбу и отвезти ее хозяину. «Ничего, видать, не поделаешь», – сказала мне вслед...

И вот мы дома. Мама как увидела, что привезли мы все же сено, глазам своим не поверила, а потом так обрадовалась!.. Как, оказывается, мало надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливым!

...Прошли годы, И вот сегодня мы хороним Мугида, того самого, чья бессердечность погубила бы нас той голодной, теперь уже далекой зимой, если бы не добросердечность Башира... Он тоже покинул этот мир, и похоронен на этом кладбище... И я пошел к его могиле. Смахнул снег с надгробного камня, и вдруг из далекого далека выплыл облик Башира, и мысленным взором я увидел его лицо, на котором солнце и ветер оставили свои следы. Ведь он всю жизнь провел в поле, оберегая народное добро. Башир не давал спуску любителям пожить тем, что им не принадлежит, но всегда приходил на помощь тем, кому было голодно и холодно. «Да пошлет Аллах твою душу в рай... А я... Я никогда не забуду, как исцелил ты мою детскую душу, раненную безотцовщиной», – мысленно сказал я.

– Люди добрые, – вдруг услышал я за спиной голос эфенди. – Не положено так поступать... Нельзя оставлять того, кого хороним. Он уже землей засыпан. Пойдемте помолимся, чтобы Аллах простил ему грехи...

И тут я увидел, что у могилы Башира стоят многие из тех, кто оказался сегодня на кладбище. Больше двадцати лет прошло, как ушел Башир в мир иной, а люди помнят его. Потому что добро не исчезает бесследно. Оно, как сказали мудрые люди задолго до нас, «в дверях вечности стоит...».

Перевела Инна Газарова

Фатима МАХОТЛОВА

ХРОНИКИ АМАЗОНОК

Главы из повести ¹

...Когда Пелагея вывалилась из лодки, она очень сильно ударилась плечом о дно и, кажется, на несколько секунд потеряла сознание от боли. «Странно, я под водой уже больше двух минут. Почему я еще не откинула подковы? Странно. Может, я уже в раю для амазонских цариц? Нужно открыть глаза. Нет, не могу. Неужели боюсь? А может, это все сон и когда проснусь, окажусь в своей теплой постели?»

Она еще долго разбиралась бы в своих чувствах, если бы не новый удар – головой о встречную скалу. Пелагее пришлось открыть глаза. И что же! Если бы не сильное течение, которое отдавалось болью по всей коже, ей могло бы показаться, что она на суше. Вода не причиняла боли глазам, и еще: она могла спокойно дышать под водой. Нет времени удивляться, нужно спасать мир... в смысле – сестру. «Лия!» – позвала она, но услышала не свой голос, а какой-то жуткий скрип, от которого внутри все сжалось. Попыток кричать больше не было.

В мутном потоке перед ней показались подступы к водопаду. Течение усилилось, ее затрясло, швырнуло из стороны в сторону. Пелагея приготовилась... и – резко, как рыба, выпрыгнула из воды. Она летела, раскинув руки и выпятив грудь вперед. Мокрую кожу обдавал холодный ветерок. Это было неопишуемое ощущение. Вот-вот душа отделится от тела... Даже высота не пугает. То, о чем она так давно мечтала, что представлялось ей во снах. Но пришло время снова погрузиться, – Пелагея вытянула руки вперед и плавно вошла в воду. Она чуть не врезалась в скалу, резко отпрянула и тут же ударилась обо что-то спиной. Быстро развернулась и увидела лодку, ту самую, в которой они плыли. «Значит, Лия тоже где-то здесь! Хоть бы успеть!» Разглядев темный силуэт, девочка быстро подплыла к нему.

– Лия! – и опять этот жуткий скрип!

Лия была вся синяя и во множестве порезов. Пелагея перехватила ее под живот и начала тянуть наверх. «Ну и тяжелая же она, корова такая!» – думала Пелагея, таща сестру уже за волосы. (Все равно хуже не будет.) «Наконец-то берег, ура!» – ликовала Пелагея. Она уложила Лию на траву и стала ее откачивать.

– Ну же, Лия! Давай! Очнись! Прошу тебя! – Она использовала все известные способы, чтобы привести сестру в сознание, и уже начинала отчаиваться. И вдруг услышала слабый кашель: Лия с трудом приподняла голову, посмотрела на сестру.

– Что случилось? – спросила хриплым голосом.

¹ Продолжение. Начало см. в № 4, 2009.

– Мы попали под ливень, и еще мы скатились по водопаду, мягко говоря.

– А я думала мы умрем... – Лия мучительно напрягала память, пытаясь вспомнить все, что с ними произошло.

Пелагея смотрела на сестру, широко раскрыв свои темно-синие глаза. Это было их единственное отличие: у Лии глаза были ярко-зеленые.

– Вставай, – сказала она, улыбнувшись, и хлопнула Лию по плечу. А у той зуб на зуб не попадал от холода, ее била дрожь.

– Мы легко, слишком легко отделались, – задумчиво произнесла она. – Если не развести костер – мы окоченеем от холода. – Лия наклонилась и выловила из воды рюкзак. – Но где мы возьмем дрова?..

Пелагея деловито осмотрелась, затем решительно сказала:

– Пошли отсюда, мы не сможем разжечь огня, а так вещи не высохнут.

Там, за рекой, виднелась поляна, но легче было убить Лию, чем снова заставить ее вступить в эту реку. Сестры пошли в лес.

– Давай не будем заходить очень далеко, – предложила Пелагея.

– Почему? Ты боишься? – Лия лукаво взглянула на нее.

– Не дожدهшься! – заявила Пелагея, скрестив руки на груди и высоко задрав голову. – Видишь этот кипарис, а они не растут в наших краях. Мы ушли слишком далеко от Священного леса...

Лия засмеялась и взмахнула рукой.

– Пошли!

Пелагея пожала плечами и последовала за ней.

К гоблине подошел молодой человек лет девятнадцати.

– Мам, а кто это? – спросил он, поглаживая своего белоснежного барса по теплому носу и глядя на незнакомку.

– Это гостья нашей Девы, Млада.

Млада ничего не говорила, ее язык как будто заморозили. Этот юноша чертами лица, острыми и правильными, напоминал ей кого-то. Кто же это может быть? Ну... такая самоуверенная и злая ведьма... точно! Конечно, он похож на Киру! Отрезать бы ему его роскошные волосы и облачить в женские доспехи, – при слабом зрении можно было бы их и спутать.

Глаза у него были зеленые и большие, нос прямой; единственное – губы были очень тонкими, а у Киры они отличались припухлостью. Он ей сразу же понравился, так как походил на родного ей человека.

– Привет! Меня зовут Виссарийон, что значит – «сын леса». Неплохо звучит, да? Ай!

Гоблина довольно чувствительно ущипнула его за бок.

– Опять ты за свое! Это же невежливо...

Млада засмеялась: как же это парочка мила. Мать-гоблина ругает сына-человека, который выше ее в два раза.

– Что-то не так? – раздраженно спросила бронзовая гоблина.

– Нет, нет! – Млада замахала руками. – Простите.

– Так вы идете?

– Сейчас это не важно. Почему Ахилл подпустил вас ко мне?

– А кто такой Ахилл? – поинтересовался Виссарион с лукавой усмешкой. – Твой парень? О-ля-ля...

Почуяв в голосе Виссариона иронию по отношению к хозяйке, Ахилл зарычал, приблизился и улегся у ее ног.

– Упс! Простите! Я не знал, что вас влечет к существам с лишними волосами... Ай! Да что же это такое. Mam, ты когда-нибудь перестанешь вонзать в меня свои ногти? У меня весь бок в синяках! – Он с укором посмотрел на мать.

– Млада, так ты идешь? – спросила гоблина. – Мне еще нужно найти твою сестру.

Девочка помедлила, сомневаясь, но тут Виссарион протянул руку.

– Пошли с нами, тебе там понравится. Обещаю.

Его глаза так и лучились добротой. Она не взяла его за руку, но вдруг почувствовала по взгляду, что он никогда не сможет причинить ей зла. Да и к тому же – они найдут ее сестру.

Млада кивнула, с грациозной легкостью уселась на барса и последовала за своими странными провожатыми.

Кира пробиралась по густым зарослям колючих и резко пахнущих растений. У нее было такое ощущение, что из нее выкачали все жизненные соки. Она до сих пор не понимала, как пережила этот ливень. Везде была одна грязь. К чему ни прикоснешься – все мокрое и слизистое. Да еще мучила совесть по поводу сестры, но амазонке нельзя ни к кому привязываться – закон! Было одно утешение: рядом с Младой Ахилл, он точно не даст ее в обиду. Она ее найдет, скоро. Зато для младшей сестры это был хороший урок: с ней никто не будет церемониться. Но все равно Кире было немного совестно из-за той сцены, которую она устроила Младе.

Прошло еще какое-то время. Селена уже не могла нести такой тяжелый груз: амазонку, парня, мешок с оружием. Животному было невдомек, что это оружие выковано из особой стали и что только она получила возможность находиться с таким оружием, секреты изготовления которого были известны всего лишь двум-трем амазонкам во всем мире. Все равно для Селены это была лишняя обуза, и только.

Кира думала о том, что нужно разбить лагерь, а там уже заняться поисками пищи. Она опять услышала стон. Парень, кажется, приходил в себя. Теперь точно нужно где-нибудь остановиться.

Кира посмотрела вперед, чуть дальше было намного больше света. Раз там так светло, следовательно, лес там редееет. Кира поторопила Селену. Наконец-то они нашли поляну. Странно, в лесу везде слякоть, ноги утопают в грязи, а здесь просто небольшая влажность, на траве маленькие капельки росы. И пахнет здесь не как в пору затяжного ненастья, а как после маленького летнего дождичка – бодрящая свежесть окутывала всех, кто находился на этой поляне. Она закрыла глаза и простояла так

несколько мгновений, наслаждаясь: Кире не хотелось нарушать эту идиллию своим присутствием.

Амазонка положила мешок под дерево и потащила пленника туда же. Только после этого присела сама, блаженно вытянув ноги – после ночи, проведенной в трудной дороге верхом на барсе ее ноги стали напоминать подкову.

Кира расслабилась. Воздух был наполнен сладким, пьянящим ароматом цветов. Он обволакивал ее, заключал в объятия сна и размягчал мысли. Она смотрела на Конона и не знала, как поступить. Можно было бы просто бросить его здесь, но она не решалась. Зря, что ли, она столько его тащила?! И вообще, зачем она его тащила?!

Пока выдалась свободная минутка, она решила поразмыслить. Ее задумчивый взгляд вновь наткнулся на спящего молодого человека: «Он такой сильный... – невольно ушла в сторону мысль. – Так, все!.. я точно перегрелась! Нужно отдохнуть».

А между тем она исподволь приглядывалась к нему: волосы черные, короткие, растрепанные. Нос с маленькой горбинкой, губы тонкие, а в нижней – несколько костяных сережек. Еще две сережки в правом ухе. «Делать ему нечего! Дикарь проклятый, – подумала она про серьги, но в то же время видела, что они его украшают. – Руки сильные, с бугристыми мышцами, сразу видно, что хороший боец. Плечи могли быть и пошире. Узнать бы еще, какого цвета глаза... Да ладно! Что я к нему пристала? Уверена, заговорит – сразу в нем разочаруешься: наверняка чепуху одну будет нести...» – убеждала себя Кира, а тем временем Селена ходила вокруг нее, мягко переставляя лапы.

– Кто-то напрашивается на ласку, а? – спросила Кира у нее. – Или просто набить желудок захотелось? Ну ладно, пошли.

Она с большим трудом поднялась, затем огляделась: на поляне вряд ли они нашли бы подходящего зверька. Им пришлось заново забираться в лес.

Солнце уже поднялось довольно высоко. Прошло не так много времени, но в зарослях вся грязь успела высохнуть. Воздух был теплый. Редкие наплывы ветра доносили до нее дыхание девственных Амазонских лесов, наполненных ароматами всевозможных растений. Было слышно пение птиц. Природа ожила после истязаний стихии. Да... это ее территория, ее родной дом, всегда готовый принять ее. Как же она поздно это поняла! Никогда не ценила того, что лежало у нее перед носом... Теперь вся эта красота в руках каких-то уродов. Все цветущее скоро завянет, вместе с ней. Она только сейчас поняла, что все ее жизненные цели поблекли и исчезли, кроме одной, новой, вдохновляющей на продолжение жизни: крепость снова будет принадлежать амазонкам, и потом территория воинственных дев будет только расширяться!

Селена была в нетерпении – она не охотилась уже три дня. Любимица все время сзади подталкивала головой свою хозяйку.

– Иду, иду милая, – Кира пригладила шерсть и чуть не поранилась о диадему. – Это нужно снять. А жаль... ты в ней такая красавица.

– Уф! Какой же здесь сухой воздух! Вот бы посидеть на берегу какого-нибудь озера, – размечталась Пелагея.

– Подожди еще немножко, – в тон ей ответила сестра, – построим лагерь, приготовим еды. И будем жить-поживать... да врагов наживать!

Пелагея чуть не поперхнулась собственной слюной.

– А почему это мы должны врагов наживать? – удивилась она.

– Как почему? Что за детские вопросы ты задаешь, наивная моя! А на ком же мы будем тренироваться? Мы ни в коем случае не должны разучиться владеть оружием.

– Это как раз таки я поняла! Но нельзя ли нам тренироваться друг на друге?

– Если я тебя убью, у меня пропадет интерес к жизни. Над кем же я буду издеваться? – ухмыльнулась Лия.

Пелагея покачала головой. И где только сестра научилась такому собачьему юмору.

– Если ты сейчас не замолчишь, – предупредила она, – кто-то получит между глаз! А-а-а-а... – И обе одновременно выхватили мечи...

– Хм, хм! Девочки! А что здесь происходит?

«Девочки» от удивления выронили оружие. Сначала посмотрели одна на другую, затем на незнакомую девушку, так бесцеремонно прервавшую их поединок. Откуда она взялась, в такой глуши?!

Пелагея опомнилась первой:

– Эй, ты чего здесь делаешь?

– Извините, если помешала, я собирала дрова...

– Дрова, здесь? На Священных землях...

Девушка посмотрела на них, как на сумасшедших.

– Я здесь собираю дрова с самого детства. Да и селение отсюда в пяти шагах. – Девушка говорила очень тихо. Взгляд ее был прикован к земле, в то время как Лия смотрела на нее очень пристально. «Все-таки эта девочка ненормальна. И одета – глупее не придумать: с головы до ног обернута серой тканью». Она не привыкла к такому одеянию, едва удержалась от язвительного вопроса: на похороны?

Но и незнакомка уже немного осмелела, подняла и широко распахнула глаза.

– Девушки, с вами что-то случилось? Просто вы так странно одеты... Как ваши мужья позволяют вам так одеваться?

– Тебе не нравится наша одежда? – Пелагея удивилась. Тему мужей она предпочла опустить.

Сестры были одеты в самые дорогие ткани (хоть и грязноватые, признаться), расшитые золотом, на них была куча украшений, доспехи...

– Вас же казнят! – непритворно ужасалась девушка. – Давайте я принесу вам ткани, и вы спрячете свои оголенные места.

Лия никак не могла взять в толк, где это у нее «оголенные места»? Все прилично: юбки выше колен, и топики, и ожерелья, и браслеты; эллинские сандалии, зашнурованные до колен; шкуры на плечах, в которых смертельно жарко. О доспехах вообще промолчим.

Но Лия не стала вникать в подробности якобы грозящей им казни, ее интересовало другое: они явно попали на вражескую территорию.

– А ты можешь отвести нас в свой город?

– В таком виде! Нет-нет, ни в коем случае. Нас всех убьют! Что будет со мной, если мой муж увидит меня с такими девушками! – схватилась за голову их случайная собеседница.

Они уговаривали ее еще некоторое время, но ничего не получалось... до тех пор пока не предложили золотой браслет. Она долго смотрела на него, затем отчаянно махнула рукой.

– Была – не была... пошли!.. – и жадно ухватилась за вознаграждение.

Сестры прошли буквально полсотни шагов, и вдруг показалось, что они попали в другой мир: таких деревьев, растений, мелких животных они еще не видели.

Но вдруг девушка, которая отказалась называть свое имя, резко остановилась, и обратилась к ним:

– Девочки, подумайте еще раз. Вас могут задержать.

В ответ – молчание, сестры только переглянулись.

– Девушка, веди нас, а! – сказала потом Пелагея, сдерживая нетерпение. – Что же это за город, где казнят на площадях и носят лохмотья?.. – И очень интересно, какая здесь царица?

– Вы что, с неба упали?.. – удивилась девушка, но ответить не успела – послышался близкий топот копыт.

– Мы уже пришли? – Лия отодвинула ветку и ахнула. – Пелагея, милочка, ты только взгляни! Ничего себе! Этот город, он что – мужской храм?

Везде были только мужчины, не считая нескольких невзрачных женщин, которые плелись за ними хвостом. И город какой-то не такой! Одинаковые дома, серые улицы, вымощенные камнем. По окружности площади – множество лавок, в которых продаются только мужские товары. Ад какой-то! Все серое, бесцветное, аж глаза вянут от скуки. Никаких признаков каких-либо торжеств, празднований... одним словом, ничего радующего глаз. Давненько они не бывали в деревушках, где при их появлении не закатывали бы пирушку на несколько дней.

Они уже забыли про девушку и двинулись вперед. Не успели сделать и десяти шагов, как почувствовали на себе пристальное внимание окружающих: на них указывали пальцами, женщины отворачивались, а мужчины с угрожающим видом хватались за оружие.

– Лия, мне кажется, что-то не так!

– То же самое...

Было подозрительно тихо. В воздухе, подобно ветру, пронесился шепот, не предвещающий ничего хорошего.

– А ну стойте! Неверные! Заклинаю самим Зевсом, остановитесь! – гневно прокричал один из мужчин и стал приближаться с мечом наготове.

– Это мы неверные? Да как ты смеешь! Жалкий мужчина! Твоя дерзость смывается только кровью! – закричала Лия.

Пелагея даже в такой момент не удержалась от колкости в адрес сестры:

– Ничего интереснее придумать было нельзя? «Смоется только кровью!» – передразнила она и рассмеялась.

– Ну да, так все обычно и говорят, – огрызнулась Лия.

– Ага, как Акрисия в дни своей молодости, когда еще люди разговаривать не умели, – продолжала издеваться Пелагея, краем глаза наблюдая за мужчиной, который обвинил их в «неверности» и теперь приближался, размахивая оружием.

Лия опередила сестру и первая бросилась на него. Схватка длилась пять секунд, не больше, а кинжал Лии был уже у мужчины в бедре. На помощь собрату ринулось человек тридцать, короче говоря – все, кто был на площади. Женщины же с криком разбежались.

Сестры удивились. Вот неудачницы! Ну ладно, времени для того, чтобы понять всю философию этого мира, больше не было.

– Амазонки на голодный желудок не дерутся! – Пелагея потянула за руку Лию, и они обе ринулись бежать.

– Но мы же их как орехи перещелкаем! – пыталась противиться Лия.

– Ага, а потом соберется весь город, и уже разделают под орех нас... Нечего здесь лишний раз светиться!

Они удачно удирали достаточно долгое время: через каждые два шага попадался какой-нибудь переулочек, по вымощенным ровным улицам было очень легко бежать. Но каждой удаче когда-то приходит конец, вот и к ним фортуна повернулась той стороной, которую народу не показывают: переулочки кончились; дорогу сестрам преградил колодец, за ним – глухая стена.

– Ну, мы попали! – Лия тяжело дышала, наклонившись и опершись о колено. Через некоторое время она подняла глаза на Пелагею. – Что будем делать, напарница?

Пелагея внимательно осматривала стену, затем взобралась на выступ колодца.

– Эй! Ты что? Я понимаю, сейчас не лучший момент для жизни, но, может, не нужно спешить?

Пелагея посмотрела на сестру с жалостью, словно та внезапно лишилась рассудка, затем глазами же указала на соломенную крышу дома, рядом с которым и высился колодец.

– Вообще-то я хотела проверить прочность крыши, удержит ли она нас...

Шум разъяренной толпы неуклонно приближался.

– Ну, все, полезли! – Пелагея скрестила руки и подставила их Лие. Та подтянулась и осторожно ухватилась за край крыши: все-таки солома не железо... Затем, уже сверху, Лия помогла забраться и сестре. Они присели на корточки и затаились.

Солома была влажной, от нее дурно пахло. Сестры надеялись, что они недолго будут веселиться здесь. Толпа пронеслась мимо, проскочив переулочек с колодцем. Однако нашелся один любопытный осел, который

все-таки завернул сюда. Лия метнула копьё тупым концом вперед, и совсем молодой паренек отделался тем, что просто потерял сознание.

– А его-то за что? – Пелагея искренне повеселилась.

– Такие кричат громче остальных! Сама же сказала, не привлекаем внимания.

Лия ловко спрыгнула с крыши – за копьём.

Пелагея осталась наверху. Вокруг стало очень тихо, было слышно, как с подвешенного ведра гулко падают в колодец капли воды. Она услышала и голоса, пробивающиеся неизвестно откуда. Пелагея осмотрелась, но ничего подозрительного не обнаружила. Она прилегла на живот, разгребла солому руками, заглянула в образовавшееся отверстие и... разглядела какого-то парня, он нервно ходил взад-вперед перед темноволосой девушкой и, судя по жестам и мимике, вел с ней очень заинтересованную беседу. Да это же та самая девушка, с которой они встретились в лесу! Но теперь эту безымянную кроткую овечку было не узнать – она превратилась в тигрицу, ее движения были полны уверенности, аристократически грациозны... Она наливала себе вина...

Пелагея приложила ухо к отверстию, но все равно не разобрала, о чем говорит эта пара.

– Пелагея, спускайся, давай. Они уже далеко. Эй! Ты где? – Лия, не опасаясь, звала в полный голос...

Молодой человек резко прервал собеседницу и подошел к окну.

«Черт, может, он услышал крики сестры?»

– Пелагея! Спускайся!

Молодой человек быстро поднял голову, он ее заметил. Пелагея вскочила, и в этот момент ее протаскили через солому, она не успела произнести ни единого звука.

Лия снова забралась на крышу, осмотрелась... сестры и след простыл.

– Пелагея, ты где... а-а-аааа!

Она только и успела почувствовать, как провалилась в дыру на крыше, которой минуту назад не было.

– Кант! Кант! Смотри, что у меня есть! – девушка подбежала к парню, на вид лет двадцати, а на самом деле – семнадцати, высокого роста, с темными волосами, зачесанными назад и на концах заплетенными в мелкую косичку.

– Что опять случилось? – спросил он с явной досадой. – И что это за ужас на тебе, все серое. Взгляд затуманивается! Сними это!

– Ладно, – как бы с неохотой подчинилась она, – твое желание – закон... – Потянула с себя накидку, скрывавшую фигуру, и небрежно отбросила ее в угол. Осталась перед ним в полупрозрачном платье. – Не правда ли, – произнесла с кокетством, – эти ножки до жути хороши?

Молодой человек поднял на нее зеркальные от равнодушия глаза и повел взглядом сверху вниз.

– Да, в общем, ничего, вроде бы не кривые...

Лицо девушки посерело от негодования.

– С таким вот взглядом на женщин ты навсегда останешься недоразвитым сосунком! – Она хмыкнула и убежала в другую комнату.

«Глупая девчонка! Чего она от меня ожидает?» – подумал он, а вслух примирительно спросил:

– Так что ты мне хотела показать, Алла?

Ответом была полная тишина. Затем со скрипом отворилась дверь, Алла снова была закутана с ног до головы в серое бесформенное одеяние, она медленно приблизилась к нему, надувая свои и без того пухлые губы, как ребенок.

Достала из кармашка браслет, положила его на покосившийся от ветхости стол. Множество драгоценных камней, образуя необыкновенный цветочный орнамент, переливались на этом золотом украшении. Кант посмотрел на браслет настороженно, почти испуганно, затем вскочил и напустился на Аллу.

– Где ты его взяла? Отвечай! – он тряс ее за плечи. – Ты знаешь, что это такое? А?

– Отстань от меня! Что ты себе позволяешь? Ты забыл, кто я? – Аллу было не узнать, ее сюсюканье переросло в угрозу.

– Здесь ты – моя! – Кант указал пальцем на стул. – Сядь.

Алла подчинилась, несмотря на то, что была старше Канта на два года. Умолкла, глядя перед собой черными как смоль глазами.

– Ну и? – его распирало от нетерпения, левая щека дергалась в нервном тике.

– Я встретила двух девушек в Забытом лесу. Они были исцарапанные, мокрые, потрепанные. Полное вооружение. Я даже не поняла, это бунтарки или все же амазонки. Все настолько точно, что я засомневалась.

– И все?

– Да, – Алла подперла голову руками и изобразила гримасу задумчивости.

– У них полная экипировка, оружие, и они всем этим умели пользоваться? – Кант опять вскочил, он никак не мог успокоиться – принялся ходить взад-вперед. Деревянный пол жалобно скрипел под его ногами.

– Все же не думаю, что эта амазонки, это земля для них проклята, – попыталась его успокоить Алла.

– Зачем им это нужно? – он взял браслет и, поворачивая к свету, стал изучать орнамент.

– Как зачем? – Алла искренне удивилась. – Я же говорю: если я видела бунтарок, то назревает серьезная война. Они набрались сил и стали опасными.

Кант открыл рот, чтобы возразить.

– Нет, ты дослушай! – она легким движением убрала темную прядь со лба. Он пожал плечами, присел к столу и стал оглядывать грязные, пожелтевшие стены, испещренные рисунками, изображавшими мужчин-охотников, между тем слушая ее звенящий голос: – Все-таки ущерб от мужского насилия во всех его проявлениях слишком велик, я уверена, что это были бунтарки с окраины поселения.

– Ну, ты все сказала? Это не важно! Это не наши проблемы, тем более, что подобное творится только в этих заброшенных деревушках. Важен только этот браслет. Если он – то, о чем я думаю, это будет переворот в истории нашего народа! – Кант снова вскочил и начал ходить по кругу, воодушевляясь. – Ты можешь представить, что этому браслету более двух тысяч лет? А он как новенький, как будто только что из-под руки мастера. Но эти узоры... – Кант выполнил круговое движение кистью, будто хотел описать неопишваемое. – Их техника давно забыта, мастеров этого промысла можно найти только на страницах древних летописей. – Кант вскинул на Аллу свои серые пронизательные глаза и понимающе сощурился. – И ты, наверное, оказала им большую услугу, чтобы получить это сокровище?

Алла растерянно захлопала ресницами, она не понимала, к чему он клонит.

– Ты меня в чем-то подозреваешь?

– Понимай это как хочешь, но я не поверю, чтобы они за так отдали такой бесценный браслет?

Он склонился и заглянул ей в глаза. И она не в силах была отвести своего взгляда, словно замороженная. Ее бесило, что этот внешне мягкий человек имеет над ней какую-то неодолимую власть, словно держит в тисках. Но в то же время она чувствовала, что ей нравится подчиняться этой власти. Но сейчас надо было отвечать на его вопрос.

– Может, они не догадываются об истинной ценности этого браслета, – Алла занервничала. – Откуда мне знать, что у них на уме! – оттолкнув Канта движением кисти, она подошла к шкафчику. – Будешь? – не дождавшись ответа, откупорила кувшин с вином и налила себе в деревянный кубок.

– Тебе не следует пить...

– Ой! – насмешливо отозвалась Алла.

Вдруг он приложил к губам поднятый указательный палец. Алла удивилась, но притихла. Он вытянул шею, как будто от этого мог обостриться слух, и на цыпочках прокрался к окну.

– Ничего не слышишь? Нет? «Пелагея...»

Алла лишь недоуменно пожала плечами. Кант вернулся к центру комнаты, все так же напряженно вслушиваясь, поднял глаза к потолку. Через солому просвечивал темный силуэт. В одно мгновение он взобрался на стол, поднял и быстрым движением просунул руку сквозь влажную солому. Не видя, на ощупь, ухватился за чью-то ногу и сильно потянул на себя. Лучше бы он этого не делал – на него свалилось что-то очень тяжелое, ветхий стол под ним подломился, Кант рухнул на пол и некоторое время оставался неподвижным – совершенно ошеломлен случившимся. Когда же попытался подняться – на голову ему снова что-то грохнулось, еще более тяжелое. Он вскрикнул и на этот раз отключился надолго.

Лия открыла глаза, у нее быстро прояснилось в голове, когда увидела перед собой ту безвольную девушку, встреченную в лесу, но теперь она неузнаваемо изменилась. Когда-то собранные в узел и спрятанные под накидкой, волосы ее теперь были открыты, свободно вились и локонами

ниспадали на плечи. Грациозное тело девушки приняло боевую стойку. Она угрожала Лии длинным копьём с древним орнаментом на древке, с непонятными ей иероглифами на наконечнике. Лия, и сама девушка боевая, не могла не оценить такого оружия.

Алла обратилась к ней, единственной из троих, свалившихся минуту назад на пол, кто был в сознании:

– Какие люди в наших трущобах! – и взмахнула копьём как бы в знак приветствия. Но уже через секунду она сменила игривую интонацию на угрожающую. – Милая, сейчас ты медленно встаёшь, поднимаешь свою спутницу и сажаешь ее на тот стул, сама садишься подле.

Лия успела обежать взглядом обстановку, в которую попала: дряхлые стены, облезшие, уже едва распознаваемые рисунки на них. Из мебели, кроме стола, рухнувшего под тяжестью Канта и двух свалившихся, словно с неба, амазонок, в комнате находилась кровать, застеленная изъеденным молью покрывалом, и два стула. В углу стоял низкий овальный столик, у которого, как это ни странно, было только три ножки, но он все равно умудрялся не падать.

«Что за рай, куда я попала?» – подумала Лия.

За спиной раздался стон, это была Пелагея. Под внимательным пристроном Аллы Лия бережно подхватила сестру и усадила ее на стул.

– Теперь привяжи ее! – приказала хозяйка.

«Ха, с удовольствием! Ты ее хоть морскими узлами опутай, все равно высвободится. Не придуман еще такой узел, которого не одолела бы Пелагея!» – с гордостью подумала Лия.

Она привязала сестру к спинке стула, сама села рядом. Сложила руки на коленях и с интересом уставилась на девушку с оружием...

Продолжение следует...

В ожидании воскресения

То ли поздняя осень укоренилась, то ли грянула весна ранняя – ни луны, ни солнца, да еще и моросило. И жиденький туман плавил и размазывал темно-серые домишки, и громадные домины – без разбору. Благо, городишко выстроен абы как – на сегодня. И даже тьма румяных ментов, проживающих на перекрестках, никак не оживляли городишко, а напоминали о стражниках у древних врат

Хивы и Самарканда.

И думалось – темен Хана облик и бессмертно басмачество.

В проемах белесого тумана, в траурной цепи, белели окрестные горы. И, глядя на эти дома, понималось, что деньги на их строительство разворованы.

И вдруг, из безлюдья, из-за угла, как рисунок углем Модильяни, нарисовалась девочка-еврейка. И в глазах ее – не было этой улицы, не было этого города, не было этой страны, да и Израиля не было. Воистину Господь рассеял евреев не только в пространстве, но и во времени, спутав им все времена. И для них время и пространство мало что значили.

И в глазах девочки не было меня. И я физически ощутил, что нет меня, ни во времени, ни в пространстве.

И стоял я в безвременье: то ли домом у дороги, то ли горой у горизонта, то ли клочком тумана, то ли коробком спичечным, плавающим в луже.

Если нет меня в чьих-то глазах, меня нет вообще. И в этом холоде абсолютного сиротства обожгла и согрела мысль: я есть в этом мире, если запечатлен в чьих-то глазах. И ничего не изъять и не рассеять. И если рассеяна часть малая, то рассеяны все мы.

Я стоял на перекрестке и ждал девочку-еврейку. Ждал, чтобы появиться в ее глазах и в этом мире. Ждал – как обретения реальности. Ждал, как собственное спасение. Я так виноват перед ней. Мы все виноваты. Виноваты те, кого больше.

В ее глазах не было меня.

Ни миллионы, ни мощный интеллект – ничто не могло направить эти глаза в текущее, в сегодняшнее. Взор ее был направлен в дальнее, в прошлое, в давнее. Она искала обыкновенные камни, те, из которых выстроен был первый храм. И только тогда, когда она найдет эти камни, в ее глазах появлюсь я, возникнут другие, выстроится наш город и из окружающего *ничто* проявятся очертания страны.

Кто ж красит полы в преддверии осени

*Не важно, кого ты встретишь в пути,
а важно, каким ты вышел из дома. Ты встретишь того, каким ступил за порог.*

Еще вчера ничто ничего не предвещало. Было лето, и все шло само собой, без твоего участия. А сегодня роса на блеклой зелени наполнилась матовой мутью, грозясь завтра поутру превратиться в ледяные бусы. А с гор, растущих прямо с краешка моего огорода, терпко запахло будущей лютой зимой. И мне уже заранее тяжело видеть себя идущим по колена в снегу, с громадным бревном на плечах. А в оврагах снегу по горло, а местами – с руками. И нужно будет выискивать брод в завалах снежных. Иду из дальнего леса – поблизости все давным-давно повырубили. За что мои сельчане легко оправдаются перед Богом. Они это знают и рубят нещадно.

Иду, и на спине у меня громадное дерево – благо, ума хватило отсечь корневище. Тащить что-то посильное – нет смысла, потому что не понять, что тяжелее – дорога или ноша сама. Как трудно рубить дерево, особенно березу – трудно, потому что по живому, трудно, потому что по красивому.

Иди, сруби тополь у дороги – будто путь свой обрубил. И ничего на той дороге не найти – можно и не идти. Иди, сруби иву плакучую – сам наплачешься вдоволь. Может, саксаул какой-нибудь? Да где ж его найти. Я же могу вообразить ивовый лес – свихнуться можно – будто неожиданно столкнулся с тайной мироздания... и распался на молекулы – поди собери потом себя.

Иве и самой лес ни к чему, ей бы речку незлобивую, да людей, привыкших к труду и простору. Дерево срубить так же трудно, как и продать дом, в котором вырос. Потому что по живому, потому что по себе.

Иду, утопая в снегу, весь раскаленный и мокрый – иду под вой киношной метели. Вот где о душе думается, да в короткое время, благо, тело чужое, отдаленное, и душа не помеха. И осознаешь – к душе належке не пробиться. Вот она, почти видимая, как распухшие, красные руки мои, несет вместе со мной это громадное дерево – благо, без корневища, а то и душе бы не выдюжить.

Стою на свежевыкрашенном полу, в пустой и гулкой комнате. Лишь на печке побеленной – черный транзистор, из которого рвутся песни группы «Модерн-токинг». Песни вроде ритмичные, почти что задорные, но в осадке – прошлые потери и будущие разочарования. И все это – в преддверии осени. А ты ничего не нашёл и считать тебе нечего. Блики солнечные покоятся на красном полу, совсем беззазорные, будто пятна лунные. Ни души вокруг, и не предвидится осень. Лунные пятна, пролитые остывающим солнцем. Свежеокрашенный пол. Я проявился. Я ошутим. Надо что-то делать. Надо куда-то идти. Тягостно в этом холодно-глянцевом безвременье. В село, на завалинку – не хочу. Там речь пойдет о коровах и баранах. Да и они будут какими-то неходячими, увязшими в тягомотине

осенней. Да и живности у меня нет. Ничего такого у меня нет. И сказать мне нечего. В лес? Это ж какое крепкое сердце надо иметь, чтобы войти в этот погожий день в осенний лес? Где сотней скрипок встретит тебя сотня плачущих деревьев. Где зеленые сосны вопиют к небесам голубым, выпрашивая скорый и обильный снег. Где на отшибе полыхает береза в предсмертном огне – будто столкнулся на улице с ярко накрашенной старой женщиной. И огненное отчаяние старости женской опалает и тебя.

Большого одиночества, чем в горах, вряд ли встретишь – разве что в горном осеннем лесу. И полнейшее, зримое одиночество у осенней горной речки. Господи, как тоскливо у реки, несущей одиночество многих.

Но в реке форель. Вот наловлю ее и поеду в город к родным. Стану на улице, в толпе, и буду стоять, пока она, протекая мимо меня, не смое с меня всю накопившуюся оцепененность. И тогда, налегке, пойду искать место свое, ощущая движение времени, утепленное людьми.

И стоял я посреди комнаты, и в отупелой nirванности смотрел на свежеекрашенный пол. А из свежей краски, из светлых, холодных бликов на полу лилась давным-давно слышанная песня: «Опять я Башилем люблюсь, как сказкой. Прекрасной, прошедшей и неповторимой. Веселой и щедрой – совсем по-кавказски, и чуточку грустной, как повести Тина, как музыка Грига. Какая здесь осень – волшебница цвета, березки одела в янтарные бусы и все поцелуи бездумного лета зажгла в факела, будто волосы русы».

Нам было по тринадцать-четырнадцать лет. Мы целый месяц прожили среди сосен и мхов, приключений и любви. Мы все влюблены были друг в друга, во все, что нас окружало, а главное – в то, что было в воздухе самом. В день отъезда нас придавило небо, да еще и залило дождем. Много ли нам надо было – мы уже и так были опустошены и обессолены.

В тот миг я понял – животные лижут соль, спасаясь от тоски. Автобус сквозь дождь мчал нас: в город, в школу, к лозунгам на утомленных домах, в неправду. Вехали – неуют, будто после бани облачиться в старое белье. А дождь поливал дорогу, охлаждая разгоряченный за день асфальт, и терпкий, благодарный дух гудроновый, смешиваясь с запахом сосен, вещал о потере чего-то до крайней необходимости ценного и безвозвратного.

И мы, едва не плача, пели: «Дождь по Неглинной рекою струится. Дождь на Фонтанке и дождь на Неве. Вижу родные и мокрые лица – голубоглазые в большинстве».

И мне жаль стало олигархов. Бедные, хлопнуть бесценное время на сбор кучи денег и безуспешно пытаться купить на них чувства, которые даются только бесплатно. Бедные вы, бедные. Ну нельзя же быть таким несчастным. Одно утешало – с голоду они не умрут, а на большее у них средств не хватает.

Смотрю в окошко, а по горной дороге бредет старушка едва живая. Идет и что-то вяжет. Остановилась. Убрала с дороги камень, дабы человек или животное не споткнулись и не ушиблись бы. А за спиной ее, по склонам зеленым – громадные камни, аккуратно сложенные в квадраты – фундаменты непонятно чего. Они низки настолько, что любой баран их перепрыгнет, а корова, чуть напрягшись – переступит. Но ведь

для чего-то городили этот огород, сталкивая громадные камни чуть ли не с вершины и подтягивая другие с самых низин, и аккуратно – камень к камню, складывали их посреди склона. Было ж время у людей, были и силы, и какие...

И почему-то подумалось: да ведь китайцы строили стену великую – не от кого-то, а скорее – для кого-то. Строили, чтобы последующие ослабшие и донельзя грустные китайцы, посмотрев на стену, устыдились бы от сознания мощи былой, затаенной в этом монолите. Вот почему мои предки возвели эти фундаменты из глыб почти неподъемных. Они знали, что я буду стоять на свежоокрашенном полу, на перепутье, когда умирать боязно, а жить не хочется. Они знали, что я увижу мощь давным-давно ушедших, устыжусь немощи духа своего и тела... и ступлю за порог. Какие ж они умные были, те, кто жил до меня. Построив этот прочный фундамент, они предполагали, что на нем я возведу храм по вкусу своему и разумению. На такой прочной основе можно возвести все что угодно. Храма я, конечно, не выстрою, но пытаться буду. Ведь храм – это когда ты строишь. А построил – это уже дом.

Какие ж умницы были мои предки.

Как они чувствовали камень! И знали о нем если не все, то многое. Они знали, что камень не только молчаливая память, но и очень хороший рассказчик. Горцы искренне верят, что камень их охраняет. Уходя из дома, балкарец кладет камень на порог и говорит: присмотри за домом моим, а за тобой Бог присмотрит. На речке, на громадном валуне, небольшой камень – значит, кто-то поймал здесь большую рыбу и поручил маленькому камешку, чтобы он приглядел за этим рыбным местом до его прихода. В лесу – штабелем, бревна, а наверху – камень, и никто не тронет нарубленное.

Ходил я по лесу, устал донельзя, собирая сушняк. И натолкнулся на бутылку водки – так захотелось выпить ее с устатку и безысходья глуши, но бутылка та была придавлена плоским камнем, и я одернул руку. Побоялся. Чего? Не знаю. Откуда это? Наверное, в крови?

Старушка на горной дороге и камни на зеленых склонах вытолкнули меня из дома, и я нехотя поплелся в сторону речки.

Смотрю на эту притихшую речку... и вижу «Сидящего демона» Врубеля. Мало того, что не повержен, но он и не демон вовсе. Это человек, отстаивающий свою божественную суть. Так отстаивающий, что внешне весь почернел. Так обугливается космический аппарат, преодолевший верхний слой атмосферы.

Человек весь опалился, а глаза горят огнем внутренним, прогивостоя огню внешнему. На сшибке, в высшей точке столкновения этих двух огней и рождается творчество. Все остальное – баловство, ремесло, средство для пропитания, словесное наперсточничество.

Врубель горел в таком немыслимо сильном огне, где очень легко спутать ангела с демоном. Господи, как силен и крепок человек. И уши себе режут не от умиротворяющей прохлады, а от опаленности невыносимой. Уши себе режут в поиске реального, ибо реальное – это боль.

Впрочем, это вполне может быть и демон, сброшенный с небес. Вне-

шне они так похожи, что кроме создателя их никто и не отличит. Один сгорел, падая с неба, другой обуглился, стремясь в небеса. Огонь небесный и огонь земной спаяли их в единое целое, и назвали созданное – человеком. И не вычленишь из себя, не уничтожить демона в себе, оставив лишь устремленность свою в ангельское. Просто за одним надо уважительно присматривать, а в другое – верить и любить.

А чуть поодаль я увидел двух рыбаков, одетых совсем не по-рыбацки. На них яркие бейсболки и не менее броские кроссовки и спортивные костюмы.

А зачем им дурацкие сапоги по горло, нелепые брезентовые штаны и куртки? Зачем, в экстазе рыбацком, высккивать пойманную рыбу в мокрой холодной траве? У них электроудочка и громадный сачок. Рыба, как в страшной сказке, оглушенная всплывает брюшком вверх, ее подхватывают сачком и складывают на берегу, как дровишки для костра.

Все без пота, а главное, без эмоций. Так жители больших городов пьют водку, приходя домой почти обезжизненные городом своим и работой. Ни салам, ни здравствуй, ни тоста, ни проклятья – жажнут стакан водки и сидят, помаленьку оживая. В доме своем – как в подворотне.

Эти двое – местные, но живут в городе. Приезжают сюда раз в месяц, или пару раз в году. А напротив их, на другой стороне реки, прямо под высоченной скалой, разрушенное временем и заброшенное людьми село.

Ну кому могло прийти в голову построить дома свои в этом месте? Только тем, кто здесь родился. Ведь нет горы, с которой не скатывались бы камни, но на эти дома не упал ни один камешек. Это ж как надо чувствовать землю, на которой родился, живешь и жить собираешься!

Эта усталая бледно-зеленая река, эти полуразвалившиеся дома, поросшие лишайником всех цветов и оттенков – от серого до кроваво-красного, были не только остановившимся прошлым, но и какой-то очень важной подсказкой ныне живущим и тем, кому предстояло еще родиться. И только эти две желто-бело-красные кляксы так чужды были этой округе – как день сегодняшний. Река, вместе с округой, вытекает из прошлого и впадает в будущее, минуя настоящее. Река и сама ничего не знает о дне сегодняшнем. Она осмысливает, и расскажет о нем лишь завтра. Господи, как эти два ярких пятна рушат благостную затаенность преддверья осени. Они так неуместны здесь, как восточная свадьба в христианском храме.

Тихие заводи лишь у больших камней. Стою у такого камня и смотрю на поплавок. В речку я никогда ничего не бросаю, а здесь, задумавшись, машинально кинул окурок, а он не уплыл. Водная круговерть то уносила, то вновь возвращала ко мне мною брошенное. Вода была холодная, и мне не хотелось самому доставать окурок. Я ждал, что река рано или поздно унесет его. Но он упорно возвращался ко мне, как зримое назидание – мол, все содеянное тобой к тебе и возвращается. Было не до ловли – окурок раздражал меня. И я достал его и, выбросив на берег, успокоился. Сажу на корточках и смотрю на поплавок. В самом глухом лесу, на берегу безлюдной речки, всегда ощущаешь, что ты не один – кто-то всегда рядом. И думаешь – вот сейчас оглянусь и увижу что-то неожиданное и непременно

страшное. Заворочались, зашуршали камни за спиной, оглянулся... двое, закутанные с ног до головы в целлофан, и тянут за собой громадную, какую-то морскую сеть. Не во всяком Неаполе такую сыщешь. В Полинезии им никто не удивился бы. Как они здесь оказались?

Где не только моря – пруда малюсенького не сыщешь. Гора на горе, скала скалу подпирает – пройтись еще можно, вздумаешь пробежаться – лоб расшибешь о ближайшую каменюку, с дом величиною.

Когда ловишь рыбу, другой рыбак никогда не станет рядом, он деликатно обойдет облюбованное тобой место. Пришельцы меня вообще не заметили. Сеть плюхнулась рядом с моим поплавком. Они зашли в воду прямо по пояс, потом вместе с сетью, в которой трепыхалось много рыб, вышли на берег. Я, немой от растерянности, в полусознании, успел разглядеть их. Один – невысокий, румяный, круглолицый, другой – высокий и на таких длинных ногах, каких я сроду не видел. Лицо черное, обгорелое – будто он вырвался из самого эпицентра демографического взрыва. Успел подумать: человек человеку не брат, не товарищ, не волк брянский и смоленский, а встречный из параллельного мира. Господи, это они будут пытаться меня в преисподней. Они походили на сортировщиков душ, умерших в мире ином.

А они устремились вверх по реке, да так быстро, что мне и по асфальту так не пройтись. Шли они – во всем сверкающе-прозрачном – по белым речным камням, и мне показалось, что через миг они упрутся в белые скалы, что у краешка неба. Это после них исчезла трава и камешки речные умерли и побелели. И я замер в ожидании, что из-за камня громадного выплывет Харон в белой ладье, и сам весь в белом, и люди в ладье его тоже белые. Эти двое ходили и убивали берега, чтобы Харону уютней плылось. И, глядя вослед двум мертвенно-светящимся фигурам, подумалось: они – посланцы ужасного нашего завтра.

Так оно вскорости и случилось. Не зря же я полдня в воду смотрел. Видел я потом лицо нового времени, оно состояло из двух половинок: одна половина была румяная, другая – обугленная.

Побледнело все вокруг, и я почувствовал собственную бледность.

Такая слабость навалилась на меня, и до тошноты есть захотелось. Как бы мне осилить крутой бугор и попасть домой. Господи, даже на реке нет справедливости.

Иду в гору, едва переставляя ноги. И вдруг на руку мне вскочил резвый, жизнерадостный кузнечик. Какая умница! Он облюбовал себе хлеб, что чернел на вершине бугра – зимовать же ему где-то надо. В кои веки он доскачет до той вершины. А тут такая мощная оказия – он решил, что я его и доведу. И, глядя на это веселое существо, я и сам, возвращаясь в реальность, слегка развеселился.

Дома затопил печь. Повесил на стену ковер. Поставил стол и стул. И оглядев содеянное, понял: не хватает цветов, благо их на краю огорода полным-полно. И, глядя в окошко, на камни, сложенные на зеленых склонах Балкарии, почему-то вспомнил город, в который я сегодня не попал.

По краям главной улицы зеленые газоны. На одной стороне рабочие

косят механической косилкой и грузят скошенное в прицеп новенького «жигуленка», а хозяину машины остается только сесть и уехать. Благо, сам он неподалеку – весь чистенький, как и машина его, и одет он как на праздник. Он даст корм своей живности и успеет сделать еще с десяток прибыльных дел.

На другой стороне улицы, в пекло, косит траву мой соплеменник. На нем рубаха с длинными рукавами, штаны десятилетней давности, башмаки мощные, тупоносые, кои и в полусотню лет не износишь. Жена тоже в одеянии всех времен и расцветок. Косарь весь мокрый, крупные капли падают со лба его, зажигая в траве радужные бусины. Мало – сам надрывается, еще и жена за ним собирает скошенное в кучу. И неизвестно, найдет ли он машину или нет. Да и машина приедет похожая на косца – то ли «ЗИС» какой-нибудь, то ли «Студебеккер» времен войны. У него ума хватило бы купить бутылку водки, и ему налили бы, рабочим все равно косить. Нет, ему самому надо намахаться до темени в глазах. Приехать домой. Пристроить на гвоздь косу – кадило личное, коим он, из года в год, из лета в лето гонит без устали беса из себя. Машет им так, что дым идет из всех пор молящегося. Приехать домой, выпить кружку айрана, съесть кусок хлеба с сыром, лечь под навесом и, не чувствуя плоти своей, смотреть на ближний лес и слушать бульканье речушки, текущей рядом с домом его. Будет лежать, в блаженстве прикрыв отяжелевшие веки, и видеть громадные камни, с любовью сложенные на зеленых склонах Балкарии.

А меж городом и первым селом был родник у самой речки. Я ездил туда купаться, потому что там было много деревьев и мало людей.

Родник со временем наполнился тиной, зарастал травой, и стоячая вода вот-вот должна была превратиться в болото. И тогда из ближнего села пришел человек, сделал стек и родник ожил и благодарно заурчал. Не поленился же человек, пришел с лопатой и Бог весть для кого оживил родник. А рядом речушка и бревно через нее. И на бревне том прибиты ступеньки, да еще и перила с одной стороны сооружены, чтобы пожилые люди могли безбоязненно пройти.

Каждый год половодье сносит этот мост, и каждый раз кто-то приходит и все расставляет по своим местам. Да, видно, не один – бревно больно толстое, да и берег крут и высок. Наверное, он приходит с сыновьями и родственниками. Он и не ведает, кто будет ходить по его мосту – село его в километрах пяти от этого места. Раньше, за грибами и ягодами, ходили пенсионеры. Приходили семьями. И вот для них он и поднимал это толстенное бревно, с любовью ладил ступени и перила. Сейчас в лесу никого. Люди боятся ваххабитов и омовцев. А человек каждый год возводит мост свой, наверное верит, что в один прекрасный день прекратят борьбу с терроризмом и люди вновь потянутся в леса.

Очень хотелось бы увидеть этого человека. Может быть, я и видел его, да не обратил внимания. Он плохо одет, небрит, малообразован, но какая умница – он один из немногих, у кого воистину высшее образование. Как он сообразил – для того чтобы расширить мост Сират, надо построить

свой мост земной, и главное – не для себя. А чтобы не мучила жажда в дороге той – надо иметь свой родник на земле. Там будешь пить то, чем напоил других здесь.

Не может быть, чтобы человек, много ведающий о жизни иной, не знал, как обустроить страну нашу. У него наверняка уже есть и национальная идея. Она, наверное, проста и необходима, как и мост его.

Он ждет и верит, что страной когда-нибудь будут править умные люди. А подданные будут иметь долю свою с нефти сибирской, воды Байкальской и пены черноморской. И каждый будет кровно заинтересован в процветании страны своей, ибо от этого будет зависеть его личное богатство. Все просто, необходимо и безвариантно, как и мост его...

Соорудившие фундамент из громадных камней на склонах гор зеленых – поддержали ослабших, дали силы живущим. Какими же умницами были мои предшественники. Перебросившие бревно через речку и оживившие родник указали самый безопасный путь в мир иной и самое комфортное пребывание в жизни иной. Какие ж вы умницы, современники мои, мои соплеменники, и какие ж вы до умиления несовременные. Вам и время не указ. А указ вам – суть ваша и труд ваш. Я смотрю на мертвое бревно... и ощущаю живые корни свои. Из ближней церкви грянул колокол. И чей-то молодой жизнерадостный голос, возрадовавшись ему, прозвенел из строящегося дома – первый раунд. После второго звона, послышалось – второй раунд. Колокол звенел, а голос вторил ему. Счастливый, у него еще столько раундов впереди – раундов тяжелых, но я не сомневался: этот выдержит. А у меня, в лучшем случае, – предпоследний, кричи не кричи.

Этот голос придавал некую осмысленность городскому хаосу. В го-лосе этом слышался здоровый пульс города. И пульс этот хотел сбросить с себя груды городских ненужностей.

Я шел и наслаждался звоном церковным, и голосом, доносившимся из-за кладки кирпичной. И я знал, что это радостное существо видело из окна своего громадные камни, любовно сложенные на зеленых склонах Балкарии. И сами собой в голове складывались слова. Только потрудившись, имеешь право на молитву. И чем тяжелее труд твой – тем короче путь молитвы твоей. Чем тяжелее труд твой – тем яснее смысл молитвы твоей. Не проси за себя – не дойдет молитва твоя. Проси за других, и через них твое обретет тебя.

Если твои слова не будут гореть, как их заметят в свете семи небес. Пробить можно бетон, а сотканное из тончайшего – крепче всего крепкого. Только через пот ощутишь дух. А истончавшись, будешь принят тонким. Ракеты, прошивая небеса, лишь рванят их, и боли небесные возвращаются на землю чумой бубонной.

Я смотрел в сторону гор и думал: «Господи, как важно иметь хороший вид из окна...» В доме потеплело, и лунные пятна на свежеекрашенном полу, обогревшись, заиграли зайчиками солнечными. И свет небесный обещал ясную и умиротворенную старость.

Обжигает и сушит кожу
Ветер, злей его не найти.
Быть свиданью меж нами не может,
Мы расстались на полпути.
Только с милым нет больше свиданий,
Словно ранена пулей влет,
Только ветер моих страданий
Колыбельные слезы пьет.

Жизнь

На юру во все стороны света
Посылаю обрывки привета,
И пока не закончится лето,
Буду ждать я приветам ответа.
Ну а дальше – не хочется очень,
Чтобы близко увядшая осень...
И еще чтобы жизни зима
Холода принесла бы в дома.

Кустик желтой розы чайной
Светит, как привет, в окне.
«Дар напрасный и случайный»
Дан, как всем живущим, мне.
Желтым цветом пышет роза
И в окно струит свой свет,
Будто не таит мороза
Мир, как будто хлада нет.
Дар напрасный, дар случайный
Разукрашен розой чайной.

Костер на берегу реки

Костер на берегу реки
Мы аккуратно разложили.
Казалось нам, все разрешили –
Светились рядом светляки.

Костер на берегу реки
Был разложен прекрасным летом,
Теперь те дни так далеки,
Как ты далек с твоим приветом.

Костер на берегу реки,
В воде есть лунная дорожка...
Явись во сне, хотя б немножко,
С костром на берегу реки.

Так ведется – свет от света.
 Вижу мамины глаза,
 И у самого у сердца
 Просыпается слеза.
 Бег слезы, как бег лошадки
 Белой по полю-лицу.
 Моя мама тихой лаской
 Ушла к моему отцу.

Как два берега меж ними,
 Вся я – быстрая река.
 Нарекую я детке имя
 Матери – живу пока.
 И от них – хранима совесть,
 По земле хожу пока,
 Недописанная повесть –
 Мать, отец и облака.

На всю улицу запах сирени,
 А посмотришь – кусток не велик.
 Без зазнайства, тревоги и лени
 Аромат у земли многолик.

В Пярну

В Пярну легкие снега
 И жестокие морозы.
 От стихов хочу я к прозе,
 Как от Брейгеля к Дега.

Выздоровление

Мир по-иному засветился,
 Тумана нет и ясно небо –
 Бог на меня не обозлился.

Удел немногих

Писать стихи – удел немногих.
 Письма не пишутся уже.
 Горят огни и лают доги
 Где-то на энном этаже.

А ты сиди себе и думай
 О судьбах мира и страны;
 О том, что ветер где-то дунул
 И взял ухваткой Сатаны;

О том, что легкие снежинки,
 Чтобы укрыться, ждет земля;
 О том, что тают где-то льдины
 Быть может, вовсе, и не зря.

Писать стихи удел немногих,
 О судьбах мира и страны...
 Горят огни и лают доги
 И злей ухватка Сатаны.

В Таллинне

В маленьком гроте
Пили мы грог,
Маленький гномик
Нас уберег.
Маленький гномик
Нас угощал,

Встречи с разлуками
Пообещал.
Пили мы в гроте
Горячий грог,
Маленький гномик
Нас уберег.

Бузина

Выдернула бузину,
Выкинула в даль.
Не упасть мне в низину –
Прошлого не жаль.

Не заплачу, ты палач,
Заплачу сполна,
Тем, что я молчу, калач,
Тем, что я одна.

Дни прошли, ну что ж, ну что ж,
Убежали вскачь.
Только стужа, вынув нож,
Говорит мне: «Плачь».

Говорит: «Заплачь, злодей,
Пожалей себя...»
Я живу среди людей,
Близких всех любя.

Мое осеннее государство

В государстве нет орехов –
Это хорошо!
Мне с «дров» сыплются орехи,
Нужно что еще?

Груши, яблоки, и сливы –
То Аллаха дар.
Далеко небес извивы
И земная хмарь.

Пряный запах, влажный воздух,
Влажная листва,
И о землю тычет мордой
Влаги голова.

Ранний рассвет

День хороший, легкий начинался,
Полумесяц в облаках качался,
И дома в овраг бросали тень.

Лаяли собаки всей округи,
Безмятежно спали все подруги, –
И счастливым обещал быть день.

Чельские гела

Продам я кур. Куплю я чишек.
Я восхищаю семь мальчишек
Тем, что стихи пишу, кричу, —
Над злобным миром хохочу.

Не знаю нынче, что в чести
(К моим годам бы знать пора),
Но, тренируя свои челюсти,
Кричат: «Россия! Гол! Ура!»

Молодые люди до утра
Сивуху пьют или шампань.
Работы нет, но каждый пьян.
Подлеском их растет шпана,
Здесь балом правит Сатана.
Такие вот в селе дела —
Теленка телка родила.

Грусть по Москве

По вечерней Москве грущу,
Грусть залью чашкой чаю,
Я печаль свою отпущу,
Еще радости я повстречаю.

По вечерней Москве тоску
Заглушу чашкой чаю,
Ведь с тобою я все смогу,
Я тебе обещаю.

Ты мое оди-ноче-ство,
Пусть с тобой обвенчаюсь...
Не зови меня именем-отчеством,
Я рассвет над селом встречаю.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
профессор, доктор философских наук,
академик

МОЙ «ДРУГ СТЕПЕЙ КАЛМЫК»

Народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев вышел из гущи народа и невидимой нитью связан с ним. Любовь к отчему краю человек впитывает с молоком матери. Это чувство он сохраняет всю жизнь. Разные поэты по-своему выражали и воспевали красоту малой родины. Для них этно-природа всегда была национальным символом красоты, добра, мужества, свободы и геройства. Так, для балкарского поэта Кайсына Кулиева – это горы, камни, водопады, ущелья, альпийские луга; а для калмыцких поэтов – это степь, где на ветру колышутся разноцветные – красные, белые, желтые – тюльпаны и царит неповторимый аромат степной полыни.

Таким же национальным символом для Эльдышева является дерево, выросшее близ Элисты, в нескольких километрах от города. Оно поражает каждого, кто приезжает на поклон к нему, как к святыне, возвышающейся могучим стражем среди бескрайней степи.

Тонким лиризмом проникнута пейзажная лирика поэта, когда читаешь стихи о весне, то словно ощущаешь обновленное дыхание земли. Так, в стихотворении «Весна» это время года опозитизировано, и читатель ощущает, как «тает снег под жаркими лучами солнца, и течет, журчит, бежит вода...», а лирический герой в восторге восклицает:

*«Как тепло и радостно на свете!
Я смотрю, как в детстве, в небеса,
А оттуда ласково мне светят
Мамины весенние глаза».*

Творчество Э. Эльдышева – одна из ярких, выразительных страниц калмыцкой современной поэзии, органично вошедшая в литературную сокровищницу национальной поэзии Северного Кавказа.

Исследователи творчества поэта не раз писали о его жанровом многообразии. Оно действительно разнообразно: лирические стихотворения, монологи, баллады, поэмы-сказки, лиро-эпические поэмы, навеянные богатым калмыцким фольклором. Мастеру слова удалось правдиво отобразить основные стороны морально-нравственной жизни соотечественников, показать особенности их национальной традиционно-бытовой культуры. В этом отношении поэтическое творчество Э. Эльдышева уникально, своеобразно и является весомым вкладом в духовную культуру родного народа.

Эрдни Эльдышеву исполнилось 50 лет. Он на подъеме интеллектуальных и творческих сил и способностей. Мы желаем нашему другу крепкого здоровья, кавказского долголетия и больших творческих успехов!

Эрдни ЭЛЬДЫШЕВ,
народный поэт Калмыкии

На археологических раскопках

Находка археологов – скелет
 В могильнике, среди степи огромной –
 Свидетельство давно минувших лет,
 Всего лишь штрих культуры катакомбной.
 Бесстрастно смотрит наш двадцатый век
 На кости, превратившиеся в камень...
 А ведь когда-то этот человек
 Вот так же любовался облаками.
 И было солнце молодым тогда,
 И степь юна, и полноводно море...
 Откуда человек пришел сюда?
 Знаком ли был он с радостью и горем?
 Кто вздох последний принял у него,
 Повергнутый в отчаянье потерей?..
 В глухой дали стоит курган немой,
 Над ним тысячелетья пролетели.
 Во тьме веков скрывается ответ,
 Ни степь его не помнит, ни светило.
 И только человеческий скелет
 Безжалостное время сохранило.

Дерево детства

Этого дерева гибкие ветки
 Луком мне были, удобным и метким.
 Этого дерева пышная крона
 Бывала беседкой моею зеленой:
 В ней укрываясь, беспечен и мал,
 Дивные сказки в тени я читал.
 К дереву я приходил и влюбленным.
 В шум его листьев, весенних, зеленых,
 Песни вплетал о любимой свои.
 Дерево это – свидетель любви.
 Дерево это – свидетель страданий,
 Что отошли уже в область преданий.
 К дереву детства я шел, одинок,
 Только ему я довериться мог.
 В шуме листвы его, желтой, осенней,
 Слышалась мне доброта утешений.
 Дерево это, дерево детства,
 Дед посадил и оставил в наследство.

С давней поры и до этого дня
Дерево деда встречает меня.
Шелестом тихим мне душу наполнит,
К детству вернет и о многом напомним.

В музее

Музей – как открытая книга,
Влечет меня тайной вещей:
За каждым предметом – интрига,
Сказитель, герой, чародей...

Я вижу и поле сраженья,
И конницы страшный полет...
Вот флаги приходят в движенье,
Кровавая сеча идет!

Здесь густо замешано тесто
Истории предков моих,
Всему есть и время, и место,
И даже чуть видимый штрих –

И нет уже больше сомненья,
Кого здесь и кто победит,
Сомкнулись железные звенья,
Минута – и враг побежит!

Дорожка в такие глубины,
Такой благодати родник,
Как будто к окошку преник,
Живые увидел картины:

...Мне кажется: время потоком
В музее течет, как река:
Волнами, в размахе широком,
Плывут за веками века...

Я вижу, как ставят кибитки,
Я чувствую дым кизяка,
Вот чая шершавые плитки
Ломают девичья рука!

Мне кажется: вместе с народом
Я в завтрашний день ухожу...
Но как с этим общим походом
Грядущего века между

И нынешний день соизмерить,
Достойно прийти к рубежу?
И вновь я в музей прихожу,
Чтоб думать, надеяться, верить...

Рождение стихов

Стихи, еще не сложенные мной,
Живут во мне, бросая в жар и трепет,
И, прерывая отдых мой ночной,
Зовут туда, где звезды ярко светят.

Стихи, еще не сложенные мной,
Блестят во взорах озорной девчонки.
Они речной колышутся волной,
Их ветерок в поля уносит звонкий...

Стихи, еще не сложенные мной,
Восходы солнца поутру встречают

И радугой сверкают рассыпной,
И тучи дождевые разгоняют...

Стихи, еще не сложенные мной,
Легки, что искры очага родного,
Они то гаснут в темени густой,
То, разгоревшись, полыхают снова...

Не говорите за моей спиной,
Что строк моих читатели не знают,
Пусть я порой бываю сам не свой,
Пусть душу мою горести терзают –

Стихи, еще не сложенные мной,
Уже звучат и крылья расправляют!..

Я горевал, бывало – ты смеялась
И, как назло, когда был весел я,
Некстати ты унынью предавалась
И плакала, печали не тая.
Все невпопад – как мы с тобой несхожи
И далеки, как небо от земли.
Поэтому-то нас с тобой, быть может,
Пути-дороги скоро развели.
Но мне твой смех необходим порою,
Как соли, слез твоих недостает!..
Ведь небо все же сходится с землею
В степи далекой, там, где горизонт.

Курс на счастье

Вот и настала точка кипенья:
С глаз пелена, из сердца затмение,
Я избавляюсь от наваждения
Всем угодить – мое заблуждение.

Для злости и сплетен всегда я чужая,
Лишь счастье и радость теперь принимаю,
Быть может, немного я запоздала,
Но все же готова начать все сначала.

Вот оно утро надежд, озарения,
Радости утро и избавления.
В прошлое больше я не вернусь,
Свободе и счастьем в плен я сдаюсь.

Злобе меня не уговорить,
Грубостью меня не надломить.
Никому не предъявляю счет –
Счастье унижает «бухучет».

Огнем и водой закаляется сталь.
Прошла все стихии я, как ни жаль,
Пока я старалась, всем угождала,
Себя позабыла, себя потеряла.

В душу нацелен был выстрел контрольный –
Как безнадежно, как это больно.
Только себе хочу угодить –
Гармонией, счастьем себя наградить.

Утро не только для пробуждения –
Оно для успеха и возрождения.
Свободой и радостью я упиваюсь,
Держу курс на счастье, не сомневаюсь!

У людей свои развлечения –
Вечно в поисках наслаждения,
Ищут позабавнее игрушки,
Время не жалеют на пирушки.

Кого-то компьютер, энерговампир,
Из реалий ведет в виртуальный мир.

Этот – пива любитель, тот – в покер играет,
Ну а тот от людей свою дверь запирает.

Тот – искусства ценитель, тот – дамский угодник,
А этот все деньги считает, негодник.
Кто-то любит читать, кто-то спортом тело мучит.
Научись танцевать, остальному горе научит.

Книгу жизни я листаю,
Кое-что перепишу,
Все плохое вырываю, –
Смуту в душу не пушу.

Только все в себя налажу,
Кто-то да подложит «лажу».
Снова раны залатаю,
Не рассыплюсь, не растаю.

Успокою свои нервы –
Есть во мне еще резервы.
Сердце закую в броню,
В нем лишь лучшее храню.

Грусть, тоску, переживанья
Положу в большой сундук,
Пусть лежат они в изгнанье,
Не сбивая сердца стук.

Осень

Забавляясь, бушует ветер,
От дождей он немного пьяный,
Он сегодня игрив и весел,
Облака разгоняет рьяно.

Разлетелись в испуге листья,
Только кратки их в небе дороги,
Увядает краса их лисья,
Тихо падает людям под ноги.

Торжествуй же, царица-осень, –
На висках проступила проседь.
Не скажу, сколько лет мне иль весен,
Я года подчитаю в осень.

ТАМАДА-КОРОЛЬ

Радостная весть о возвращении нашего отца с Зольских пастбищ настолько обрадовала нашу семью, что все по-своему пожелали его встретить: бабушка и моя мать, суетливо бегая, готовили самые любимые блюда отца – гедлибже с пастой, лакумы, пирожки с картошкой и сладкое халиуа с «хворостом». Мой старший брат сразу начал вычищать хлев, куда был загнан весь скот, возвратившийся вместе с отцом. И я не отставала от всех, быстро прибралась в комнатах, помыла полы, подмела двор и стала кормить птиц, когда подошел мой дед.

– Детка, – сказал он, – пошли со мной, и я тебе покажу что-то очень интересное, чему ты будешь очень удивлена.

Мы пересекли наш длинный двор и очутились между хлевом и сараем. Я удивлялась, что же дед может показать мне в таком невзрачном месте... как вдруг заметила, что на пустоши выросли деревья, ветвистые, с продолговатыми листочками. Тут я вспомнила, как дедушка весной заставлял поливать эти прутики каждый день в течение почти месяца. Я тогда не верила, что из прутиков без корней могут вырасти деревья. Но я и сейчас не понимаю – для чего нужны деревья без плодов? Но тайну, связанную с этими деревьями, я узнала позже.

Отец мой очень любит всякую живность, и поэтому у нас в хлеву и сараях кто-то кудахчет, кукарекает, мычит и блеет, у нас всегда водятся куры, индюки, гуси, коровы, быки, козы, бараны. Но из всех животных я очень люблю маленьких и миленьких козлят. В этом году приплод у коз был небольшим. Весной у них появились семь разношерстных козлят. Из них три черненьких, два коричнево-белые, один – совсем белый, и самый последний и самый красивый – черно-белый козленок с черной головкой и с белой звездочкой на лбу. Козленка со звездочкой мы с дедом так и назвали – Звездолобик. Весной, когда Звездолобика отец забирал на пастбища, он был совсем кроха, и теперь мне не терпелось поскорее увидеть его. Каким он стал, интересно?

Я часто думала о Звездолобике и скучала без него. Узнает ли он меня, или нет? Он стал, наверное, похож на всех своих собратьев и сестер, которые раньше даже не подходили ко мне. Звездолобик был совсем не похож на них. С самого начала мы с ним крепко подружились. Когда он был еще маленьким, как только отец выпускал его на волю, он забегал на нашу кухню и начинал разбрасывать кастрюли, ведра, посуду, из-за чего мать часто ругала и выгоняла его, а я всегда старалась защитить его. Один раз он даже сорвал занавеску на окнах кухни и стал ее жевать. И

мама меня очень поругала, сказав, что во всех грехах я виновата, потому что я защищаю и приучаю заходить козленка на кухню. Но я готова была понести любые наказания за Звездолобика. Если я во дворе, он шагал со мной рядом, если я в дом, то забегал тайком на кухню. А когда мы начинали бегать и играть, он передними ножками прыгал мне на плечи, нюхал и лизал мою одежду, мой подбородок. Он так ловко и высоко прыгал и бегал, что порою я не успевала за ним.

В день отъезда моего отца на пастбища Звездолобик повел себя по-особому интересно. Он подошел ко мне, вытянул шею, потом стал смотреть на меня жалобно, будто не хотел уезжать, а хотел бы остаться со мной. Мне стало его жалко, я обняла его за шею и стала просить отца оставить его дома со мной. Но отец пояснил, что козленок еще очень маленький и отрывать его от матери-козы опасно.

Теперь же, когда я узнала, что мой Звездолобик возвращается с отцом домой, я с нетерпением ожидала, когда же наконец я увижу его. Я выходила на улицу, высматривая, не едут ли они, хотелось первой их увидеть. Но они не появлялись. Не дождавшись, я вернулась во двор. Под деревом с правой стороны стояла старая кровать, и мой дед иногда дремал, сидя на этой кровати. Я тихонечко подошла к бабушке и присела на краешек кровати. Меня с утра разбирало любопытство: зачем все-таки деду нужны те деревья за сараем.

– Деда, скажи, пожалуйста, зачем тебе нужны те бесполезные деревья?

– Эти деревья очень даже полезны для твоего Звездолобика и моего Тамады-Короля. Вот приедет твой отец, и ты это увидишь сама, – ответил дед.

Тамадой-Королем бабушка называл нашего огромного козла с большими рогами и длинной бородой. Этот козел действительно оправдывал свое имя. Он всегда гордо ходил, как король, впереди стада. Куда бы он ни повернул, все стадо сворачивало за ним, даже овцы слушались его.

Когда они отправляются на водопой, первым должен пить воду только вожак Тамада-Король. И когда приступают к еде, он тоже первый. Вот такой он король среди стада. Как я дружила со Звездолобом, мой дед точно так же дружил с Тамадой-Королем. И в нашем дворе только бабушку он признавал и слушался, не моего папу, как это ни странно, а только бабушку. Временами этот огромный козел становился злым и опасным. Он начинал бодать взрослых и детей без разбору. Ему казалось, что таким способом он защищает свое стадо от нападений, и никогда никого не подпускал ни к себе, ни к своему стаду. Я была уверена, что он стал таким злым за лето, за время жизни без деда.

Солнце клонилось к закату, когда отец с отарой появился на окраине села. Мой отец шел впереди стада, за ним столб пыли, который скрывал всех животных. По мере приближения столб пыли рассеивался, вот стало видно, как наш бородатый Тамада-Король гордо и твердо идет за спиной моего отца впереди всего стада. Бабушка и мой старший брат распахнули ворота и готовились загнать стадо в хлев. Мимо бабушки и брата я

побежала навстречу папе, желая кинуться ему на шею и обнять первой. Но как только отец заметил меня, он остановился и поднял вверх свою пастушью палку. Это было знаком для моего брата, который догнал меня и стал ругать за невоспитанность. Я стала вырываться, но сильные руки брата держали крепко, и он отвел меня назад. Брат сказал матери, чтобы меня заперли в доме, пока они не загонят скот в хлев. Я плакала, просила, не понимала, в чем я виновата, но мать завела меня в дом и запретила выходить, объясняя, что меня забодает большой козел-вожак.

Пока отец не вошел во двор, пока Тамаду-Короля не загнали в хлев, у меня не было ни малейшей возможности хоть одним глазком взглянуть на моего Звездолобика. К моему отцу меня не подпускали до тех пор, пока он не очистился от дорожной пыли и сам не вошел поздороваться ко мне. Отец поцеловал меня, погладил по голове и, сказав, чтобы я не сердилась, пошел к собиравшимся родственникам и соседям. Я была в обиде на маму и брата и сидела у окна, сердитая и очень грустная, как вдруг услышала какой-то странный шум и громкие крики наших домочадцев. Оказалось, что один козел перепрыгнул через ограду, и его никак не могли поймать и загнать в хлев. Я выскочила из дома и стала наблюдать за всеми. Посреди двора бегал какой-то козлик, он явно искал кого-то или чего-то. Я не узнала Звездолобика – настолько он вырос и стал большим. Он подбежал ко мне, поднял передние ноги и положи их на мои плечи, стал лизать мой подбородок.

Я была глубоко тронута тем, что он все-таки меня узнал. Я обняла его и стала гладить ему спину, почесала шейку. Его шерсть сверкала и переливалась, он стал высоким и на голове у него появились твердые рожки.

Было удивительно, как Звездолобик стал похож и внешностью и характером на нашего вожака стада, любимца дедушки – огромного козла Тамаду-Короля. Этот козлик тоже никого не слушался, и мне хотелось, чтобы он слушался только меня. Но это я должна заслужить сама. Однако эта честь не досталась ни мне, ни даже моему отцу...

Мудрость деда победила и здесь. Он появился с охапкой ветвей с ивы, которые выросли между сараем и хлевом, и стал манить козлика сочной листвой с необыкновенным приятным запахом. Почуввав запах ивы, Звездолобик стал смотреть то на деда, то на меня, как бы колеблясь в выборе, и, постояв так несколько минут, он все-таки подбежал к деду и с жадностью стал щипать зеленые листья.

– Теперь я знаю точно, кто будет следующим вожаком и тамадой нашего стада. Это будет Звездолобик, он и только он! Смотри, какой он храбрый и преданный. Он узнал тебя! – приговаривал дед, глядя моего козлика.

– Дада! Я поняла, зачем нужны были эти деревья без плодов. Они очень нужны нашим козлятам! Поняв полезность ивы, я выхватила одну ветку из охапки деда и протянула Звездолобику. Козлик отошел от дедушки и стал щипать мою ветку. Дед посмотрел на нас и одобрительно улыбнулся.

– Возьми еще веточку и иди в хлев, Звездолоб пойдет за тобой, – сказал он.

С великой радостью, оттого что будущий вожак Тамада-Король подружился со мной, я отвела Звездолобика в хлев, не переставая удивляться мудрости моего деда.

ИГРА БЕЛОГРУДОЙ ЛАСКИ

Мы встретились этой весной и как-то сразу понравились друг другу и подружились. Я каждое утро бегала на встречу с моим новым другом.

В народе говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Придерживаясь этого правила, я живу с множеством друзей. Мои друзья так необычны и интересны, что порой я задумываюсь: они ли меня первыми находят, или же я нахожу их?! Наверное, мы имеем какую-то тайную притягательную силу, раз мы так быстро начинаем дружить. Если это не так, то я не знаю, как объяснить все, что происходит вокруг меня. Я люблю наблюдать, как ведут себя у нас в саду, проснувшись после зимней спячки, насекомые и всякая живность. В то воскресенье, я никак не ожидала встретиться с ней – стоя возле старого орехового куста, я искала божьих коровок, желая снова увидеть этих красивых жучков с черными пятнышками на спине.

Вы когда-нибудь видели весенний танец божьих коровок? Эти маленькие существа имеют свой особый танец: они танцуют парами, то спускаясь по ветвям, а затем снова поднимаясь к верхушкам деревьев; то распрямляют крылья, и кажется, что вот-вот и навсегда улетят к новой жизни, к другим деревьям; то внезапно складывают крылья, а затем снова продолжают свой танец. Обожаю весну, когда все деревья облачаются в новый нежно-зеленый наряд, а травы и цветы благоухают свежестью.

Есть в нашем саду единственное существо, которое вредит растениям, поражая их корни, – это хомяк. Я очень боюсь хомяков и остерегаюсь встречаться с ними в саду. Из-за них весенняя прополка грядок становится для меня проблемой. Но без прополки никак не обойтись, даже если ты боишься мышей, хомяков и змей. Неделю назад я обнаружила несколько норок хомяков, и это меня сильно огорчило.

Но тут, видно, сам Аллах, видя мои переживания в связи с нашествием хомяков в наш сад, смилостивился и решил мне помочь. Это было так неожиданно.

В прошлое воскресенье, находясь возле огромного ствола ореха, возле сложенных сбоку камней, высотой около полуметра, я заметила, какое-то молниеносное движение. Я подумала, что это, наверное, мышь или суслик, а может быть, даже хомяк. Мне стало любопытно, и я решила узнать, что за зверек там шепуршит. Каково же было мое удивление, когда, подойдя ближе, я увидела, ничуть не испугавшегося зверька, который уставился на меня своими черными глазками. Я раньше никогда не встречала и не видела подобной красоты! Зверек имел окрас медного цвета, а грудка

и шея были белыми, как снег. У него были пушистые ушки и чуть удлиненное тело. Зверек первым заметил меня, и с любопытством теперь наблюдал. Я осторожно, чтобы не спугнуть его, приблизилась. Постояла в неподвижности несколько минут, затем решила уйти и заняться прополкой на другой стороне сада, чтобы мой неожиданный гость не ушел. Пройдя несколько шагов в сторону, я заметила, что зверек вновь оказался возле меня и принялся наблюдать за моими действиями. Я попыталась вернуться на прежнее место, он последовал за мной. С какой бы стороны я ни подходила к камням, он возвращался туда же с еще большим озорством. Не зная, кто на самом деле этот зверек, я назвала его Лаской.

Утром следующего дня я направилась к орешнику, где меня уже ожидала Ласка. Я пряталась от нее, а она находила меня, то она пряталась, тогда я находила ее. Вот так завязалась наша дружба. Целое лето и до глубокой осени мы встречались и играли с ней в прятки. Это была моя большая тайна, но родителям я все-таки решила рассказать о своем новом друге. Они очень обрадовались, узнав про Ласку. Отец рассказал мне, что она отпугивает всяких вредителей и змей, а еще этот зверек юркий и храбрый, несмотря на то, что маленький. Я еще больше полюбила этого замечательного зверька! Надеюсь, что следующей весной встречу с ним вновь, и мы так же будем играть с ним в прятки, а может быть, уже и не вдвоем, но с его потомством. Но вот что замечательно: после появления в нашем саду ласки, все хомяки исчезли, как будто их и не было. Я очень люблю наш сад, и возиться с землей – одно удовольствия, без проблем и опаски, без страха и вреда, дружа и играя с Лаской.

ЗАПАВШИЕ В СЕРДЦЕ СНОВИДЕНИЯ

От мыслей человека и силы его духа, подаренной ему природой, наверное, зависят все наши сновидения. Хотя никому до сих пор не удалось научно и достоверно объяснить смысловое значение снов, они связаны не только с жизнедеятельностью того, кто видит их, они связаны со Вселенной. Сны бывают разные: страшные, радостные, беспокоящие все чувства, быстро забываемые и глубоко западающие в душу, а иногда запоминающиеся на всю жизнь. Это сны, связанные с сокровенной мечтой.

Я часто вижу во сне стоящую на моем подоконнике удивительно интересную чашу с кавказской ключевой, сверкающей на солнце водой. Это чаша является для меня каким-то чудом, наполненным волшебством, существующим только в сказках или старинных легендах. Иногда из этой чаши разлетаются брызги изумрудной жидкости и капельками ложатся на мою бумагу, становясь нотными фигурками, рождающими необыкновенную мелодию, пронизывающую сердце и душу какой-то странной жгучей тоской по земле моих предков. Чаша с водой всемогуща, она знакомит меня с персонажами моих произведений раньше, чем я напишу о них. Много, что привиделось мне во снах, я забываю. Но сны, связанные с этой чашей, наполненной ключевой водой, – незабываемы.

Недавно, как и в прошлые разы, она мне приснилась снова. Как будто вода в чаше закипела энергией от горячих лучей южного солнца и превра-

тилась в ослепительно сверкающие самоцветы, от которых поднимался легкий пар, или дымок. А из этого дымка появлялись чудные видения и тени каких-то существ. Голова кругом шла от этих разнообразных видений – настолько они были приятны и удивительны. В этих видениях меня окружали совсем не знакомые мне соплеменники, желающие пообщаться со мной. Постепенно дымок из чаши начинал сверкать лучезарной силой, притягивающей меня к моему прошлому и будущему, наполняя всю меня любовью к отчизне, заставляя проникнуться священным чувством к родной земле, где проживали мои прадеды и соплеменники.

Эти видения никогда не позволяли мне перешагнуть какую-то черту, подчиняя меня своим особым законам и правилам. В то же время эта великая сила дарила мне сладостную волну полета в край, где жили мои предки. Я оказывалась на зеленых просторах, у прозрачных горных ключей со сверкающими чистыми водами, на горных пастбищах и снежных склонах, в густых лесах и в плодородных полях. Эта земля очаровывала меня величием и красотой. Я опускалась на колени, простирая руки к небу, умоляла Всевышнего сохранить эту землю и ее красоту для всех, кто на ней живет и будет жить в будущем. Иногда все видения, связанные с чашей, вдруг превращались в огромные брызги, сверкающие, как горный хрусталь. Капли с силой разбивались, сверкая невообразимым светом, и в каждой капле отражались то мое прошлое, то мое настоящее, в котором я живу, то мое будущее в разнообразных красках.

Все мои возможности и силы были ничем перед силой этих капель из чаши, и эта сила не отпускала меня. Я обязана была беречь как зеницу ока эту воду в чаше, делать глоток, утоляя бесконечную жажду, и снова ставить на подоконник, под солнечные лучи, чтобы она наполнялась энергией и силой Всевышнего. Этот единственный глоток ключевой воды давал мне необыкновенную силу. А если я, почувствовав жажду, пила воду из другой чаши, то мой мир переворачивался наизнанку: я начинала блуждать без дела, нигде не находя покоя и сна, и всякие болезни одолевали меня.

И когда я заболела – эта вода опять становилась для меня лекарством, исцеляющим и тело, и душу, снова наполняя меня благородной бесценной влагой, давая огромную радость бытия. И это все было в незабываемом сне.

А настоящая моя жизнь на чужбине, вдали от родины предков, только в мечтах и сновидениях дала мне возможность испить глоток кавказской ключевой воды, которую каждый день пьют мои соплеменники. Нет, в жизни моей не было ни капли этой чудодейственной воды.

Хотя и я жажду пить, как и мои родичи...

Но чужое солнце не обогрело мою воду, не сумело придать ей вкус кавказской ключевой воды, и моя чаша с чистой водой никак не утоляет мою жажду, она ведь не с Кавказа.

И все же я живу, мечтая о том, что вижу во сне. Люблю родину предков, люблю свой народ, надеясь в будущем быть вместе с ними.

А пока вижу свои сказочные сны и хочу, чтобы они стали явью.

Разные люди, разные боги...

Эссе

Степь, роща, лес, тайга, горы – привычные нам слова, привычные пейзажи.

Конечно, у горца дрогнет что-то в груди, когда он услышит шорох Чегемского водопада и рев разбушевавшейся горной реки, свист ветра в выветренных скалах, грохот сошедшей лавины, тихое потрескивание ночного костра. Так же, наверное, отзывается и душа казака на степные звуки и запахи... Но все это свое, привычное, родное. А есть слова, которые мы прочли впервые у Киплинга в «Маугли» или в «Лоренсе аравийском» – джунгли, пустыня. От них веет романтикой неизведанного...

Есть люди, родившиеся под рев верблюдов в караване бедуинов, идущем от оазиса к оазису в пустыне, и есть люди, родившиеся в джунглях под пронзительные крики обезьян и стрекот цикад. Бедуины и бенгальцы – такие разные, что на ум сразу приходит: вода и камень, лед и пламень...

Мне очень рано, в 22 года, довелось жить и работать сначала в джунглях, а через год – в пустыне. Такие непохожие внешне и такие схожие в своей сути!

Пустыня – как женщина: ее можно любить, ее нужно уважать, но ей нельзя доверять. Форма барханов изменчива, они постоянно перетекают с наветренной стороны в подветренную, но каждый имеет свои очертания и совсем не безлик, как волны на море. При переходе по пустыне горизонт то сужается до двух ближайших склонов, то открывает с вершины бархана безбрежное пространство. И только разум помогает справиться с этим ощущением бесконечности – ты знаешь, что где-то впереди есть конец этому морю песка, солнца и ветра. Но внутренний голос тихо поправляет: *должен быть, должен...* Никогда не мог понять одного: ветер в пустыне дует в одну сторону, бархан медленно, но неумолимо ползет, на его вершине, пологой с наветренной стороны и крутой с подветренной, постоянно курится дымок – это облачко песка перелетает с пологой стороны и падает на крутую. Но пустыня остается в своих границах. Когда говорят, что пустыня наступает – это преувеличение. Если бы она двигалась, то с другого конца обнажилась бы ее подошва. И что случается с барханом, когда он подходит к морю? Никогда не видел, чтобы бархан уходил в воду... Пустыня на всех языках – от слова пусто, безлюдно. На английском это desert – покинутое место. Но только у арабов это слово говорит о жаре и здоровье – Сахара. Хотя название другой великой пустыни тоже говорит о пустоши – Руб Эль Хали – пустая четверть. То есть

бывают разные ландшафты – водная стихия, лес или джунгли, степь или саванна. Это три четверти, а четвертая четверть – пустая, *хали*. Пустая, да не совсем. В ней кипит жизнь. Жизнь эта вынуждена скрываться от беспощадного солнца и выживать в поисках воды и пищи. Но опытный глаз видит ее везде. Арабы-бедуины говорят: три вещи нельзя скрыть в пустыне: мужчину на верблюде, дым от костра и любовь. Бедуины – это арабы вдвойне. Они – как шотландцы в Великобритании, как корсиканцы во Франции, как сицилийцы в Италии, как кавказцы в России, – горды, свободолюбивы и привержены своим законам и обычаям. Это горцы пустыни. Бедуинов все считают невозмутимыми и воинственными. Первое – правда, второе – нет. Бедуин редко выходит из себя, и зачастую по непонятной для нас причине. Он не любит, когда хавага – иностранец, жалуется на жару, когда женщина говорит, что ее укачивает на верблюде, когда мужчина ест или пьет, не напоив и не накормив скот, или когда кто-либо, пусть даже ребенок, выливает, не допив, воду из стакана. Вода – непреходящая ценность. Если ее хватает, чтобы утолить жажду скоту и людям – уже хорошо. Однажды американцы, желая наладить хорошие отношения с арабскими шейхами (нефть, как и кровь людская, уже тогда была не водица!), повезли их на Ниагарский водопад. Стоя на смотровой площадке, шейхи не могли отвести глаз от громадных масс низвергающейся воды. На напоминание чиновника Госдепартамента, что им пора ехать, так как они опаздывают на очередное протокольное мероприятие, старший из шейхов сказал, глядя зачарованно на водопад: «Вот сейчас вода кончится, и поедем, иншалла (с благословения Аллаха)». Он был твердо уверен, что щедрые хозяева организовали для них это великолепное зрелище, не считаясь с расходами. Ведь не может столько воды низвергаться с утеса всегда, *беспрерывно*... Как может он понять индийца? Ведь самое смешное в Бомбейском отеле «Ворота Индии» – это лицо арабского бизнесмена у окна холла, с удивлением взирающего на тугие нити непрекращающегося с утра ливня. На его вопрос: «Когда же он кончится?» портье услужливо и радостно отвечает (ехидство и болтливость у индусов в крови): «Это муссон, сэр. Он начался в этом году по расписанию – в конце первой недели июня, и продлится до конца сентября – чуть меньше 120 дней. Здесь, в Бомбее, бывают перерывы – по полчаса, иногда по часу, а в Калькутте и этого нет!».

В пустыне не так, как в джунглях: здесь можно лечь в белоснежном костюме на песок и встать совершенно чистым. Жизнь таится под покровом песка и в колючках перекасти-поле. Желтый песок и синее небо – вот и все цвета. В джунглях, наоборот, жизнь слишком ярка во всех своих проявлениях. Слишком влажно, слишком звонко поют цикады и кричат обезьяны, почва слишком насыщена перегнившими листьями и плодами, пройти десяток шагов и не испачкаться о гнилую лиану или перезревший плод – невозможно, как невозможно и перейти ручей, не набрав полный ботинок пива. Поэтому даже в жару – шерстяные гетры до колен.

Ну, а насчет воинственности – это каждый понимает по-своему. Скажи мне, как ты приветствуешь встречного незнакомца, и я скажу, кто ты.

Вьетнамец приветствует тебя словами: «Вы уже ели рис сегодня?». Он озабочен своим пропитанием. Бушмены приветствуют соплеменника фразой: «Я увидел тебя в саванне издалека!» – они комплексуют по поводу своего маленького роста. Русский говорит «Здравствуйте», то есть живите, будьте здоровы. Араб говорит: «Салам алейкум» – мир тебе. «Этически корректные» (читай: равнодушные) нации ограничиваются простой констатацией факта – доброе утро! Заметьте: не доброго вам утра – это было бы вмешательством в личную жизнь – а просто факт – вот, мол, выдалось неплохое утро. Или день. Или вечер. Араб никогда не скажет так. «Сабах эль хейр – сабах эль нур!» Здоровья вам этим светлым утром... Мир, здоровье, свет – что еще можно пожелать встречному?

Араб понимает всю силу женской красоты и не винит другого мужчину, очарованного ею. Он просто создает такие условия, чтобы не подвергать постороннего мужчину соблазну – женщина в его доме или шатре живет на женской половине, она закрыта от посторонних взоров. Ну а если все же... Ну, тогда не обессудьте. Ответ держать придется и ей, и ему самому, и тому, другому. Потому что женщина для араба-бедуина не только супруга, мать его детей, но и ценнейшее из его имущества. Он заплатил за нее высокую цену в буквальном смысле слова, она принадлежит ему душой и телом и, по убеждению бедуина, она – верблюдица, предназначение которой – пронести мужчину на своем горбу через знойную пустыню жизни. А что может быть дороже и нужнее породистой верблюдицы? Она кормит, она поит, она одевает, и она приносит потомство. Каждый человек – и продавец, и покупатель на шумном базаре жизни. Приглядывая за своим добром, мужчина, не зевай!

У индусов все не так. Во всех грехах виновна только жена. Даже если муж умер молодым от приступа аппендицита или прободной язвы, причиной которой была приверженность супруга к непомерно перченой пище (да еще вдобавок индийцы вообще не едят первых блюд – в их кухне нет супов) – в глазах всей многочисленной родни она одна виновата в смерти мужа. По их религии она сделала что-то настолько плохое, что боги решили наказать ее мужа. Поэтому для нее есть три пути – она либо должна при похоронах мужа (то есть при сожжении его тела) совершить *сати* – броситься в погребальный костер, либо остаться на всю жизнь в семье мужа приживалкой, над которой будут издеваться до конца ее дней. Третий – самый позорный: выйти замуж через несколько лет за мужчину из нижней касты, что для нее хуже смерти.

Хотя... трудно только решиться на этот шаг, перенести презрение бывшей родни. Зато потом... Она вволю насладится своим превосходством над новыми родственниками и мужем – ведь она из высшей касты! Брахманы – мудрецы, кшатрии – воины, вайшья – купцы и высшие ремесленники, шудра – рабочие и крестьяне – это лишь основные группы каст, которые подразделяются на десятки каждая. Брахманы снисходительно-терпеливы с кшатриями, терпят вайшья и втихую презирают шудра. Кшатрий подобострастен с брахманами, терпит вайшья и презирает шудра. Но даже шудра найдет себе объект для демонстрации превосходства – есть ведь

те, о которых высшие касты предпочитают даже не говорить, чтобы не осквернить свой язык – антьяджа – неприкасаемые!

Только брахманы могли придумать религию, в которой не бог руководит людьми, а люди своим поведением и делами изменяют божественное начало, то делая его добрее, то ожесточая его. Терпеливо, как ребенку, брахман будет вам объяснять, почему он не приемлет христианства – «ведь сущность христианства – в Троице, в ее единстве и равенстве бога-отца, бога-сына и духа святого. А этого не может быть в принципе, потому что не может создатель и созданный им сын быть равны. И ведь тогда, значит, было очень долгое время, когда не было в мире гармонии, не было Троицы – ведь бог-сын был рожден всего две тысячи лет назад. И если есть отдельная ипостась бесплотного божества – святой дух, тогда и сын, и отец – состоят из плоти, из материи? *Из вещества?* И что значит «всезнающий»? Неужели, создав этот мир, бог уже видит все ясно, вплоть до его конца? Тогда зачем наша жизнь – Большая Игра? В чем ее смысл? Где азарт, где стремление избежать божьего поражения от сил богини Кали – богини разрушения и зла – когда наступит полное, тройное отрицание – Ничто, Нигде и Никогда? Без материи (ничто), без пространства (нигде), и без времени (никогда). В Большой Игре не может быть перемирия, полупобеды или полупоражения. Либо существование, либо Пустота. Даже не просто пустота – ведь ее наличие предполагает хоть какое-то пространство. Но если нет компромисса, значит, у Троицы нет единой задачи! Тогда богослов Яков Боэм прав: бог-отец создал и наблюдает, бог-сын пытался усовершенствовать и спасти нас, а богу-духу святому остается лишь закончить, совершить неизбежное – конец света! Ведь только ему, как духу, не вредит исчезновение *вещественного мира?*

То ли дело воплощение бога – аватара – Кришна! Он великий Игрок. Он не страшится полагаться на людей в великой битве созидания и разрушения, своим слабым подручным он дает силу, невежественным – знание, страдающим – успокоение. Он не страшится блефовать и мошенничать в этой великой Игре – здесь все пути хороши, лишь бы они вели к победе. Своему другу Арджуне в битве, когда у того закончились все боеприпасы, он дал оружие, «которое изменяет лучами плод во чреве матери, а вспыхнув, сияет ярче тысячи солнц». Оппенгеймер, создатель атомной бомбы, так и назвал свою книгу словами из «Бахавадгиты» – «Ярче тысячи солнц». Откуда пять тысяч лет тому назад они знали *это?* От стрел и мечей до ядерного оружия в мгновение ока? Арджуне тогда оно помогло... Да вот беда – победа Кришны и людей вместе с ним каждый раз только временная, до следующего сражения со злом, а вот первое же, единственное поражение будет вечным, окончательным и обжалованию не подлежащим...

Бедуин никогда не станет обсуждать с чужаком тонкости своей религии. Но он не забывает о ней ни на секунду. Арабский язык так устроен, что забыть Создателя невозможно. Нельзя сказать: «Я завтра отправлюсь в Файюм», не прибавив: *иншаалла* – если Аллах позволит. Нельзя ответить

на вопрос о здоровье или делах – «хорошо», не прибавив *альхамдулилла* – «слава Аллаху». Нельзя начать никакое дело, не произнеся *бисмиллахи рахману рахим* – «во имя Аллаха милостивого и милосердного». Предпочтительно произносить слова Коран и Рамадан – священный месяц поста, прибавляя *керим* – «дорогой». Упомянув имя пророка, уместно пожелать: «*да хранит его Аллах и да приветствует!*»... Бог бедуина суров, един, одинок (*нет у него ни подруги, ни сына!*) и бесконечно могуществен. Поступать так, как он велит, или по-другому – вот и весь выбор человека. Но и он предрешен. Так что выбор кажущийся. Бог не борется со Злом – это удел людей, их борьба за свое место в раю. Судьба мира от этого не зависит ни на йоту – судный день придет в свое назначенное время, не раньше и не позже...

Полная противоположность индуизму, где множество богов ссорятся, интригуют, воюют, любят и ненавидят – все как в большой и не очень дружной семье среднего достатка. И не стесняются они привлекать к этим перипетиям своего существования смертных. Да ведь и они сами просто должители, они вовсе не вечны. Когда-нибудь великий Шива решит наконец задачу со своими половинками – мужской и женской, Кришна зазевается, убаюканный добротой своего воплощения на Земле – коровой, а злая богиня Кали, в век которой «Калиюга» мы все живем, окажется на беду тут как тут – и вот оно – Ничто, Нигде и Никогда...

Какие мы похожие и какие разные.

А может, все гораздо проще и гораздо сложнее? Ну, появились по Его воле, ну, жили, размножались, как завещано, ну, развивались, как говорят в Одессе... Ну, построили коллайдер. Нет не этот, а гораздо мощнее. По экватору... Нас ведь не остановишь... Ничем, кроме конца света.

Аслангерий ГЕДГАФОВ**Герой умер стоя**

Цирк! Борьба на арене цирка! Эти интригующие слова красочных афиш, расклеенных на телеграфных столбах и на стенах общественных зданий, приятно взволновали все мужское население моего родного селения Заюково. Среди мирной веселой молодежи, особенно среди охваченных допризывным всеобучем, было немало одаренных смельчаков, готовых в любую минуту блеснуть силой и ловкостью. Многие ребята, занимаясь борьбой самостоятельно, практически на улице, добивались удивительного физического совершенства. Побеждая в турнирах между командами производственных подразделений колхоза, они становились любимцами публики, а состязания – популярным зрелищем. Поэтому день циркового представления превратился в настоящий праздник для всего села. Сотни его жителей потянулись в колхозный клуб. Все хотели повеселиться, отдохнуть, а то и поучиться у больших мастеров ковра. Известный в стране борец классического стиля и неумолимый популяризатор этого вида спорта Ян Цыган, руководитель группы борцов Московского цирка, представил восьмерых атлетов персонально и объявил со сцены о начале программы. В зале, где все места и проходы были забиты зрителями так, что негде было упасть и яблоку, воцарилась полная тишина и начался красочный парад борцов. В ярких трико они демонстрировали свои регалии, а зал азартно рукоплескал.

На сцене начались показательные поединки могучих профессиональных цирковых богатырей. Зрители бурными аплодисментами награждали каждый удачный прием спортсменов. Когда закончилась схватка последней пары борцов и победитель был торжественно объявлен, Ян Цыган вышел на сцену со своей «инкассаторской» сумочкой. Протягивая правой рукой сумочку в сторону зала, а левой показывая в сторону борца-победителя, стоящего на сцене чуть глубже, он сказал: «Кто победит нашего «чемпиона», получит эту сумочку – всю нашу выручку за сегодня».

Зал разом загудел, скандируя: «Мухадин! Мухадин!» Тут дядя уже известного в селе своей недюжинной природной силой молодого Мухадина Шомахова Мурат Шомахов встал и, повернувшись в сторону своего племянника, сказал: «А ну-ка, дорогой братик, нескладный мой, иди-ка, покажи, на что ты годишься. Да смотри, не упусти своего часа достойно защитить честь нашего рода и всего села».

Мухадин, молодой человек лет 24–25, атлетического сложения, выше среднего роста, как бы стесняясь своего скромного сельского наряда, из которого он уже явно вырос, направился на сцену. Протянув руку, он поздоровался и представился Яну Цыгану и «чемпиону», с которым предстояло ему бороться. Ян увел Мухадина за кулисы и облачил его в борцовскую форму. Зал, затаив дыхание, ждал.

Тренированному, с хорошо оформленной и ухоженной мускулатурой цирковому борцу Мухадин заметно уступал «экстерьером», но с начала

схватки это впечатление сразу же исчезло. Изумлению зрителей не было предела, когда на второй минуте схватки Мухадин со стойки бросил на обе лопатки своего грозного соперника на ковер. Ян Цыган с восторгом поднял руку Мухадина и объявил его победителем. Вручая обещанную награду Мухадину и продолжая держать его за руку, Ян, повернувшись к залу, сказал: «Дорогие заюковцы и родные нашего героя, место Мухадина не здесь, а в большом спорте. Такие, как он, рождаются один раз в тысячу лет. Он должен поехать с нами. Он должен прославлять не только себя и вас, заюковцев, а всю нашу необъятную страну, весь наш многонациональный народ. Мы возьмем его с собой в Москву. После 2–3 лет упорных тренировок у нас он может стать чемпионом страны, мира и всемирно известным борцом. Он должен поехать с нами. Он станет состоятельным человеком, получит большие возможности помогать и родителям, и вам. Он станет гордостью села и страны!..»

Но всему этому не суждено было осуществиться. Родители и родственники непустили Мухадина в столицу, в большой спорт. А вскоре началась проклятая война, и Мухадин ушел на фронт, на защиту Отчизны. Он воевал первым номером расчета станкового пулемета.

Вот что рассказал о последнем бое Мухадина второй номер его пулеметного расчета и друг детства Хапит Шурдумов, которому посчастливилось пройти все ужасы войны, побывать в плену и вернуться домой живым: «В конце 1942 года, когда было решено оставить город Ростов-на-Дону и отступить, наш пулеметный расчет получил боевое задание занять позицию на господствующей высоте недалеко от заброшенной колхозной фермы и стоять насмерть до особого распоряжения, прикрывая отход наших войск за Дон. Утром рано, когда мы заметили, что фашистская пехота наступает прямо на нас развернутым фронтом, Мухадин велел мне быть начеку, а третьему номеру приказал немедля отходить за реку, вдогонку части.

Фашисты были в сорока метрах от нашей позиции, когда Мухадин открыл огонь. Неравный, кровавый бой продолжался в нашу пользу до тех пор, пока последняя лента не была заправлена в пулемет. Когда я, додавая последнюю ленту, сказал что патронов больше нет, Мухадин приказал мне уходить. Я ушел за массивную стену коровника, откуда хорошо была видна наша огневая точка. Мухадин на моих глазах спокойно расстреливал в упор наступающих фашистов. Когда наш пулемет замолчал, оккупанты рискнули подойти к позиции. Им навстречу поднялся Мухадин, держа в правой руке станковый пулемет на весу за рукоятку. Он размахнулся им, как булавой, и сразил нескольких солдат из числа окруживших его врагов. Убедившись, что этого могучего воина не так просто будет взять, фашистский офицер выстрелил в упор ему в грудь. Мухадин зашатался, но не упал. Тогда офицер толкнул его дулом пистолета, надеясь свалить его на землю. Но Мухадин устоял, только выпустил из правой руки рукоятку пулемета и молниеносно схватил офицера за горло. В следующее мгновение оба упали наземь и замерли. Так печально унесла проклятая война жизнь героя, не успевшего стать Геркулесом – всемирно известным богатырем».

Наказ–талисман

Как-то летом 1972 года в Заюково я случайно услышал рассказ Абдулкерима Кумыкова об одном памятном эпизоде его фронтовой жизни. Думаю, что он заинтересует и читателей, я записал его в прямом изложении.

Начало 1945 года. Берлин – столица немецкого народа, ставшего жертвой фашистской коричневой чумы, повержена, лежит в руинах. Наш народ победоносно завершает Великую Отечественную войну. Уже второй день, как наш пехотный взвод занимает городскую грузовую железнодорожную станцию. И тут неожиданно-негаданно нагрянула непоправимая беда. Солдаты, истосковавшиеся по мирной жизни, взбудораженные весной и ни с чем не сравнимым чувством близости конца проклятой войны, решили взбодриться вином и спиртом, что были найдены в бесхозных цистернах в тупике станции, на железнодорожных путях. Измученные войной люди на моих глазах стали доставать из цистерны адское зелье и пить за здоровье, посылая вечное проклятие фашизму и войне. Бездумное «застолье» закончилось трагедией. Зелье оказалось отравленным, и весь взвод погиб, за исключением трех солдат; меня и двух других, отсутствовавших по делам службы. Утром нас троих построили перед комиссией, прибывшей к нам по трагедии, и стали уточнять, почему мы остались живы, а не погибли вместе со всеми. Мои сослуживцы (русский и татарин), которые рядом со мною мужественно прошагали все фронтовые пути до Берлина, оправдались без слов, соответствующими бумагами. Дошла очередь до меня, и генерал спросил:

– А ты, голубчик, каким образом умудрился уцелеть?

– Я, товарищ генерал, кабардинец, – последовал мой ответ.

– А что? Кабардинцев яд не берет, что ли? – усмехнулся генерал.

– Берет, товарищ генерал, берет, – ответил я, – но дело в том, что в 1941 году, уходя на фронт, я получил от мамы наказ-талисман – строго следовать до окончания войны традиционному адыгскому этикету: дело начинать с трезвой головой и заканчивать так. Мама категорически попросила меня не принимать спиртного до полного завершения войны. Эта проклятая война, товарищ генерал, самое большое зло, что, наверное, когда-либо встретится на моем жизненном пути. Так вот, товарищ генерал, пока мы с вами не закончим победоносно войну, я не могу, не имею права послушаться маму, нарушить наш адыгский этикет и выпить. Только поэтому я жив, товарищ генерал. После победы добро пожаловать в гости к моей маме – простой кабардинской женщине, в дорогу моему сердцу Кабардино-Балкарию.

– Хороший наказ дала тебе мать, – воскликнул, глубоко вздохнув, генерал. – Победы, радостной победы тебе, солдат, и счастливого возвращения домой, к своей матери!

Торжествуй, генный ког!

Не стану долго утомлять читателя, давая волю своим задушевым воспоминаниям и подробно описывая, как я наслаждался и душевно расцветал, проживая момент, когда после шестилетних переживаний мой дядя по материнской линии Зрум примирился со своим ослушавшимся некогда сыном Темиром. Произошло это в самый превосходный период роскошного кавказского лета на берегу родной строптивой певуны-реки Баксан.

А просто расскажу все, как было. Зрум принадлежал к числу сильных, надежных и умелых крестьян, ценил труд, имел много прекрасных детей, во всем поддерживал порядок, как и все настоящие мужчины, был человеком чести и слова. Жил он в селении Заюково в большом собственном доме. После недавних похорон матери, дожившей возле заботливого сына до более чем ста лет, очаровательной светлоокой жены – матери его шестерых сыновей и дочери; гибели в Великую Отечественную войну старшего сына, успевшего стать внимательным сельским учителем и надежным помощником в семье, Зрум стал еще более беспокойным и требовательным отцом своих осиротевших детей. Дети, как и должно быть, жили в рамках родового этикета, работали добросовестно, учились прилежно, были примерными детьми в семье. Со временем, когда стало трудно управляться одному с детьми, Зрум вновь женился. В дом пришла настоящая женщина, ставшая на всю жизнь второй родной матерью в осиротевшей семье.

В 1951 году Темир, четвертый сын Зрума, уходя с Тырныаузского комбината, где он работал водителем, на действительную службу в Советскую Армию, получил наказ отца: служить Родине честно, добросовестно, как подобает мужчине, уважать и слушаться командиров, вернуться живым и здоровым. Темиру все удалось, как нельзя лучше. Служил он на западе страны, и там встретил свою суженую, обаятельную голубоглазую блондинку, кроткую русскую девушку Веру, чудом уцелевшую, когда фашистские оккупанты расстреливали ее родителей и сжигали родное село. Темир не мог устоять перед неотразимой, нежной любовью и, не дождавшись демобилизации, женился, не получив отцовского благословения, как исстари положено у адыгов. Посчитав случившееся непростительным пренебрежением честью рода, Зрум не принял демобилизовавшегося сына и его молодую жену. Убедившись, что отец не простит содеянного, Темир с горьким чувством отверженного уехал с женой в Тырныауз и стал, как прежде, работать шофером на старом месте. Вскоре он получил двухкомнатную квартиру, и началась его самостоятельная семейная жизнь. Время шло, мольбы многочисленных родных простить обиду и примириться с сыном Зрум не слышал. Тем временем у Темира и Веры родились две очаровательные девочки погодки: Лолиточка и Томочка. В 1960 году, когда девочкам было уже 6 и 5 лет, их дедушка Зрум женил своего последыша, младшего дядю малышей, и я был приглашен на

свадьбу. Мне не хотелось ехать на свадьбу без любимого брата Темира и его молодой семьи, а не ехать, не разделить радости дяди нельзя, не положено. Поэтому я стал думать, ломать голову над тем, как быть, как найти дорогу примирения к сердцу Зрума. Решение вдруг само пришло в голову. Лолиточка, как две капли воды, была похожа на свою покойную бабушку, тепло беспредельного женского обаяния которой на всю жизнь запечатлела цепкая память Зрума. Зрум еще не видел своих очаровательных внучек и об этом удивительном сходстве ничего не знал. И вот, зная, что светлый и обаятельный образ покойной жены дядя свято хранит, я предположил, что это чудо – повторение генного кода природной генной инженерией, должно, как ключ, открыть остывшее к сыну сердце отца.

Я посадил в машину обеих девочек и их сверстников – троих моих мальчиков, и поехал из Тырнауза в Зауково, к дяде Зруму на свадьбу. Дорогой я проинструктировал детей, как они должны явиться к дедушке Зруму, как должны его обнимать и целовать. Когда я подъехал к затворенным узорчатым плетеным из орешника воротам дяди, его двор был уже полон родственников, которые в ожидании гостей со стороны невесты коротали время музыкой, песнями и занимались последними приготовлениями свадебных столов. Я стал сигналить. Молодежь, увидев мою сверкающую на ласковом летнем солнце новенькую «Волгу», окружила меня, предполагая «сорвать» солидный выкуп, как это принято по этикету, за въезд в свадебный двор, но, заметив, что в машине только одни «князья», стушевались и открыли ворота. Я заехал во двор. Нас приняли «роскошно»: открыли двери, помогли детям выйти из машины. Зрум, мужчина семидесяти шести лет, одетый торжественно, как и подобает адыгу в радостных случаях, в новой коричневой черкеске со всеми атрибутами, сидел в глубине двора, у березовой колоды, где обычно рубят дрова, контролируя ход разделки бараньих голов, предназначенных для «венчания» яств свадебных столов. Мы, как и договорились, выстроились гуськом во главе с Лолиточкой и подошли к деду. Когда он повернулся к нам, принимая мой «салам алейкум», увидел Лолиточку, во всем похожую на его покойную жену, и у него сразу же задрожали усы, заморгали глаза, и он со слезами заключил внучку в свои объятия. Потом, продолжая прижимать внучку к своему сердцу, он, как будто его кто-то незаслуженно обидел, всхлипнув, спросил:

– Где моя дочь, где мать моих ненаглядных внучек? Почему ее нет с детьми, почему я до сих пор не имею счастья видеть моих детей?

Я тотчас вернулся в Тырнауз и привез к Зруму Темира и Веру, а вместе с ними и свою супругу. Зрум со слезами радости на глазах обнял своих детей, сноху назвал дочкой, и прежние огорчения дяди бесследно растворились в лучах сердечной радости детей и многочисленной родни.

Так осуществилось горячее желание, жившее во мне в течение шести лет. Отец и дети примирились, и для них снова засияло ласковое солнце человеческого милосердия.

Ирония – душа этикета, хлеб старости

Кабардинский хутор Новохохлачевский (с 1970 года – село Серноводское) Ставропольского края и в этот солнечный августовский день 1953 года, как обычно, проснулся рано, в хорошем рабочем настроении. Колхозники шли в поле на уборку богатого урожая колосовых. Мальчики и девочки в школьной форме, с красными галстуками, как утренние ласточки, стекались в свою уютную хуторскую школу. Старики, гордые завоеванной мирной жизнью, созданным благом для потомства, не спеша, начинали «возиться» в своих ухоженных подворьях по хозяйству: доить и провожать коров в стадо, ухаживать за телятами, мелким рогатым скотом, домашней птицей, чистить хлев, копаться в садах и огородах...

Дед Сано и бабка Гаврона Хохлачевы, потомки родоначальников хутора, которым Бог не дал сына, оставшись одни в доме после замужества дочерей, как бы заново открыв друг друга в любви, жили дружно, душа в душу. Эти пышущие здоровьем, веселого нрава старики еще не ощущали тяжести своих годов, в большом крестьянском дворе обходились без посторонней помощи.

В это прекрасное утро дед Сано все еще был в хлеву, находясь под впечатлением трогательной сцены прощания со своим теленком доброй красно-степной породы коровы. Корова после дойки накормила теленка досыта остатком молока, зализала ему бока, лобик, шею, глаза и отправилась пасть, оглядываясь в сторону хлева и мыча. Казалось, она наставляла родное дитя вести себя хорошо, не шалить, слушаться деда Сано.

Бабка Гаврона, еще стройная обаятельная женщина, заботливая, рачительная хозяйка дома, в незатейливом наряде селянки, находилась на птичьем дворе у добротного птичника, сработанного умелыми руками хозяина. Она уже накормила птицу, но продолжала стоять здесь, любуясь тем, как начинают ее питомцы свой «рабочий» день. Бабка успевала и кокетливо поглядывать на своего ненаглядного деда Сано, все еще возившегося рядом в хлеву. Птица стала разбредаться кто куда: утки и гуси потянулись к «невольке», индюки степенно, а куры сломя голову направились на прогон склевывать оброненные зерна.

Безмятежную идиллию обаятельных стариков нарушил новенький автомобиль «Победа», мчавший с большой скоростью председателя колхоза им. Ворошилова («Великая дружба») через прогон, мимо дома Хохлачевых на колхозный ток, под колеса которого угодила любимая курочка бабки Гавроны «хохлаточка».

Увидев, что курочка – «хохлаточка», разорванная в клочья, осталась лежать на дороге, бабка Гаврона стала бранить шофера, размахивать кулаками вслед удаляющемуся автомобилю. «Светлоокая Гаврона, услада моя, не брани зря молодца! За рулем-то Володя Хохлачев – сын Павла», – крикнул дед Сано своей разозлившейся жене. «Ну и что же?» – спросила бабка, не понимая, что от нее требуется. «А дело в том, что Володя еще не

женат. Когда же он женится, ты, любимая моя, понесешь на его свадьбу традиционный хольджей – хлеб, без положенной в таких случаях курицы и тем самым рассчитаешься с ним за свою «хохлаточку», – сказал, иронизируя, дед Сано. «Умница ты мой ненаглядный, Сано, не зря я тебя обожаю», – сказала Гаврона и успокоилась.

Время шло. Дед Сано скончался. Володя Хохлачев отслужил в армии, возмужал и в 1957 году женился на прекрасной девушке Лизе Желоковой. Бабка Гаврона с двумя дочками, восемью внуками и правнуками была на свадьбе Володи и Лизы, преподнесла им, как и положено, деньги, отрез на платье из шерсти, большой женский шелковый платок, чайный сервиз, набор приборов и прочих принадлежностей туалета для молодоженов, много сладостей, конечно же, и традиционный хольджей, но без курицы.

Родственники жениха и любопытные гости с укором смотрели на бабку Гаврону, недоумевая, почему нет курицы с хольджем, почему нарушен традиционный этикет моздокских адыгов. «Не могла же я ослушаться своего любимого деда Сано! Царство ему небесное», – сказала бабка Гаврона и исчерпала «инцидент» рассказом о давней иронии деда Сано, связанной с курочкой-хохлаточкой.

С этих пор эта красивая ирония и имя прекрасной бабки Гавроны непременно оживляют веселым смехом все свадьбы моздокских адыгов.

Бабушка Гаврона Хохлачева сумела прожить сто три года сложной и во многом трудной жизни, оставаясь стройной голубоглазой женщиной, трудолюбивой, ласковой матерью и бабушкой, умевшей всегда быть здоровой, нужной людям, оставаясь при этом прирожденной селянкой. Такой она и продолжает жить в памяти красивого дружкой рода Хохлачевых и жителей хутора Новохохлачевского.

Невестка — негритянка

В наши дни совсем не удивительно брать жен из других национальностей. В снохах можно увидеть кого угодно, даже негритянок.

А что случилось с нашими балкарочками? Или они уже не в цене?! Хотя с тех пор, как от их труда — вязания, не стало толку, можно согласиться и с этой мыслью. И вправду, кому нужна сноха, от которой нет проку?! Надо выбирать из выгодных, ну, скажем — дочь какого-нибудь крупного чиновника, бизнесмена, владельца доходных

мест, банкира. А кто она — цыганка или африканка — значения не имеет. Если даже и так — ничего в этом дурного я не вижу. Сам подумай, Хажмет, цыгане — народ не нищий. Особенно если твой выбор падет на дочь цыганского барона. У-у-у, да там, дружок, тебе не дадут ни скучать, ни голодать. Верно говорю?

— Да, но, Канамат, если...

— Ну что у тебя за привычка — перебивать старших? Ты лучше слушай того, кто умнее тебя. Я ж тебя уму-разуму учу. Сам подумай, от такой жены не только тебе, но и нам будет неплохо. Хорошая сноха никогда не забудет родственников мужа. Как говорится, «в воде да не промочиться?» — где тебе хорошо, там и нам неплохо. Я так думаю! А помнишь, как сын Бекмурзы привез негритянку? Родственники ни в какую не хотели ее признавать. Но когда она своих золовок одела в плащи из крокодиловой кожи, одарила даже дальних родственников разными дорогими штучками, все они стали клясться ее именем и чуть ли не на Коране клялись, что лучше и красивей Мгамбы в этом ущелье не было невесты отродясь.

Вот так-то, дорогой! А ты спроси, как они сейчас живут. У них родился сын, правда белый, и две девочки — черненькие, точь-в-точь как Мгамба. На всех рынках города их торговые точки — чем только не торгуют — бананы, киви, ананасы. А в одном из горных сел у них есть даже ферма, где выращивают крокодилов. Опять-таки из их шкур в собственных цехах шьют куртки, сумки и другие разные вещи. А мясо? Даже мясо не пропадает. Они из него крутят фарш и сдают в магазины. О том, что мясо крокодилов можно есть, воллагий, до этого я и не знал. А как я попробовал сушеного крокодильего мяса с пивом — м-м-м! — это что-то! Пиво идет как к себе домой! Легко, воллагий!

Поначалу сельчане отказывались есть, говорили — харам. А сейчас улетают за милую душу. Мало того — в каждом подворье по пруду, а в нем плавают крокодилы. Ты представляешь, Хажмет, раньше, когда все занимались скотоводством, очень часто были случаи, когда пропадал скот. Сейчас уже никто не крадет.

– Ну? – удивился Хажмет, – неужели люди поняли...

– Да куда там! Украсть скотину – раз плюнуть. Зашел к соседу в коровник темной ночью – и все дела. А вот попробуй-ка нырни в чужой пруд за крокодилом!

Правда нашлись два таких храбреца (да простит им Аллах их преступления), привыкшие к промыслу «конокрадов», которые пожелали испытать судьбу. Улучив момент, они нырнули в пруд Адемея. Но не тут-то было. Кроме лоскутков от их одежды впоследствии ничего не удалось выловить из пруда.

– Аллах-Аллах, ну и чудеса! Я так думаю, КанаMAT, помощь из Мозамбика оказалось более действенной для нашего села, нежели реабилитационные деньги. Так я говорю?

– Так, так.

– С тех пор, как Мгамба стала снохой Чофановых, прошло всего 5–6 лет, а посмотри, как зажили сельчане. Раньше люди гордились поголовьем скота, теперь гордятся «поголовьем» крокодилов. В прудах каждой семьи плавают не менее 100 «голов». Из переработки шерсти перекалфицировались в переработку крокодиловой кожи. Чего только не шьют из нее наши женщины! – сказав это, Хажмет не без гордости расстегнул пуговицу из крокодиловой кожи и поправил шапочку на голове из того же материала. – А наши участковые плюют в потолок. Ловить же некого. Так что еще неизвестно, плохо иметь в снохах негритянку, или нет.

– Так-то оно так. Но как быть без айрана и жерме? Никакой балкарец не представляет себе жизни без них. От крокодилов много молока не выдоишь, да жерме из них не приготовишь.

Тут Хажмет заметил возвращающуюся с пастбища сытую, с полным выменем молока, уцелевшую на все село единственную корову Мухтара, и с тоской посмотрел ей след...

– А разве не вы говорили, что надо делать деньги, и только деньги? – присоединился к разговору до того молчавший Сюлемен, прищурился и так небольшие глаза. – А по мне напиться бы хорошенько шипящего айрана – потом и умереть не жалко. А вы «деньги, деньги». Да пропади они пропадом, если я не могу наестся мяса и запить его хорошим айраном.

– Да ты посмотри на него, как умеет говорить! А старшим перечит еще лучше, – поспешил заметить КанаMAT, недовольный поведением молодого Сюлемена.

– Это все потому, что мы, мужчины, во всем стали полагаться на женщин. Во времена моего деда выгодным женихом считался лишь тот, под кем был лихой конь, а если к нему еще и арба – это считалось верхом достатка. А сейчас? Сейчас каждый сопляк норовит сесть на «джип», который обязаны купить ему родители, вернее сказать, женская их половина. «Джип» есть, а в голове не густо, семью содержать – кишка тонка. А о том, чтобы посадить дерево и воспитать хорошего сына и речи нет. Какая женщина захочет жить с таким «джигитом»? Воллагий, не знаю! Разве что такая, как Мгамба?..

Как мы стали богатырями

Прошло четыре месяца, как весь народ оказался на чужбине. С тех пор среди переселенцев многие поумирали, кому вода не подошла, кому воздух. Всем переселенцам приходится трудно. Но Ибрагим, по возрасту самый старший, стал опекать не только свою семью, но и других. Несмотря на то, что оказались далеко от Кавказа, нельзя было растерять свои обычаи и традиции предков. Ибрагим это понимает, но не знает, как помочь ежедневно умирающим от голода. Поэтому утешить близких умершего Ибрагиму оставалось только хорошим словом, что он и делал. Известный ростом и силой в селе Ышканти, Ибрагим и сам был худым. В худом, высоком человеке, который каждый день посещал домики, где поселились балкарцы, чтобы узнать, как они проживают, трудно было узнать Ибрагима. Те, кто были близко знакомы с Ибрагимом еще на Кавказе, не поверили бы, что это он.

Ибрагиму, который всегда был поборником чести, стало очень неприятно, когда старик-узбек, проживающий по соседству сказал: «Вы много едите недоваренную пищу и поэтому такие великаны».

Ибрагим не ответил узбеку. Но про себя подумал: «В неподходящее время ты это сказал. Но я не мужчина, если не дам тебе возможности узнать, что на самом деле едят балкарцы и кого они из себя представляют».

Кто знает, может, благодаря этим словам, сказанным в тяжелые для Ибрагима и его народа дни, он и остался жив.

Он не собирался умирать, не показав соседу-узбеку, каковы на самом деле балкарцы, истинную сущность своего народа.

Благодаря Аллаху, такой день настал. Теперь у Ибрагима есть достаточно большое стадо коз и баранов. Поголовье достигало двадцати пяти голов. Одного барана он особенно выделял и откармливал. Близкие еще не понимали этого особого отношения. Дорог был семье вырезанный тегене¹ из дуба, которой вырос на родной земле. Из него они ели с большим удовольствием, потому, что это блюдо радовало их не только содержимым, еще напоминало им родные места, как бы возвращая их туда хотя бы ненадолго. Поэтому это блюдо было у них на особом счету – им очень дорожили.

В один прекрасный день, не сказав никому ни слова, Ибрагим с помощью младшего сына зарезал откормленного барана. Мясо было очень жирное, одних только жёрме² получилось аж пятнадцать штук. Сын с отцом разделали тушу, и целиком сварили в большом казане. Всякий, наблюдавший за их суетой, с легкостью мог подумать, что они готовятся к какому-то торжеству.

Сваренное дымящееся мясо целиком было подано на стол в самой дорогой посуде – тегене. Увидев на столе это изобилие, удивленный сосед-узбек спросил:

¹ Тегене – большое деревянное блюдо, наподобие корыта, используется как для приготовления теста, так и для подачи на стол для большой семьи отварного мяса.

² Жёрме – блюдо, приготовленное из внутреннего жира и требухи.

– Ибрагим, кто все это съест, волки, или мы?

Ибрагим объяснил ему, что это мясо только для них двоих, а про себя подумал: «Я думаю, ты сегодня поймешь, кто чем питается и кто чего стоит». На опасения соседа, что они лопнут после такого угощения, Ибрагим сказал: «Лопнем, так вместе!», накладывая гостю все больше и больше.

Когда сосед захотел встать из-за стола, Ибрагим насильно заставлял его попробовать еще и этот жирный кусок. И так до отвала.

Узбеку ничего не оставалось, как взмолиться, прося оставить его в покое, чтобы Ибрагим больше не заставлял его есть.

Как бы там ни было, от мяса осталось совсем немного. А переевший сосед едва доплелся до своего дома, с трудом передвигая ноги.

Наутро Ибрагим приехал на базар за куревом и за другими покупками. На краю базара, где обычно продавали курево и насывай¹, он заметил толпу. Приблизившись к ней, он увидел, как сосед с азартом рассказывал собравшимся:

– Я думал, что эти люди едят только мамалыгу, а они за один присест съедают одного барана. Вот почему, оказывается, они такие здоровые! Я-то думал...

Послушав его, старик-узбек из толпы с упреком в голосе сказал:

– Прежде чем судить о целом народе, надо с ним пуд соли съесть, так-то, дорогой-хороший, – сказав это, он растворился среди торгующих. После этого разошлись и остальные.

Доволен тем, что удался его замысел, Ибрагим вернулся домой в хорошем настроении, позабыв купить даже курева.

После этого случая отношение местных к переселенцам заметно изменилось, и изменилось в лучшую сторону.

Потом, когда Ибрагим вернулся на Родину, его сосед-узбек дважды приезжал к нему в гости. Несмотря на то, что с того курьезного момента прошло довольно много времени, всякий раз, когда гость видел то самое тегене, он про себя недоверчиво думал: «Этот еще может учинить какую-нибудь хитрую штучку...»

Экс-вождь в гостях

В надежде приятно встретить Новый год супруга Самата, будучи в городе, накупила детям подарков и продукты для новогоднего стола. Среди подарков была маска, напоминающая бывшего вождя – Леонида Ильича Брежнева. Дети играли, по очереди надевая эту маску. Больше всех маска подошла старшему сыну Махаю, так как он всей статью напоминал бывшего генерального секретаря и даже умел говорить его голосом.

Дети Самата похвастались этой маской перед всеми соседскими приятелями. Те, в свою очередь, тоже придумали план, по которому генеральный секретарь должен был сам лично проведать всех соседей и поздравить их с наступающим Новым годом. А значит, и напугать.

¹ Н а с ы в а й – жевательный табак.

Группа детей во главе с «Брежневым» сначала подошла к дому Шохая – дяди Махая. Они подвели Махая, то есть генерального секретаря к порогу, постучали в двери, а сами спрятались за каменным забором.

Двери открыла супруга Шохая. Увидев на пороге «Брежнева» и по голосу признав в госте самого вождя, она схватилась за сердце и издала истошный крик.

Услышав крик жены, Шохай, сидевший в зале перед телевизором, бросился к ней. Увидев в коридоре «Брежнева», он до того растерялся, что не сразу смог вспомнить имя генерального секретаря. Став свидетелем такого замешательства дяди, Махай вышел из роли «генерального секретаря партии».

Тут уже Шохай стал неуправляем, то ли ему не понравилось, что «Брежнев» вдруг превратился в Махая, то ли то, что Махай пришел к ним в гости в образе великого вождя, кто знает. Но он, схватив топор, бросился за племянником и его шумными друзьями.

Много ли надо было подвыпившему на празднике Шохая? Он бросился за детворой.

Махай, заподозрив неладное, так побежал, что потерял по дороге маску вождя.

Не догнав озорников, но прихватив маску, Шохай вернулся домой. К тому времени его супруга пришла в себя и старалась расставить свои мысли по порядку. Но, увидев, что Шохай заходит в дом с топором в одной руке и с головой «генерального секретаря» в другой, она опять потеряла только что вернувшееся сознание.

Белый джин

Музафар не только в праздники, но и в будни не откажется от рюмки водки, лишь бы ему налили.

В то время, когда народ, готовясь к встрече с очередным наступающим Новым годом, закупал шампанское и всякие яства на столы, запасался всем, что необходимо в такие праздники, Музафар, с такими же, как он сам, друзьями, сидел за столом в кафе, где всегда можно было бы угощаться рюмочкой горячительного.

Одним словом, когда Музафар, довольно-таки выпивший, собрался домой и вышел из кафе, было темно. Он по шуму реки понял, в какую сторону надо двинуться. Так как он проживал на другом берегу реки, он пришел к выводу, что надо найти мост и пройти по нему осторожно. Пить не так тяжело, как тяжело пройти по этому узкому мосту. Это было испытанием, пройти, как по мосту Сират, то есть по мосту, по которому суждено пройти всем, кто попадет на тот свет...

Как бы то ни было, Музафар живым-здоровым прошел на ту сторону. Но на той стороне его взору открылась такая картина: белый козлик, выставив две передние ноги, лакомился листьями молодой ивы. Это было так на самом деле. Но Музафару почудилось совсем другое – он бросился по горке вверх, повторяя «бисмилляхий, бисмилляхий...».

На следующий день в кафе, сидя за новогодним столом, Музафар

рассказывал своим приятелям о «белом джине», которого встретил вчера ночью возле реки.

– Если дошло до этого, – сказал Саня, которого на самом-то деле звали Сюлемен, – значит, ты уже догнал меня. Русские это называют «белой горячкой».

Музафар, услышав такое, поверил в это, и такой страх обуял его, что он даже не прикоснулся к стакану, который наполнили для него.

Как раз в это время позвонили в «Скорую помощь». На той стороне реки тяжело заболел кто-то. Но потому как машина «Скорой помощи» уехала по каким-то делам в город, медсестра Халимат, которой выпало дежурство в новогоднюю ночь, решила пешком добраться до больного. Она поверх белого халата надела куртку, взяла свой медицинский чемоданчик и бегом направилась на ту сторону реки.

Халимат, когда шла по мосту, встретила с Музафаром, который быстрыми шагами прошел мимо нее. Музафар шептал: «Бисмилляхий, бисмилляхий...» Услышав это, Халимат поняла все. Она побежала за Музафаром. Догнав его, девушка решила успокоить его:

– Это я – Халимат. Чего ты испугался?

Не тут-то было, Музафару стало еще хуже. Он не мог вымолвить ни слова. Надо же, этот белый джин принимал образ то козла, то медсестры Халимат!

Музафар, приговаривая: «Тоба астофируллах, тоба астофируллах! Бисмилляхий, бисмилляхий!» – побежал вверх по горке.

Мне когда-нибудь достанется что-нибудь новое?

Больше ценится злая собака. А чтобы собака была злая – еще будучи щенком, ей отрезают кончики ушей и хвоста.

Для того, чтобы человек стал таким, надо, чтобы жизнь его стала невыносимой, чтобы день ото дня ему становилось тяжелее.

Некоторые не могут бороться с таким явлением, не находя никаких решений своих проблем, спешат проститься с этим светом и побыстрее попасть на тот свет. Как будто то, чего они здесь лишены, найдется там. А другие ищут пути, не всегда праведные. Они вооружаются и хитростью, и подлостью, чтобы добиться своего.

Муслим сначала относился к первой категории.

Однажды во двор колхозной мастерской въехал новый трактор. Каждый из механизаторов, хотя и не говорил вслух, не прочь был оседлать еще пахнущего краской нового «коня». Муслим приехал на старом списанном тракторе, поставил его рядом с новым и стал ходить вокруг. Увидев это, два шутника из числа механизаторов подошли к нему.

– Муслим, зря ты глазеешь на него. Еще тогда, когда его собирали на заводе, было известно, кому он достанется, – сказал один из них.

Муслиму было неприятно, но он как-то постарался ответить на шутку. И следом кинулся в контору, чтобы встретиться с колхозным председателем.

Встретившись с председателем, он не стал долго тянуть.

– Аксакал, мне когда-нибудь достанется что-нибудь новое?
– Муслим, я тебя не понял. Объясни, что ты хочешь сказать.
– Потому как такие, как Вы, не хотите меня понять, жизнь моя идет по нисходящей. Дом мой до того стар, что вот-вот обвалится, мать моя – старая, хотел обзавестись семьей, но и в этом, Вы сами знаете, мне не повезло. Не улыбнулось мне счастье. Раз мне не досталась жена, может, я имею право на новый трактор? Вот об этом я и хотел сказать Вам. Вот этот вопрос меня мучает...

Председатель давно определил, кому достанется новый трактор. Но тут пришел к другому выводу. То ли ему понравилось, как спросил об этом Муслим, то ли он захотел сделать его подход к делу примером для других, но трактор достался все-таки Муслиму...

Вчерашние скалолазы

В одном из горных сел жили два друга. Жили они по соседству. Занимались тоже одним делом – водили туристов по горным тропам. Бывало, когда где-нибудь встретятся, не могли нарадоваться друг на друга.

В первые годы было тяжело ходить по горам, а после они уже, как туры, совершали бесконечные восхождения и спуски с гор. Даже будучи детьми, то есть школьниками, они помогали туристам – поднимали на осликах их тяжелые рюкзаки. За что туристы, понятное дело, платили им, хоть небольшие, но денежки. Вот так они и приучились ходить по горам.

Человеку, умеющему ходить по горам, легко решать всякие проблемы, которые приходится на его голову. Хочу об этом напомнить вам.

Теперь настал черед познакомиться с друзьями. Халим из тех, кто думает, что ум не важен, когда есть сила. Тагиб, хотя статью не уступает Халиму, но настолько хитер, что его вранью легко поверить.

Если посмотреть блокноты, что носят они у себя в кармане, там найдешь адреса не только жителей России, но и зарубежных гостей. Они очень почитают тех, чьи адреса записаны в их блокноты, они с ними переписываются и часто интересуются их здоровьем и жизнью.

Однажды лютой зимой, когда сельские жители делали все, чтобы обеспечить кормами и сохранить поголовье живности, эти друзья, ничего не предупредив, куда они едут, отправились в дальнюю дорогу. Они отправились на Украину.

Есть поговорка о том, что для дураков дорога не в тягость. Так и они – любили бывать в гостях, иногда, когда скучали, приезжали домой. Но на Украине они на этот раз так долго задержались, что все родные и близкие решили, что друзья пропали.

Судьба друзей взволновала не только близких родственников, но и соседей, односельчан...

На Украине ребятам-балкарцам было вольготно: они здесь тоже, как у себя дома, жили по соседству. Они создали семьи: один со Светланой, другой с Людмилой. Светлана и Людмила были рады мужьям, которых нашли в горах. Тагиб и Халим тоже были рады и новым своим домам, и знакомству с ребятами из хутора.

После того как прожили немного на новом месте, они настолько обвыклись, что стали говорить на украинском языке так, что их речь трудно было отличить от речи коренных жителей.

Однажды вечером, когда возле дома Светланы и Тагиба они сидели на длинной скамье и вспоминали далекое родное село, Халим, закуривая сигарету, начал беседу:

– Эх, всему я научился. Но смотреть за свиньями и чистить их хлев так и не научился.

– Людин отец, мой тесть, понял, что лучше содержать барашек, чем свиней. Поэтому я очень обрадовался. Будешь приходить со своей бутылочкой к нам в гости, – улыбнулся Тагиб.

– Помнишь, Тагиб, какой айран мы пили в низу перевала в кошаре Османа. Как я соскучился по этому айрану, даже есть не могу. Научил Свету делать айран, но у нее не получается, как у моей матери, чтобы пенился и выливался из кружки. Откуда у нее такая сноровка!

– Да оставь ты эти разговоры про еду! Лучше подумай о том, как дома наши родные переживают за нас. Халим, сейчас у нас работы не так уж много, давай съездим к родным. Я очень соскучился по ним.

– Да посмотрите на этого дурака! Столько времени не давали о себе знать, живы мы или нет. А теперь с какой совестью мы им покажемся?

– Смотрю, ты до пенсии собираешься здесь жить, – рассердился Тагиб.

Друзья, не придя к единому мнению, некоторое время так и продолжали жить в хуторе.

Однажды эти две семьи, созданные двумя балкарцами и двумя украинками, в целях покупки обновок, приехали на базар в ближайший город.

Они долго ходили по базару, купили много чего и подошли к выходу на главную площадь города. Там Тагиб встал, как вкопанный, и остолбенел. Это заметил Халим, который шел за ним. Там, где было многолюдно, навстречу им шла сестра Тагиба Налдюз, проклиная их на чем свет стоит.

Налдюз подошла к ним со слезами и проклятиями, стала обнимать их, привлекая этим внимание окружающих.

– Какие вы бессовестные! Мы так за вас переживали!

Налдюз, указывая на Светлану и Людмилу, стоявших невдалеке, спросила:

– А кто эти девушки?

Сестра Тагиба была девушкой с твердым характером. Так что, пока она продавала свой товар, друзья подготовились к обратной дороге.

Когда «без вести пропавшие» со своими семьями и Налдюз приехали в село, родные и близкие очень обрадовались.

По истечении времени этот случай начал забываться.

Друзья и их супруги стали жить обычной сельской трудовой жизнью. Тагиб стал работать в строительной бригаде, а Халим стал заведующим овцеводческой фермой. Их супруги – Людмила и Светлана – стали своими в горском селе. Они активно помогали не только своим мужьям, но и их многочисленным родственникам. И те, в свою очередь, с благодарностью отзывались о них.

Скучая...

Когда душа томится
(Печально ей в груди),
Когда она боится
Остаться без любви, –

Мечта уносит к милой,
Вздыхает он в тоске.
Не вырвать даже силой...
У жизни на витке.

И мыслям не сидится
В сознания глубине,
И парню плохо спится...
Что видит он во сне?

Попал любви он в сети,
Красой пленен девичьей.
На этой вот планете
Нет чувств иных отличней!

Свидание

Жизнь прекрасна!
Не напрасна!
Радость льется через край!
Час разлуки,
Полный скуки, –
Ты скорее уж прощай!
Время встречи
Сердце лечит.

Это просто вечный рай!
Быть бы вместе
Лет так двести!
Мы несемся в дивный край!
Леди радость,
Леди сладость –
Ты, дивчина,
Так и знай!

Дрожит Земля,
Идет война,
Грохочет бой.
Нахлынул рой:
Агрессор нелюдь
Извне ползет.
Какая ж весть
Землян-то ждет?
Руины, смог,
Пустыня, хлам...
Кто знать-то мог?
Вокруг бедлам!
Помочь не в силах
Себе земляне?
Течет кровь в жилах,
Стучит отчаянно.
Добились сами:
Планета гибнет.
Мечты мечтами –
Кто горы сдвинет?

Бедна настигла,
Подумать стоит:
Не надо мира?
Кого ж устроит?!
Но как же быть?
Спастишь-то как?!
Хотелось жить!..
Сожмись кулак!
Пока любовь
На свете есть,
Не в глаз, так в бровь
Ударит месть!
За милой в ад
Ползет воин,
И кто ж не рад –
Агрессор стонет!
Любовь превыше
Любых смятений!
Ничто не выше
Любви волнений!

Принцесса сможет
 Спасти землян:
 Красотке ж тоже
 Любимый дан!
 Она попросит
 Любимца вдруг.

И рыцарь бросит
 В тот рой испуг.
 Чтоб знали, звери,
 Свои места!
 И лезть не смели
 В любви врата!

О красоте

Солнце в небе светит ярко,
 Птицы так ласкают слух!
 Ветер веет нежно, мягко,
 Чуть тревожа стаю мух.
 Запах сосен, липы, дуба;
 Чистый воздух и тепло
 Для души счастливой любо;
 Жить приятно и легко.
 А деревья – просто диво,
 Стражи мира и добра.
 И колосья желтой нивы
 Будто искры от костра!

Кот лениво ставит лапу,
 Важно ходит по двору.
 Перед ним «снимаю шляпу»...
 Ищет он когтям кору!
 Как красива та картина,
 Что вокруг рисует нам
 Мать-Природа. Вот богиня!
 Дарит радость тут и там!
 Если вдруг окинуть взглядом,
 Выбив отпуск у проблем,
 Мир, который близко, рядом,
 Все по нраву будет всем!

Земля пленяет нас порой
 Богатством цвета и красой.
 Для серой жизни то сюрприз,
 Исполнить чтоб любой каприз.
 Земля дает нам много благ.
 (Она же вовсе нам не враг!)
 Влечет Природа за собой,
 Тоска, унынье – прочь, долой!
 Зима зовет в свой белый рай –
 Снежинок пестрых дивный край.
 Пушистый снег летит с небес,
 И грязный город вдруг исчез!
 Тут снег расскажет все о том,
 Кто след оставит свой потом...
 Деревья любят птиц манить,
 Для них узоры снега шить...
 Весна рождает красок мир!
 Она художник и кумир.
 Она певец! Ну а фольклор
 Составит вмиг пернатых хор!
 Палитра звуков – то успех,
 Конечно же, животных всех.
 Покой найти нельзя никак –
 Весна – волшебник, хитрый маг!..

Про лето надо песни петь!
 И все же можно не успеть
 Раскрыть всю прелесть до конца...
 (Ведь все зависит от певца)
 Но сосны, ветер и вода,
 Звезда на небе, луг, стада
 Озвучат ноты песни той,
 Дана в подарок что судьбой...
 А осень – гордый то венец,
 Красот былых молчун-гонец.
 Картин цветных ее печаль
 Над тихой грустью, как вуаль.
 Ковер из листьев – вот узор,
 Что дарит радость, ловит взор!
 Осенний станет светел путь
 Тому, ее кто понял суть...
 Планета наша – свыше дар,
 Земной тепла и света шар!
 Веселый нрав зверей и птиц
 Тоску, печаль срывает с лиц.
 Ну разве можно, то забыв,
 Кровавых ран следы не смыв,
 Терзать планету все сильнее!..
 Оставим с чем своих детей?..

Платок

Уронила девушка платок,
Но поднять никто не попытался.
Раньше за такую честь
Парень в поединке насмерть дрался.

Но сейчас другие времена,
Разные у нас теперь кумиры.
Деньги стали главным божеством
Нам не до любви и не до лиры.

Захотелось облаком взлететь
В прошлое, где тихо и красиво
Жил в горах прекрасный мой народ,
Воспевая жизнь неторопливо.

Было место там труду и славе,
И любви там место, и стихам.
Женщина в горах была богиней,
Неподвластной лени и грехам.

Что случилось с нами, неужели
Мы забыли песни стариков?
Их по-доброму благие наставленья,
Что идут из глубины веков.

Верю я, что благо возродится, –
Как под снегом теплится росток.
Бережнее нужно относиться
К девушке. Поднять ее платок!

Зов апреля

Весна идет, апрель зовет,
Подснежник скоро расцветет.
А воздух чист, как белый лист,
И вечер маревом течет.

А дальше ночи напролет
В саду соловушка поет,
И, слыша трели соловья,
Не в силах глаз сомкнуть и я.

Поддавшись прелестям весны,
Смотрю березовые сны.

Осень

Вот опять моя подруга Осень,
Дева с золотыми волосами,
Шепчет мне на ухо, просит,
Чтобы встретила я с вами.

С вами, скука и унынье,
Череда унылых дней,
И плохое настроенье,
Ночи, те, что дня длинней.

Как смогу я насладиться
Солнца лучиком последним,
Если встреч не суждено нам
Этим серым днем осенним.

Но жива еще покуда,
В сердце бьется бедной птицей
Неубитая надежда:
Лето снова возвратится!

Мы с тобою опять разминулись,
Так бывало не раз у нас,
Не могу представить я даже,
Что бы было при встрече глаз!

Доброту ты мою лелеешь,
В тебе мужество я ценю,
Ты стихами мне душу греешь,
Я тебе ее всю подарю.

А взамен ничего не надо?
Сквозь года и ночи мрак —
Лишь бы знать, что душа моя рядом,
С тем она, кто мне дорог так!

И все же – отчего вы так грустны подчас,
Тая желанья, страсть в печали равнодушной,
Как не стараюсь я игрой своей воздушной
Увлечь, растормошить и раззадорить вас...
Молчание в ответ жестоко, хоть и мудро,
Его даришь сполна, но щедрою рукой
Ты отнимаешь все: огонь любви, покой,
Желания мои... Как будто ранним утром
Рассвет меня манит и за собой зовет,
И я бегу, спешу, лечу над миром сонным,
Чтоб раствориться в нем, бескрайнем и бездонном,
И лишь печаль твоя то сделать не дает.
А в памяти моей пушистые ресницы
Скрывают милый взор чарующих очей,
Но так же далеки ручьи твоих речей
И взмах родной руки, как стон нездешней птицы.
И все же – отчего вы так грустны подчас,
Не веря в страсть мою в печали равнодушной,
Как не стараюсь я игрой своей ненужной
Увлечь, растормошить и раззадорить вас...

В чем – счастье, жизни всей отрада,
Любви восторженной награда?
В чем – радость, ласка и услада
Сердец влюбленных, молодых?
Покрыто это ночи тайной,
Ее чадрой необычайной,
И эта тема не случайно
Волнует нас в мечтах златых.
Живет она в ночных гаданьях,
В ревнивых муках и страданиях,
Она в неистовых лобзаниях
Так жжет и мучает подчас.
Мы мотыльками к ней стремимся,
Горя, исчезнуть не боимся,
Мечтая, как мы насладимся,
Когда она коснется нас
Своими легкими крылами
И вознесет над облаками...
Ни Драйзер и ни Мураками
Не смогут сон явить такой,

И вот душа уже трепещет,
Воображенье светом блещет
И наша страсть волною плещет,
И только снится нам покой!

От доброго слова теплеет на сердце,
От доброго слова светлеет душа,
И хочется жить, распахнув в душу дверцу,
И верить, и знать: как же жизнь хороша.
Прими же мое потаенное слово
От сердца, ума, от воскресшей души,
Хоть слушать восторги тебе и не ново,
Но ты отвергать их пока не спеши.
От доброго слова теплеет на сердце,
От доброго слова светлеет душа.
Вот так и живи, распахнув в сердце дверцу:
Люби, верь и знай, как же жизнь хороша.

Как мелодична речь твоя,
Восторгом светлым наполняя,
Жар неумный унимая,
Чарует, страсть в себе тая...
А что же мир?.. В суетной спешке
Кричит, грохочет и звенит,
К себе богатствами манит,
Как белка золотом орешков.
Но речи звук струей прохладной
Весь этот грохот, этот звон
Перекрывает, и приятно,
Что этим я не удивлен.
Обрадован, и даже боле –
Его я покоряюсь воле.

Я чувствую в себе живительные токи –
То свежие ростки мне песнь весны поют,
Рукою щедрою мне молодость дают,
Душа моя поет, рождая мысли, строки...
Узор ветвей накрыв зеленою волною,
Взволнованно и страстно за собой маня,
Весна, ты ввысь влечешь, и устремляюсь я,
Как будто бы на крыльях легких, за тобою.
И с высоты небес я устремляю взор
На милые поля, овраги, горы, реки,
Дарованные нам Тобой, Господь, навеки.
Молю тебя: продли воздушный мой дозор.

В бескрайней синеве, пронизанной лучами,
Мне так легко парить над ласковой землей,
Так сладостно до звезд дотронуться рукой,
Жемчужный свет Селены отразив очами.
Но дух земли сырой сознание туманит.
Влечет к себе, зовет, дурманя и пьяня.
Противиться нет сил, и покоряюсь я
Той доле, что меня таинственностью манит,
Срывая с облаков легчайшую вуаль,
Я вновь стремлюсь к тебе, земля моя родная,
Где радость и покой найду, я твердо знаю,
Закутавшись, заря, в твою тумана шаль.

Посвящение L. Fabian

Священнодействуя на сцене,
Чудесным голосом маня,
Счастливым, сладостным мгновеньем
Заворожила ты меня.
И полонив приливом страсти,
Богатством трепетной души,
Внушила ты – возможно счастье,
Хотя бы даже и грешил...
И захотелось крикнуть миру,
Впитав душой своей любовь,
Твою божественную лиру
Желая слышать вновь и вновь, –
Неповторимым колоритом
Звучанья голоса чаруй!
Вновь, увлекая как магнитом.
Свое искусство нам даруй!
И ты поешь, вернув нам веру
В осуществленную мечту.
А мир перестает быть серым
И обретает красоту!
И, напоив любовным зельем,
Настоем из волшебных грез,
Ты нас одаришь тем мгновеньем,
Что так растрогает до слез.
И будет песня жизни длиться,
Суля нам добрый мир чудес...
А зов твой дале устремится,
Дойдя до самых до небес.
Где чье-то раненое сердце
Тоскует, плачет и зовет
Туда, где – в рай открывши дверцу –
Сама мелодия поет!

Геннадий КОММОДОВ

Пустобрех

(басня)

Ленивый пес,
Дремавший в конуре,
Хозяина почуял во дворе.
Стрелкою бросился к нему
И ну хвостом вилять,
И радостно визжать,
И руки преданно лизать.
Потом обляял и ворота, и забор,
Поднял и кур переполох.
А чуть хозяин кинул двор,
Пес – в будке: ищет блох.
Иной и лает будто бы за трех,
И приглядишься – пустобрех.

Пчела и Муха

(басня)

Однажды Муха решила заявить:
– Меня от пчел почти не отличить:
Те ж крылья, тельце, ножки,
Лишь в цвете разнища немножко.
– Э нет! – воскликнула рабочая Пчела. –
Откуда только это ты взяла?!
Цветочным мы питаемся нектаром –
Вас паразитами зовут не даром.
Пыльцу берем с прекрасных роз,
А вам милее грязь, навоз.
Наш мед, прополис, воск полезны,
А вы разносите болезни.
Над гнилью радостно роитесь
И в ней плодитесь!
Вам, мухам, с нами, пчелами, родниться –
Ну даже в мыслях не годится!
Мораль сей басни очевидна и понятна:
Родство – одним обидно, а другим приятно.

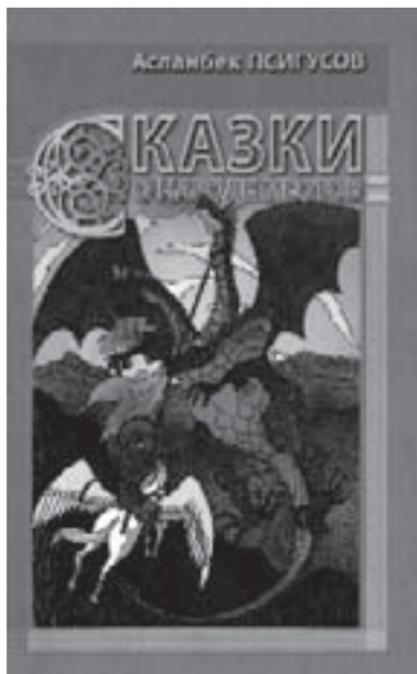
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Валерий Николаевич Ганичев – профессор МГУ, доктор исторических наук, председатель Союза писателей России. Его книга – «Державница» – состоит из двух совершенно разномемных и разновременных произведений: в первом – век Екатерины II, великий труд великой Державницы по составлению исторической летописи России; во втором – век XX, Великая Отечественная глазами современного историка, подвиг народа в страшное лихолетье во имя спасения страны и... разрушение ее в наше мирное время. Внимательный читатель поймет, почему обе эти повести поставлены рядом. И, может быть, о многом задумается.

От автора

Пройдут года, уйду и я, придешь и ты. Восстанут пред тобою героев забытые черты. Мятеежный образ, ушедший в забвенье, кто вспомнит в миг жизни о тебе? В одном лишь только утешенье, что я бумажный памятник воздвиг народу хатгов и меотов. Плачь, смерть, слезой забвенья! Пройдут года, уйду и я, придешь ты! Ведь посох жизни – эстафета, цветущей жизни завидует она, во имя жизни цветет. И корень древности не засохнет, и ты, потомок будущих столетий, сорвешь ее плоды.

Мухамед АДЗИНОВ

СВОЯ

Рассказ

Лиза шла, гадая, застанет ли она брата Веры, с которой они обменяли квартиру, – у него оставались ключи. Вообще, они зря оформили сделку заочно, но так сложились обстоятельства, и теперь поздно сетовать.

Она нерешительно вошла в подъезд, нашла нужную дверь и прислушалась. За ободранной дерматиновой обивкой раздавались какие-то голоса. Лиза с надеждой нажала на кнопку звонка, но ничего не нарушило тишину. Она постучала в дверь и, не дождавшись ответа, потянула ручку на себя.

Затхлый воздух, давно непроветриваемого помещения ударил в ноздри. Это был даже не воздух, а какой-то газ, названия которому не определил бы ни один ученый, густо сдобренный многодневным перегаром и сизым дымом дешевых сигарет, а может, папирос или, хуже того, махорки. Из дальнего угла комнаты, смежной с прихожей, доносился глухой монотонный голос вперемешку с визгливым. Перекрывая неуверенный звон стаканов, послышался натужный кашель, затем – какая-то возня, и покатилась порожняя бутылка.

– Не пошла, зараза! Налей-ка, еще, – один из собутыльников что-то визгнул, и горлышко бутылки звякнуло о край стакана.

Женщина открыла дверь пошире, выпуская отравленный воздух, и повела взглядом по обшарпанным стенам и потолку, давно нуждавшимся в новых обоях и побелке. Местами штукатурка обвалилась, рваный линолеум, как шелушащаяся кожа, коробился, обнажая прогнивший пол, требующий срочного ремонта, угрожая, в противном случае, провалиться. Наверное, хозяин какое-то время пытался поддерживать порядок – в углу кучей, рядом с куцым веником, лежал мусор, – а затем, видимо, решил, что порядок здесь ни к чему, и теперь нужно было внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не наступить на битое стекло или пустую бутылку. По всей вероятности, удручающая картина на этом не заканчивалась. Женщина посмотрела на ободранный косяк двери, ведущий в смежную комнату, и с сожалением вздохнула: обмен, конечно, был не соразмерный, если не сказать большего, но они, собственно, и не ожидали другого. Она не стала углубляться в размышления и решительно шагнула вперед.

На старом диване, заваленном грязными лохмотьями, сидел полуодетый мужик с недельной рыжей щетиной на лице, пытаясь поймать ртом высоко поднятый пучок квашеной капусты. Его собутыльник сосредоточенно ждал: сумеют ли покачивающиеся в разные стороны голова и рука найти друг друга. За близко придвинутым к дивану столом сладко посапывал еще один человек, удобно пристроив голову на тарелку с чем-то маслянистым.

Вошедшую никто не заметил. Тогда Лиза, пытаясь обратить на себя

внимание, громко поздоровалась. На мгновение бодрствующие собутыльницы замерли, осмысливая происшедшее. Голова рыжебородого непослушно мотнулась в ее сторону. Некоторое время он усиленно старался сфокусировать взгляд, но, не сумев, махнул рукой, отгоняя видение, буркнул что-то нечленораздельное и вернулся к своему занятию. Женщина, понимая, что добиться от пьяниц чего-либо вразумительного невозможно, как-то сникла, еще раз окинула взглядом свое будущее жилье и, тяжело вздохнув, вышла на свежий воздух.

На лавочке у входа в подъезд, отмахиваясь от комаров веточками черемухи, сидели женщины. Несколько минут назад их здесь еще не было. С некоторыми из них Лиза была знакома. Она прекрасно понимала, что их собрало здесь любопытство. Городок-то небольшой, все друг друга знают, и новости разносятся со скоростью дуновения ветра. А они с мужем вернулись на его родину всего несколько дней назад. Вот и хочется узнать все из первых рук, а то ведь слухи бывают разные – но то они и слухи. Надо утолить их любопытство, будущие соседи все-таки, хотя верить они будут тому, что придется им больше по душе.

– Говорят, приехали на новенькой машине, а уезжали поездом. А еще говорят, что на Кавказе оставили четырехкомнатную квартиру, то бишь с Веркой Буйновой обменялись, – громко шептала моложавая женщина в наглухо завязанном платке, доверительно наклонившись к своим подружкам.

– Мало ли что говорят. От добра – добра не ищут. Если там так хорошо, чего ж они вернулись в эту глухомань? Что-то не верится мне – болтает Никитична, наверное, стыдно за сына, – ехидно поджимая губы, возразила подружка свекрови, Пелагея. – Да и что ей остается? Не послушался тогда Евгений Павлович свою мать, укатил за тридевять земель щи хлебать. Видать, не сладко-то на чужбине, вот и вернулся. Вот только басурманку свою зачем назад приволок?

– Права Пелагея, – поддержала подругу старушка в выдавшем виды берете, – сказано ведь «лицо кавказской национальности». Мало, что ли, они нам бед принесли? Каждый день телевизор только про них и говорит.

Показав свою осведомленность, она гордо вздернула подбородок и попыталась посмотреть на кумушек свысока, но она была слишком мала для этого.

Лиза остановилась и, не подавая виду, что слышала часть разговора, добродушно поздоровалась:

– Здравствуйте, соседки.

– Здравствуй, коль не шутишь, – первой отозвалась моложавая.

– С приездом, – сухо проронила женщина в берете.

– И тебе не хворать, милочка, – подслеповато сощурившись, Пелагея сделала вид, будто не признает ее. А ты, чья будешь, что-то не припомню я тебя.

– Ну как же, Пелагеюшка, – заторопилась моложавая, понимая, что соседка перегибает. К тому же все знали, что Евгений Павлович горой

стоит за свою жену, а зубы-то у всех болят. – Это же невестка Никитичны, разве не признала?

Пелагея изобразила подобие смущенной улыбки. Она к месту и не к месту растягивала тонкие губы, чтобы обнажить на зависть окружающим два ряда великолепных, не тронутых временем, зубов. Кстати, никто и не догадывался, что это протезы, изготовленные Лизой. Ее блеклые, выцветшие глаза при этом оставались холодными.

– Да что ты, а я и не угадала, – солгала старуха. – Да и как тут угадаешь – смотри, как раздобрела.

Это была вторая ложь, просто Пелагея никак не могла побороть свою давнюю неприязнь. Лиза – на зависть, ладно скроенная от природы, только что входила в пору женской зрелости. Она не обиделась, зная завистливый характер старухи, но с сожалением отметила, что никто не назвал ее по имени. Раньше к ней обращались, в лучшем случае, «милочка», а за глаза называли «докторшей», и далеко не уважительно.

– Ну, присаживайся, соседushка, поговори с нами, не побрезговай, – пригласили ее.

Лиза приняла приглашение – нельзя настраивать соседей против себя, ей и так приходилось несладко. Трудно назвать это беседой, скорее это был допрос: хорошо, что не с пристрастием.

За шесть лет ничего не изменилось – она все так же была чужой в этом затерянном в лесной глуши городке. Видит Бог, она старалась изо всех сил понравиться свекрови, стать частью этих людей, этого города: была покладистой в ущерб себе, никому не отказывала в помощи, ни с кем не ссорилась. Наоборот – готова была предложить любому бескорыстную дружбу. А работали они на пару со своим мужем так, что в скором времени слава об их чуткости и мастерстве разлетелась по округе, да так, что лечиться приезжали из соседних областей. Но все было тщетно: принимая помощь, как само собой разумеющееся, горожане демонстративно не замечали ее, адресуя свои благодарности и расположение мужу. Временами было обидно до слез. В такие моменты она вспоминала, как неожиданно-негаданно во время учебы ее подстерегла любовь, которую она вовсе не планировала, и все гадала – не сделала ли она ошибку, подчинившись всепоглощающему чувству. Может, надо было решать умом, а не сердцем...

Стук молоточков по металлу, шипение горелок, визг заточных станков, иногда неясный говор непрерывным гулом стояли в мастерской. Вентилятор натужно гудел, но вытяжка в часы наплыва студентов не справлялась, и воздух в помещении все равно был загазован сверх всякой нормы. Студенты зуботехнического техникума отрабатывали здесь навыки изготовления протезов. За двумя длинными широкими столами сквозь туманную дымку угарного газа и гипсовой пыли виднелись синие рабочие халаты студентов в четыре ряда. Лиц не было видно, все они были в респираторах и широких в пол-лица защитных очках. Только преподаватель был в обычных, от близорукости. Он медленно прохаживался по рядам, делал замечания, что-то подсказывал, затем, увлекшись, присаживался,

брал в руки горелку или молоток, или же замешивал гипсовый раствор и изготавливал слепок, показывая на практике особо непонятливым, как нужно работать.

Вот и на этот раз ребята, как и все студенты в мире, угадали этот момент и откровенно занялись посторонними делами, пока занятия не прервал мощный звонок, укрепленный над входом. Как по мановению волшебника отключились горелки, полировочные станки, замолк перестук молотков, и за пару минут помещение опустело. Только в дальнем углу мастерской два поста оставались в работе. За одним из них синий халат, а напротив – непривычный здесь, белый.

Преподаватель открыл окно, подошел к синему халату и, поинтересовавшись, не нужна ли помощь, прошел в свой кабинет, совмещенный с мастерской. Прошло минут двадцать, и воздух стал намного чище. Человек в белом погасил горелку и, отложив в сторону, снял маску и очки, откинулся на спинку стула и, сцепив пальцы, вывернул ладони, удовлетворенно потягиваясь. На симпатичном мальчишеском лице расцвела довольная улыбка. Он еще раз придирчиво осмотрел свое изделие, включил наждак и отполировал его. Снова глянул на коронку, отложил ее в сторону и окончательно выключил станок.

Студент напротив снял респиратор.

– Можно посмотреть? – раздался глубокий грудной голос.

Парень машинально протянул коронку, заворожено глядя на не совсем обычное, симпатичное лицо девушки. Он был студентом стоматологического отделения мединститута и считал, что дантист должен уметь не только лечить и протезировать зубы, но и профессионально изготавливать их – от слепков до готового изделия. К сожалению, им давали этот курс в усеченном виде: ведь стоматолог не обязан сам изготавливать протезы, это дело зубного техника. Но его такое положение не устраивало, и он много работал, экспериментировал, добиваясь виртуозного исполнения. Он считал, что сегодня ему это удаюсь.

Уже вторую неделю он проводил все свободное время в этой мастерской, и каждый раз эта девушка сидела напротив, но ни разу он так и не увидел ее лица. Как-то не случилось поинтересоваться, да и уходила она позже него.

– Классно сработано. Я так еще не умею, – она повертела коронкой и твердо заявила, – но я обязательно научусь, вот увидите.

– В таком случае, давайте знакомиться. Меня зовут Евгений.

На бледных от долгого сидения в душном помещении щеках появился едва заметный румянец. Она протянула руку через стол.

– Лиза.

Он с удовлетворением отметил, что она пожала ему руку по-мужски, крепко.

– Вы на каком курсе? – спросил он.

– В этом году заканчиваю, а вас я раньше почему-то не видела.

– Я в институте учусь, тоже заканчиваю.

Так, непринужденно беседуя, они убрали инструменты и вышли на

лицу. Само собой получилось, что он ее проводил. Она жила на квартире, почти на окраине, а он даже не заметил, как пролетело время.

Позже, лежа в своей постели, Евгений размышлял о новом знакомстве. До сих пор у него не было романтических планов, и не потому, что был обделен вниманием девушек. Он виртуозно играл на гитаре, даже организовал студенческий ансамбль. Естественно, он стал кумиром своих сокурсниц, но очень скоро обнаружил, что подавляющее большинство девчат говорит и думает только о нарядах и победах над парнями, а ему, воспитанному дедом в домостроевских традициях, такое отношение к жизни было вовсе не по нраву. Ему стало жаль терять на них время, и он с головой окунулся в учебу, резонно рассудив, что время, отпущенное для этого, лучше всего использовать по назначению и стать настоящим специалистом.

Лиза оказалась одной из немногих, с кем ему приятно было общаться. Она была достаточно широко эрудированна, ее рассуждения отличались какой-то основательной самобытностью. Он чувствовал, что она тоже воспитана примерно в тех же традициях, что и он сам. Ее интересно было слушать: за весь вечер она не употребила ни одного слова из молодежного сленга. Он не мог не признать, что она ему нравится, но о серьезных намерениях он в тот раз как-то даже и не подумал. Лиза была девушка крепко сбитая, хотя и не слишком высокого роста, но все же несколько выше его, и это смущало.

Между тем их встречи продолжались, и с каждым разом они становились все ближе друг другу. Для него стало открытием, что Лиза черкешенка, хотя с ее исключительно правильным произношением в это трудно было поверить. Тогда стало многое понятно, хотя об этом народе он почти ничего не знал, кроме того, что когда-то вычитал из произведений Лермонтова и Толстого. Оказалось, что этого катастрофически мало, и он с удовольствием слушал Лизу, наблюдал за нею, подмечая, как разительно она отличается от местных сверстниц.

Прошло полгода. Наступило время, когда каждый час, проведенный друг без друга, стал тягостным испытанием. Их чувства давно переросли просто дружеские, но об этом они не говорили. Однажды во время прогулки он спросил ее:

– Ты так вдохновенно рассказываешь о своей родине. Каждое твое слово дышит любовью к своему селению, к горам, окружающим его, к родным, друзьям. А скажи, пожалуйста, разве ты не скучаешь по родным местам?

– Скучаю, конечно, особенно последнее время. Я целый год не была дома, – она мечтательно вздохнула, – но я ведь не на всю жизнь уехала и не ради баловства. Вот окончу техникум, распределюсь и поеду в отпуск.

– А могла бы ты на всю жизнь покинуть родину?

– Что ты такое говоришь? Разве я диссидентка какая-нибудь? Зачем мне покидать родину?

– Извини, я не так выразился. Я не имею в виду уехать за границу. Например, выйти замуж и жить где-нибудь здесь, в России, а не на Кавказе.

Лиза задумалась. Евгений не мешал ей, взволнованно ожидая ответа. Наконец она подняла голову и посмотрела на него.

– Когда выйду замуж, я последую за своим мужем, куда бы он меня ни позвал, – она пытливо сощурила взгляд. – Надеюсь, что он будет достойным человеком. Моя задача быть ему опорой и хранительницей семьи, а родина моя будет в моем сердце, где бы я ни жила. Уверена, что и моему мужу полюбится Черкесия, а что может помешать нам навещать ее?

Это было именно то, что хотел услышать Евгений, но он не сразу решился заговорить о своих чувствах. Ему вдруг показалось, что Лиза слишком серьезная девушка, и он вовсе не входит в ее планы. И, тем не менее, когда, спустя несколько дней, он неожиданно сделал ей предложение, она без лишнего кокетства приняла его.

Решение молодых людей у родителей не вызвало энтузиазма. Будущую тещу беспокоило не только то, что жених младшей дочери иной национальности, но и то, что он издалека. И так, старшая уехала по распределению в Среднюю Азию, а другая живет с мужем где-то на Псковщине, теперь и младшая... Евгений знал об этом, предупрежденный Лизой, но это обстоятельство не слишком беспокоило. Его гораздо больше заботило, как отнесется к его избраннице мать. Зная ее тяжелый характер, он постарался подготовить девушку к предстоящим испытаниям.

Обладая достаточно твердым характером и, не в последнюю очередь, юношеской самоуверенностью, молодые были полны решимости бороться за свое счастье и преодолеть все трудности. Сложно сказать, представляли ли они, насколько это будет нелегко. Они были представителями разных народов, разных культур и традиций. Понимание того, что их нужно узнать, понять и принять, пришло несколько позже.

После окончания учебы Женя увез ее в свой родной город. Это был обыкновенный захолустный городок в российской глубинке, с патриархальными устоями. Но он ей понравился, поскольку на все смотрела глазами своего избранника.

Среди деревянных, почерневших и скособоченных от времени домов с подгнившими венцами, выделялись, как драгоценные камни среди булыжников, десятка полтора-два с резными крылечками, нарядно выкрашенными фасадами. В центре, как водится, высились несколько благоустроенных, с асфальтовыми подъездами, двух- и трехэтажных кирпичных домов для городского и районного начальства. Но даже они не могли затмить собой красоту двух храмов, один из которых был построен еще во времена Петра Великого и никогда не прекращал службы. В свое время этот храм был замечен и отмечен императрицей. Особой гордостью горожан было и то, что грамоту о статусе города они получили из рук самой государыни Екатерины II.

На свадьбу пришли все родственники, их оказалось не так уж и мало. О некоторых Женя даже не подозревал, что они имеют к нему отношение, а их раздирало любопытство: надо же, нашел себе черкешенку. Кое-кто из них, особенно продвинутый, без устали декламировал, когда-то услышанную строку, подогревая любопытство родичей: «...злой черкес кинжал свой точит...».

К сожалению, еще тогда Лиза не приглянулась свекрови... Подруге тоже она не сумела завести. Покладистая по натуре, она всегда была готова ответить искренне на любую попытку сблизиться, но местные жители не принимали ее. Только бывшие преподаватели Жени по техникуму относились к ней доброжелательно, остальные просто не замечали. Поначалу такое положение не слишком заботило ее. Им с Женей было достаточно общества друг друга.

Насколько непригляден был городок в своем запустении, настолько чарующе прекрасна была окружающая его природа. Он раскинулся на живописном берегу полноводной Ветлуги, тихо и спокойно прокладывая свой извилистый путь к Волге. Выше по течению на сотню километров не было промышленных предприятий, и рыба в реке изобиловала, а вокруг города и дальше – множество озер, сосновых боров, лесов, дичи, грибов и ягод. Лиза была очарована. Все свободное время они проводили на природе. Женя – заядлый любитель охоты и рыбалки, к тому же знатный грибник, всегда брал ее с собой.

– Лизонька! – на весь лес кричал он, – ты где-нибудь еще видела такой лес? А у вас есть такие грибы? А дичь? А озера?

– У нас леса совсем другие, – немного растерянно отвечала она, – а грибы, может и есть, но я не знаю. Мы их не собираем.

– Как же вы без грибов? – удивлялся он. Она пожимала плечами.

– Не знаю. Я в них не разбираюсь, и никогда их не ела.

– Надо тебя срочно научить разбираться в них, готовить их, солить, сушить. У нас это первейшее лакомство и закуска. Никакой стол не обходится без них.

– Я научусь, – тихо сказала она.

И научилась! И этому, и многому другому. Она вела свое небольшое хозяйство основательно, как и все, что она делала. Училась у соседей, ненавязчиво спрашивала, слушала, запоминала. Узнавала местные устои и традиции. Вскоре никто не смог бы упрекнуть ее, что она делает что-то не так, как принято здесь.

Когда родился первенец, они сняли частный дом, и Лиза завела корову. Соседи с удивлением замечали, что интеллигентка-докторша прекрасно управляется со скотиной. Откуда им было знать, что Лиза с детства приучена к крестьянскому труду. Но однажды Евгений Павлович, без объяснения причин, продал корову. Когда ее уводили со двора. Лиза слезливо протянула:

– Как же я теперь буду без своей красавицы? Она такая покладистая и молока давала немало. Зачем ты ее продал? Я же справлялась.

– Ну, конечно, справляешься. Только нам нет никакой необходимости держать еще и корову. Ты работаешь не меньше чем я, содержишь дом, да еще сын, да еще я. Не хватало только коровы, – посмеиваясь, ответил он, а Лиза смущенно потупилась.

Она вспомнила про случившийся недавно казус и подумала: «Неужели он узнал? Ее вроде бы никто не видел».

А дело было так. Однажды, душным летним вечером, Лиза вышла подоить корову. Буренка стояла в тесном загоне, отмахиваясь от комаров,

несметным роем носившихся над ней. Лиза обмыла вымя и приступила к дойке, но корова беспокойно переступила с ноги на ногу, отгесняя хозяйку к ограде. Лиза успокоила ее и продолжила доить. Однако комаров становилось все больше, к ним теперь присоединились и слепни. Буренка без конца переступала ближе к хозяйке, норовя перевернуть наполовину наполненное молоком ведро. Лиза, приноравливаясь к ней, отступала и, наконец, уперлась в ограду. Но корова не унималась, и тогда Лиза в раздражении хлопнула ее по ляжке, но не рассчитала силу. Та шлепнулась вверх тормашками, а Лиза некоторое время смотрела на нее в растерянности. Она не ожидала, что так легко свалить ее с ног. Потом, воровато оглянувшись по сторонам, быстро помогла ей встать. К счастью, в этот вечер муж не спросил парного молока, но кто-то, наверное, видел эту картину. На следующий день весь городок знал об этом происшествии. Знакомые и коллеги заговорщицки перешептывались, со смешинкой и новым интересом, недоверчиво поглядывая на нее. Тогда Лиза и не догадывалась в чем дело, а оказывается, разговоры дошли и до мужа.

– Да ты не расстраивайся, – успокоил ее Евгений Павлович. – Зато теперь все знают, что с тобой лучше дружить, чем ссориться.

После того случая отношение горожан изменилось только в том, что они опасались задевать необыкновенно сильную жену молодого доктора. Зато с приезжими из деревень или из других районов складывались прекрасные отношения. Однажды познакомившись в силу необходимости с молодыми общительными супругами, они заводили с ними дружбу семьями и дорожили ею безмерно.

Женя, замечая вопиющую несправедливость горожан, всецело был на стороне жены. Тихая безмолвная борьба продолжалась несколько лет. У супругов было уже двое детей, а свекровь при невестке все так же поджимала губы, а, оставшись наедине с сыном, засыпала его нескончаемыми жалобами, но, видя, что на отношения сына и невестки повлиять не сможет, обратила свои слезы на собственное здоровье. Единственным человеком, безоговорочно принявшим Лизу, был свекор, тихий, покладистый человек. Каждое утро он появлялся у них во дворе, певуче растягивая слова, интересовался, как почивали, рассказывал новости и, отправив молодых на работу, без усталости возился с малышами.

В конце концов Женя, не надеясь сломить упорство матери и горожан, решил откликнуться на многочисленные приглашения родителей жены. Наверное, этому способствовало и желание увидеть новые места, поближе познакомиться с народом, кровь которого текла в жилах его детей.

На прощание они устроили вечеринку для немногочисленных друзей. Стол накрыли под развесистым кленом во дворе. Бабы, собравшиеся посудачить у одной из соседок, вдруг услышали глубокий грудной голос, доносившийся из докторского подворья:

Окрасился месяц багрянцем,
И волны бушуют у скал.
Поедем красотка кататься,
Давно я тебя поджидал.

И застолье дружно подхватило припев, а бабы наперебой гадали: у кого ж это такой красивый голос? Наконец одна из них догадалась.

– Да это же докторша поет! – прислушалась, добавила: – Надо же, она еще и наши песни знает.

– Да как красиво выводит!

– А по мне, так ничего особенного, – возразил завистливый голос, – у нас многие красивше поют.

На том споры прекратили, но слушали еще долго.

Родственники жены приняли их радушно, особенно теща. Она, как наследка над своим выводком, хлопотала над семьей младшей дочери и не могла нарадоваться на внучат, только перед зятем чувствовала себя немного скованно, стесняясь своего акцента.

Родное селение Лизы раза в три превосходило по численности городок на Ветлуге и лежало в долине говорливой горной реки. Ночами, когда селение засыпало, шум бурного потока стоял над ним, отдаваясь эхом от окрестных гор. Евгений, впервые оказавшись на Кавказе, был очарован изумительным горным пейзажем. По утрам он неизменно любовался зубчатой цепью главного кавказского хребта, который открывался во всю ширину горизонта. В хорошую погоду можно было рассмотреть каждую скалу, каждую вершину, ну а в ненастье, клубясь, их окутывали тучи, как смушковая шапка горца. Казалось, протяни руку и достанешь до этих вершин, но видимое расстояние в горах обманчиво. Он это понял, когда с фотоаппаратом ходил по окрестным горам: за каждой скалой или валуном, за каждым поворотом открывался новый вид и новое расстояние. Но все равно зародившееся желание побывать там, в глубине нагромождения этих исполинов, почему-то не оставляло его.

Родственникам очень хотелось, чтобы они осели здесь, тем более что работы было невпроворот: во всем районе был всего один стоматолог. Но в селении не было ни одного русского, и теща, полагая, что зятю будет неуютно, снял для них квартиру в областном центре, хотя языкового барьера не существовало: здесь все прекрасно говорили по-русски. С работой не возникло никаких проблем. Более того, всего через пару недель слава о мастерстве нового доктора распространилась по всему городу и больные загодя стали записываться к нему. Новые работники органично влились в коллектив городской поликлиники, где им предоставили кабинет и оборудование. Словом, жизнь на новом месте налаживалась. Молодые работали, не покладая рук. Лиза частенько брала работу на дом. Они рассчитывали, что в скором времени сумеют заработать и на квартиру и на машину, но неприятности подоברались к ним с неожиданной стороны.

Месяца через два к ним стали обращаться пациенты, недовольные лечением у других докторов. Евгений и раньше замечал, что коронки и протезы, которые были изготовлены местными специалистами, мягко говоря, не совсем отвечали требованиям, которые он предъявлял Лизе. Он часто повторял, что зубной техник должен быть не просто ремесленником, но и немножко художником и скульптором. Это не важно, что после установки протез никто не рассматривает, он должен выполнять функции природных зубов на сто процентов. И Лиза умела удовлетворять

его требованиям, а местные техники в погоне за количеством, наверное, уже не обращали внимания на качество. С этим новый доктор еще как-то мирился, но не на шутку возмутился, когда обнаружил откровенную халтуру врача. Однажды, к концу рабочего дня, молодая женщина привела к нему пожилого горца. Он не был горожанином, и талончик ему не дали, но отказать ему Евгений не смог.

– На что жалуемся, отец? – спросил он.

– Видьш, сынок. Мне уже восемьдесят лет, – он говорил с ярко выраженным акцентом, не всегда правильно расставляя ударения. – До семидесяти пяти лет у мина ни адын зуб не болел. Потом адын и ныл. Я пошел к врач. Он мина зделал каронка и тепер хажу каждый год. Тепер много каронка. Пасматри, что случилась.

При первичном осмотре Жена обнаружил, что у старика, начиная с восьмерок, по обеим сторонам все коренные зубы уже в коронках, но передние были настолько здоровы, что он заподозрил неладное, и причина обнаружилась быстро. Лиза, собравшаяся уже домой, ждала его здесь же, в кабинете. Он подозвал ее.

– Глянь-ка, что творится, – и обратился к старику: – Вы к разным докторам ходите?

– Откуда разный? У нас всего адын.

– Ничего себе! – ахнула Лиза, – да он намеренно портит старику зубы.

– Да. Вместо одностороннего сенарационного диска использует двусторонний. Обтачивая больной зуб, снимает эмаль с рядом стоящего – здорового, и через год его тоже надо лечить, а там и следующий. Не может быть, чтобы он не понимал, что делает. Да за такое – руки надо отрывать! Придется нам, Лизонька, задержаться. Надо будет сделать слепок. Ну, а вы, дедушка, не беспокойтесь зубы у вас, я думаю, больше болеть не будут.

– Зделай, дарагой. Я тэбэ барашка привезу.

Высказанное в сердцах мнение по поводу нерадивого коллеги не замедлило сказаться: разве мог он предположить, что короткая реплика, выскочившая сгоряча, так быстро дойдет до адресата. В сообществе стоматологов на него стали коситься, кое-кто даже намекал, что он здесь чужой и не мешало бы вести себя скромнее. Это создавало определенный дискомфорт, но Евгения Павловича больше всего тяготила городская жизнь.

Он скучал по охоте, а пуще всего по рыбалке, которой он отдавал все свободное время на родине. Здесь тоже город стоял по-над рекой, но времени на рыбалку не хватало катастрофически. Кроме того, прослышав, что в верховьях реки водится форель, он мечтал там порыбачить. Со временем это превратилось в навязчивую идею, и он решил купить машину. Она была необходима, тем более что дети тянулись к бабушке, которая в них души не чаяла. К тому же они ждали пополнения – Лиза была беременна, а ездить в село на автобусе в таком состоянии, да еще с малыми детьми, не совсем удобно. Вскоре такая возможность появилась,

и он удовлетворил свое желание. Он нашел, что рыбалка на горной речке увлекательнейшее занятие. Теперь он с нетерпением ждал выходных.

Однажды он встретил рыбака, экипированного с иголочки. Так случилось, что они рыбачили на виду друг у друга, и Женя заметил, что тот удильщик никудышный, зато восторженно реагирует на каждую удачу. Ближе к полудню рыбак решил подкрепиться и пригласил Женю составить компанию.

За едой Евгений заметил, что сотрапезник пережевывает пищу осторожно, иногда морщась.

– Что-то с зубами? – спросил он.

– Уже недели две маюсь. Так-то вроде не болят, но жевать невозможно. Как только случайно надавлю, боль пронизывает до мозга костей. Ужасное состояние, доложу я вам.

– Надо сходить к врачу, зачем же терпеть такое неудобство?

– Сходил бы, да у нас здесь и толкового доктора-то нет. Вот поеду в командировку в Москву. Там и схожу, а пока подожду, может само собой успокоится.

– Зря. А вы где работаете?

– Здесь недалеко – в астрофизической обсерватории.

– Ученый, значит. А в город можете выбраться?

– Ну конечно. С этим проблем у нас нет.

– Тогда, при случае, зайдите в городскую поликлинику к стоматологу. Гарантирую, что лечение будет не хуже, чем в столице.

Новый знакомый с прищуром посмотрел на Женю, о чем-то размышляя, но ничего не сказал.

Через два дня рыбак появился в кабинете. Евгений Павлович встретил его, как старого знакомого. Осмотрев зубы, он огорченно покачал головой:

– Что ж вы так наплевательски относитесь к своему здоровью? Запустили совсем. Признайтесь, этот зуб болит уже давно. У вас периодонтит, а можно было вылечить на стадии кариеса.

– Ну, я в ваших терминах не разбираюсь, я больше по части звезд. А не лечил, потому что мы как-то пригласили районного стоматолога. Он всех наших сотрудников осмотрел, полечил, но после него, по-моему, жалоб стало больше. Вот я и не стал обращаться к нему.

Евгений Павлович заподозрил, что это был тот самый доктор, который калечил старого горца.

– Ладно. Теперь уже поздно сетовать, только вам придется еще пару раз приехать. Это возможно?

– Да, конечно.

Ученый пациент оказался доктором наук и членом-корреспондентом российской академии. Довольный результатом лечения, он настойчиво стал приглашать доктора штатным сотрудником, пообещал хорошую зарплату и благоустроенную квартиру.

Женя не слишком серьезно воспринял предложение академика, но когда тот приехал специально по этому делу, позвал Лизу за советом. Она не раздумывая, согласилась.

– Разве можно отказаться от такого предложения? Люди ради квартиры едут на край света, а здесь рядом, в двух часах езды от города. Да и к родителям расстояния столько же, как и отсюда.

Они подали заявления и, отработав положенный срок, переехали в Академгородок. Академик не обманул – им дали однокомнатную квартиру, а немногим позже – четырехкомнатную. Вот и сбылось мимолетное желание Жени оказаться в глубине гор. Природа здесь была действительно изумительной, рядом, в полутора десятках километров, туристическая база, известная всему миру. Но с годами нависающая громада скал стала тяготить, экзотика местных красот приелась. Наверное, чтобы прожить жизнь в этих местах, нужно родиться горцем. Женю потянуло на родину. Объяснить это было трудно, но с каждым днем он все больше скучал по своему городку, может не такому благоустроенному, как здесь, по реке – такой тихой и величавой, по бескрайним лесам, по походам за грибами и ягодами. Здесь тоже были леса, но, Лиза была права, они совсем не такие, как на родине. И вот настал момент, когда он и днем и ночью, на работе и дома, не мог избавиться от мыслей о родном городе. Тоска, поселившаяся в душе, не отпускала его, исподволь подтачивая силы. Прежде словоохотливый оптимист, он все чаще стал замыкаться в себе. На вечеринках и пикниках уже не пел заливчатских песен под гитару, а наигрывал грустные мелодии, уставившись невидящим взором в одну точку. Только на работе, не допуская посторонних мыслей, он чувствовал себя комфортно. Лиза догадывалась, в чем дело, но сделать ничего не могла. А во время очередного отпуска он поведал о своем состоянии жене. Сказать, что Лиза восприняла предложение о возвращении в Россию с энтузиазмом, было бы неправдой. Но она виду не показала – сама переживала за него и, коротко всплакнув наедине, мужественно согласилась с решением мужа.

Слух о том, что они собираются возвращаться и хотели бы обменять квартиру, разнесся по городку молниеносно, но равноценного никто не предложил. А спустя месяц им позвонила Вера Буйнова. К тому времени Евгения Павловича охватило нетерпение настолько, что он готов был уехать, бросив квартиру, и предложение Буйновой было принято со всеми его недостатками.

Получив согласие, одинокая Вера быстро собралась и приехала на Кавказ. Она честно предупредила Лизу, что квартира нуждается в ремонте, там еще прописан ее брат, но он выпишется, как только приедут новые хозяева. А пока она оставила ему ключи, чтобы присматривал за квартирой. У него своя семья и дом. Правда, иногда, разругавшись с женой, жил у нее, но человек он безобидный, хотя и пьет много.

Теперь, вернувшись, в этом убедились и сама Лиза, но увиденное не смутило ее. Она прекрасно представляла, что ее ждет, и готова была, засучив рукава, приняться за устройство своего жилья, ведь не впервой. С таким намерением они с тремя сыновьями остановились у свекрови, хотя и тесновато было всемером ютиться в двух комнатках.

Конечно, Лиза не стала рассказывать женщинам обо всех подробностях их жизни на Кавказе. Она предпочла добросовестно отвечать на

их вопросы. Наконец, она решила, что пора и честь знать – для первого раза рассказала достаточно. Она поднялась.

– Засиделась я с вами, а мне еще своих мужиков кормить.

– Подожди, – остановила ее моложавая. – А что Ромка-то Буйнов? Скоро собирается уходить?

– Не знаю – пьяный он. Ничего не соображает. Мне кажется, он и не понял, что кто-то приходил.

– Ты, милочка, не церемонься с ним, – подала голос миниатюрная женщина в вылинявшей панаме, – он третьего дня получил расчет за колодец в Мишино. Пока не пропьет до копейки, с места не двинется.

Буйнов, известный упрямец, в прошлом один из лучших трактористов района, после распада колхозов запил по-черному. И как ни билась с ним жена, да и сестра тоже, не прекратил, пока все сбережения не кончились. Потом, объединившись с двумя такими же безработными, стал копать колодцы. Дело прибыльное, вполне можно было содержать семью, но пить он так и не бросил. Перед очередным запоем он часть денег отдавал жене и уходил к сестре, которая жила в одиночестве. Лиза подозревала, что и обменялась Вера из-за братца.

– Ладно, бабы, пойду я. А с Романом как-нибудь договоримся.

– Ну-ну, посмотрим. Договорись с ним – как же! – ехидно бросила вслед Пелагея.

Хотя и хорохорилась Лиза, но на душе скребли кошки: еще неизвестно, как обернется дело с этим упрямцем. Не дай Бог, если в дело вяжется Женя. С пьяницей он долго церемониться не будет – он их на дух не переносит. Вдруг с сердцем что-то случится – в последнее время оно у него побаливает.

Муж встретил ее в приподнятом настроении.

– Завтра можем выходить на работу, нас приглашают в горбольницу.

– А как же с квартирой? Еще не известно, когда оттуда уберется Верин брат. Он в запое, я не смогла с ним поговорить. А потом еще надо будет делать капитальный ремонт.

– Может, мне с ним поговорить?

– Нет, с ним я сама разберусь, а ты начинай работать.

– Тогда я буду заниматься только лечебной практикой. С протезированием подождем. А ты не торопись и не переживай, все образуется.

– Может, возьмешь кого-нибудь? Ведь есть же у них техники.

– Этот вопрос не обсуждается. Я не собираюсь никого переучивать.

Женя был прав. По прошлому опыту Лиза знала, что местные техники не только не блистали мастерством, но и не отличались усидчивостью, а угодить мужу нелегко.

На следующий день она застала Буйнова похмеляющимся в компании все тех же собутыльников. На этот раз они вразнобой ответили на ее приветствие, а сам Буйнов, тряхнув свободный стакан, налил водки и пригласил:

– Садись, красавица. Выпей с нами.

– Спасибо, но я не за этим пришла. – Лиза вежливо отказалась. – Как

я понимаю, Роман Буйнов – это вы, а эту квартиру ваша сестра обменяла со мной.

– Так ты докторша?! – Буйнов окинул ее соловоеющим взглядом и вдруг стал осыпать ее жутким матом.

Поток брани застал Лизу врасплох. То есть она допускала, что в разговоре будет проскакивать что-то подобное для связки слов. Но чтобы так, с места в карьер, целенаправленно!.. Это для нее было дико, и она стояла растерянно, не зная, как реагировать.

– Пошла вон! И чтоб не появлялась, пока честные люди отдыхают, а то выкину, не посмотрю, что баба!

Лиза вылетела из квартиры, чувствуя себя оплеванной. Ничего не видя перед собой, остановилась на крыльце подъезда. На лавочке, как и в прошлый раз, сидели кумушки и перешептывались, кто – злорадно, кто – сочувственно, разглядывая ее. Она заподозрила, что они собрались специально, чтобы узнать, как она будет договариваться с Буйновым. Квартира была на первом этаже, и они, конечно, все слышали.

– Ну что, милочка, не договорилась? – ехидно спросила Пелагея.

– Не договорилась, – буркнула Лиза и, боясь сорваться, прошла мимо.

Между тем кумушки услышали визгливый голос, доносившийся из открытого окна.

– Ну ты, Ромка, и дурак. А если она придет с ментами? Выкинут в два счета и допить не дадут, да еще посадят в кутузку. А там не похмельешь. Как, тогда?

Роман пробурчал что-то нечленораздельное и послышался звон стаканов. Трудно сказать, что подействовало на Буйнова – то ли упоминание милиции, то ли еще что, но в следующий раз он не грубил.

– Ты вот что, докторша, – хмуро пробурчал он, – зла на меня не держи, с похмелья, знаешь, всякое бывает. Освобожу я твою квартиру, завтра и освобожу.

Лиза, обрадованная сговорчивостью Романа, не откладывая, закупила стройматериалы для ремонта. Но не тут-то было. На другой день у Буйнова сабутыльников еще и прибавилось.

– Ты не сердчай, хозяйка, вот отмечаем переезд. Завтра, вот те крест, уйду, – клятвенно пообещал он.

От унижения и беспомощности у Лизы неожиданно потекли слезы и она, шмыгнув носом, молча развернулась и ушла. Еще не раз она приходила – просила, сердилась, плакала, грозила милицией, но без толку. Буйнов продолжал пить, а на лавочке с каждым разом женщин становилось все больше. Большинство теперь сочувствовали Лизе, возмущались, давали советы, и лишь старая Пелагея ехидно посмеивалась.

И вот сегодня Лиза пришла с твердым намерением освободить свою квартиру, чего бы это ни стоило. С нее хватит, если надо будет – она вызовет милицию. Сколько можно издеваться?!

Но она не успела даже поздороваться, как Буйнов встретил ее бранью:

– Ну что ты опять приперлась? Пристала, как банный лист, душу мне травмишь...

Что происходило дальше, Лиза припоминала с трудом. Она будто оглохла. Кровь ударила в голову, кулаки сжались, и в бешенстве она подошла к обшарпанному дивану.

– Ах ты шелудивый пес! Сын блудливой суки, не помнящей своего кобеля! Ты до каких пор будешь издеваться надо мной? – она протянула руку, сгребла его за ворот, подняла, словно пушинку, и притянула к своей необъятной груди. Ошарашенный неожиданной силой, обнаружившейся, как он считал, у интеллигентной размазни, беспробудный пьяница потерял дар речи. Пару минут он не мог сообразить, что произошло, но знал точно, что он не волен распоряжаться своим телом. От испуга он протрезвел на время и стал воспринимать, что говорила докторша. И вдруг заросшее рыжей щетиной лицо растянулось в восторженной улыбке – таких выражений он никогда еще не слышат. Она заметила его улыбку и пришла в себя. Еще раз тряхнула его и брезгливо бросила на диван.

– У-у, пьяная обезьяна, сроку тебе – до утра, – закончила она. – Предупреждаю, застану кого, выкину в окно, не посмотрю, что там лужа. Поняли?

– Поняли, чего не понять, – Роман весело вскочил с дивана. – Давно бы так, а то «простите», «пожалуйста», «будьте любезны», слезы тут льешь. Можно же было сразу сказать по-нашенски, по-русски, убирайтесь к... И до утра ждать не надо – сейчас и уйдем. Эй, мужики, поднимайтесь, хватит тут рассиживаться. Хозяйка пришла. Хватайте стол и диван – на улице закончим.

Через несколько минут квартира опустела. Лиза стояла опустошенная, не зная, что делать дальше. Открылась дверь, и, засучивая рукава, вошли женщины, до сих пор наблюдавшие за событиями с улицы.

– Ну, Ибрагимовна, показывай, что делать.

– Чего там показывать, обдирай обои, да выметай мусор, а дальше видно будет. «Надо же. Они даже отчество мое знают», – подумала Лиза и без сил прислонилась к стене.

Вечером, выслушав рассказ жены, Евгений Павлович посмеялся от души.

– Вот видишь, надо было сразу поговорить по-свойски, и все решилось бы без нервотрепки.

Ночь в горах

Всякого рода чудеса и загадочные явления происходят повсеместно. На Северном Кавказе они тоже отмечены. Тарелки и другие неопознанные объекты в горах летают. Народ – мужики – исчезают. Это их инопланетянки на свою планету забирают, одних безвозвратно, некоторых возвращают в беспомысленности, убедившись, что не мужики это. Барабашки сквозь железные двери и бетонные стены в квартиры проникают, гремя посудой на кухне, бормоча невразумительную тарабарщину, пугают обывателей. А лжепророков, колдунов, целителей и экстрасенсов развелось больше, чем врачей. Эти шарлатаны вылечивают здоровых моментально, а хворых калечат навсегда!

В окрестностях города Нальчика имеется отработанный песчаный карьер. Там можно найти моллюски, раковины, морских ежей и прочие окаменевшие останки океанских обитателей. А также обозначены особые зоны, где космические напряжения, экзотические явления испытывает человек: с минуты постоит – зуд и зубная боль проходят и летний загар даже зимой покрывает его толстым шоколадным слоем. Но как только из карьера выходит – зуд и зубная боль снова возвращаются и загар исчезает. Что? Как? Почему? Официальная наука не объясняет. Это только морскому ежу известно и понятно.

А в ущелье Адыл-су чудодейственный камень обнаружили. Факт на всю Россию известный. А все началось с того, что одна супружеская пара, прожившая годы в любви и согласии, никогда не расставаясь друг с другом и, как говорят, живя душа в душу, мечтали себе ребятишек завести, но как они не старались, так их и не нажили. Быть бы им без наследников, а жена возьми и поезжай на Кавказ. Совершая восхождение на вершину горы Уллу-тау, на половине маршрута присела передохнуть на камушек – да в положенный срок и родила. Причем двойню – мальчика и девочку. Прелестные такие карапузы получились, и, по определению научных светил, с гениальными способностями: девочка через год пиликала на скрипке этюды Паганини, мальчик решал сложные математические задачи... Прослышав о таком чуде, бесплодные дамы выстраиваются в очередь у того камушка, даже девицы, посидев на нем, рожают. Чудо из чудес! Этакое, знаете ли, непорочное зачатие.

А снежный человек, известный на Кавказе как алмасты? Его уже более сотни лет ловят и никак поймать не могут. О его существовании всяческая «разноцветная» пресса и солидные издания и телевидение сообщают, приводят неопровержимые факты. Да и легенды и местный фольклор указывают на его присутствие в горах Кавказа. То находят полуметровой длины отпечаток пятипалой ступни на снегу, то кучу навоза обнаружат – такой, мол, консистенции и конфигурации ни одно животное после себя не оставляет, на это только человекообразное способно. Конечно, высокое и огромное оно, лохматое...

Однако мне помнится, в семидесятые годы прошлого столетия одного все же изловили. Он, в конце концов, своими воровскими набегами окончательно разозлил жителей одного из сел Зольского района в северо-восточной части Эльбруса. Домашняя птица, овощи с огородов, бельевые веревки с

постирушками пропадали систематически. А сколько из общественного стада баранов пастухи на волков списали? Но те на месте пиршества шкуру да кости оставляли, а этот троглодит целиком их проглатывал, что ли?

Но когда его, выследив, загнали и повязали, он неожиданно всех по-русски матом обложил. И не менее красноречиво начал ругаться на кабардинском, балкарском и других кавказских языках, наречиях и диалектах... В ближайшем селе родственников отыскивали. Те еще в начале Великой Отечественной войны похоронку на него получили из военкомата. А он, оказывается, пошел в рукопашную атаку, да и повернул в горы. Более тридцати лет прожил в пещере. Оброс. Одичал. Алмасты, одним словом.

Так и не признав преимуществ цивилизации, поселился вдали от шума городского на заднем дворе у родни в сложенной им самим сакле, с очагом в центре и с дыркой в потолке.

Совершив на облюбованном им бугре за селом утренний или вечерний намаз, он поворачивал наполненный влагой взор на запад, где утренняя заря окрашивала горы в розовый цвет или весь Кавказский хребет выступал четким силуэтом на фоне вечернего заката, с неизбывной тоской, на всхлипе, шептал:

– О, Аллах! Как я хочу домой, в горы! Ой-е-е-я-я! Как я хочу домой!

Несколько раз сбегал, его ловили и возвращали. Скрываться стало трудно, пастухи и табунщики уже хорошо знали места его обитания. Так и умер от ностальгии по местам своей «боевой» юности, полной приключений зрелости, страдая от постоянного насморка, недостатка кислорода, от бензиновых паров, газа и запаха железа...

В горах, на высоте свыше трех тысяч метров, вода в котле закипает при температуре около 70 градусов, а бутылка водки оказывает такое же воздействие, как эквивалент сухого вина на грузина. Наука это объясняет так: воду кислород, насыщая, обогащает, а спиртосодержащие напитки, разбавляя, подавляет. Да и закусывают в горах обильнее, не как на Руси – один огурец на компанию.

Кавказские горы таят в себе еще много непознанного, мистического, парapsихологического, экзотического, экзотического.

Лет двадцать назад это было. Возвращался я от ледника Терскол в гостиницу «Чегет». Вижу, что ночь застает меня в пути, а уже и усталость дает о себе знать. А топать нужно километров пятнадцать по тропе, а местами выходящей среди валунов, перешагивать да перепрыгивать через ручьи, лужи, топи да болотца. Есть риск в темноте чего-либо вывихнуть либо сломать. «Скорую помощь» не вызовешь. Разве что пастухи на следующий год-два или туристы обнаружат обглоданный скелет. Вот поэтому настоятельно не рекомендуют ходить по горам в одиночку.

До дряхлой избушки на «курьих ножках», вросшей в землю под самое брюшко (по-балкарски – кош), километра два. И я решаю заночевать на поляне, покрытой зеленым ковром альпийских трав, украшенной лоскутами синих, красных, желтых цветов высокогорья. Выступающий на метр над землей валун с плоской обширной площадкой и стал моей спальней. Рюкзак под голову, теплые шерстяные носки до колен, свитер, штормовка с капюшоном, плоская 500-граммовая непочатая фляжка с крепким напитком,

ужин туриста в стеклянной банке – в общем, ночь можно провести весело, была бы компания.

Небо уже готовилось к летнему параду звезд. Алые флаги, транспаранты, узкие и широкие полотнища, украсив небосвод, застыли в безветрии. Лесистый темно-синий низ массива Донгуз-орун-баши, поглотивший остатки дневного света, отодвинулся вглубь, в темноту. И лишь многомиллионного веса шапка снега и льда на его вершине да усеченный конус горы Накра-тау, освещаемые последними лучами солнца, розовеют, бледнеют, тухнут...

Алые флаги и транспаранты облаков взвились вверх, и небо их поглотило. Ярко-оранжевый свет заката, контражуром высветил всадника, спускающегося с Эльбруса. Горбоносый мрачный нарт в черной лохматой папахе, в черной бурке, покрывающей круп коня. Позади него размытыми очертаниями просматриваются отставшие кентавр (человек-лошадь из греческой мифологии), в блестящих стальных латах фигура средневекового рыцаря и ясный образ русского богатыря Алеши Поповича, шагнувшего с картины Васнецова «Три богатыря»... Какие-то секунды нарт сдерживал нетерпеливого скакуна, порывающегося встать на дыбы. Но вот конь и всадник медленно опрокинулись в темно-синий провал пропасти и сразу превратились в белые потоки облаков, стелющихся по ребристой стене скалы.

К следующей ситуации я успел вынуть из кофра фотоаппарат с дальнорезким объективом. И вовремя. Потому что возник сам Господь Бог на небесах или местное высшее божество. Лицо светлое, взгляд мудрый, но направленный поверх земли, в космические дали. Белая борода, раздвоившись, превратилась в тяжелые темные грозовые тучи. «Не манну небесную, а кару посылаю на головы за непотребные деяния ваши да поступки мерзостные...» Так и разошлась борода-туча черной силой в разные стороны: одна часть – на запад, другая – на восток исполнять божье повеление. А как и куда исчез лик божий, я проморгал, но сфотографировать всемилостивого да всепрощающего успел.

Проявилась низко над горизонтом мерцающим голубым бриллиантом первая звездочка, синие краски неба потухли. Загорелась вторая звезда, правее и выше первой. Она и будет командовать парадом звезд, вмиг усеявших небосвод.

Какое это, однако, наслаждение – лежать на спине высоко в горах и любоваться потрясающей красоты звездным небом. Звезды здесь не то что внизу, на равнине, здесь они намного крупнее и ярче. В полукилометре от меня, на пике Терскол, расположена высокогорная обсерватория, где наблюдают за титаническими процессами в звездном мире. Спросил как-то у одного из тамошних «звездочетов»: «Сколько вы их уже насчитали?» – «Считаем. Одни посчитаем, другие появляются... А за ними возникают миллиарды следующих, и даже те, что потухли, взорвались и разлетелись, но все еще светятся, тоже считаем». – «Так от этого всего может и крыша поехать?» – «Может. Поэтому мы их ночью считаем, а днем спим. Это чтобы с нормальными людьми не встречаться. Они же нам детские и дурацкие вопросы задают, на которые мы не можем ответить. И не ответим никогда!»

Лежу я на плоском валуне, устремив взгляд в эту бездонную, язвительно подмигивающую даль, и чувствую себя так, будто я один нахожусь в центре вселенной. Вокруг никого и ничего! Не в ответе я за все, что вокруг меня и

далее, потому как только себя понимаю и ощущаю. Это и есть, наверно, так называемый эгоцентризм, крайняя форма человеческого эгоизма.

А вот – мысль! Она же самая могучая и всепроникающая сила во вселенной. Опять же – до определенного предела. Ее я и включаю. Вот он, Млечный Путь, созвездия Малой и Большой медведицы. А вот Водолей, Козерог, под которым я родился. А это? Это спутник, кувыркаясь и поблескивая, быстро пролетает от одного края небесной сферы до противоположной и скрывается. «За этим всем что? Звезды! А за звездами? Созвездия! А за?.. Да ничто! Темнота и пустота. А за пустотой? Бесконечность! А за бесконечностью? Да ни дна ни покрывки!» Тьфу ты, дьявол!.. Буль-буль-буль из фляжки. Вот она точно не бездонная! Граммов на сто осталось «булек».

Небо покрылось пришедшими со стороны Черного моря хмурыми тучами. А затем враз наступила темнота, хоть глаз выколи, и тишина – уши оторви. Фосфоресцирующие огоньки замелькали. Знаю, я их видел не раз – это светлячки-червячки. И не бегают, и не летают они, а ползают, медленно, не спеша. Привиделось? Уже? Тень промелькнула. Остановилась. Шарахнулась. Кинулась за валун. А он стал подниматься, подниматься... Земля проваливалась. Буль-буль-буль остатки... Задремал, заснул, забылся...

Открыл глаза на пороге дня. Точнее, ночь через порог день еще не пускает. Лежа на боку, глазами вижу, а тело и конечности – в полной отключке. Ну ни вздохнуть, ни пальцем пошевелиться не могу. Все понимаю, все чувствую, вижу обозначенную на горе Чегет сероватость рассвета, а позади звуки и непонятная возня. И еще что-то!.. Поднимается из этаких глубин! Опускается с таких высот! Тя-же-лое! Мас-сив-ное! Не страшное, вроде бы, но властное. Давит молча. Кто кого? Я его или оно меня? Парасихология – это тоже научно необъяснимое явление. Когда органы чувств еще действуют, но не могут влиять и контролировать физические и мышечные процессы. В общем, целый комплект придурия. Параноя, параномия и тому подобное. А «оно», «это», давило, давило – и через меня необъятной массой перевавило и покатило вниз по ущелью, не то похохатывая, не то повизгивая, распадаясь на черные и белые, мелкие и крупные осколки, разбрызгиваясь желто-синими искрами. Фу-фу-фу! Быстрее вниз! Туда, где шумно и весело. Где электричество, твердь асфальтовых дорог, запах бензина, вкус водки, аромат шашлыка...

Решаю путь подсократить. Не стану спускаться к поселку Эльбрусский, а пойду по левому склону и по трубе, перекинутой через Терскол – приток речки Баксан – перейду. А там рукой подать до гостиницы «Чегет». Но на первом же повороте вляпался в густой, как сметана, туман. В двух метрах – ни зги! Ночевала тучка золотая в боковом ущелье, да и выползла погреться на солнышко. Продвигаться в горах на ощупь опасно. Положив под себя рюкзак, присел на тропе, обозначенной копытами домашних и диких животных. Пять ли, десять минут прошло, как вдруг справа... надвинулся на меня громадный инопланетянин с кривыми антеннами на голове. От удивленного ли вдоха и моего выдоха ли – встряхнув антеннами, взревев зверем, он развернулся на одном месте и, обдавая меня комьями дерна и щебнем, галопом кинулся прочь. А я от него, держась за лямки рюкзака, заскользил по ухабистому крутому склону. Остановился, упершись в копну свежего сена.

БЕЛЫЙ КОНЬ И ДЕВОЧКА

Сказки Ученой Совы

В нашем лесу бывают и дети, и взрослые, и собаки. Они не просто приходят за грибами-ягодами, цветочками-орешками. Они вмешиваются в жизнь леса и его хозяев, влияют на нее. Кто-то делает это незаметно, по-доброму. Лесники, лесничие и егеря убирают сухостой и больные деревья, подкармливают зимой птиц, заботятся и о крупных животных: в определенных местах выкладывают соль или разбрасывают охапки сена. Такие люди даже передвигаются по-особому – боятся нарушить гармонию вечной красоты природы. Обитатели лесные к ним привыкают быстро, даже молодняк: от хранителей леса не исходит угрозы.

Но часто приходится видеть в лесу других гостей. Их повадки опасны. У них ружья, своры собак. Лес наполняется грохотом, лаем и визгом. Звери и зверюшки разбегаются, птицы и пичужки разлетаются – страшно. Шумные охотничьи компании устраивают привалы, жгут большие костры, оставляют выжженные кострища-пепелища и разный хлам, который сопровождает быт человека. После них лес долго залечивает раны.

А в далекие времена бывали в лесах лихие люди – разбойники, беглые каторжники. Выслеживали они не только дичь лесную ради собственного пропитания, но и беспечных путников, которые для сокращения пути то ли к дому, то ли в большой город пускались по одиночке через лес. Редко кому удавалось вырваться из разбойничьих рук. Порой путник (душа слабая, жить хочется) быстренько смекал в чем дело и радешенек был отдать с деньгами суму или пропитание какое, да и одежонку – только отпустите, мол, к малым деточкам кормильца единственного. Ан нет! Лихоимцы тоже жить хотят: а ну, как отпустишь, а он завтра всем миром придет в лес изловить и наказать злодеев. Вот и не отпускали...

Но однажды...

Уехал из деревни за лесом мужик на заработки в город. Мастеровитый был, руки золотые да и придумщик большой. Поработаю, мол, сезон на богатеньких, одежду деткам справим новую, запасы на зиму сделаем. Денег тоже привезу – в хозяйстве дело нужное. А к дождям-холодам ворчусь домой – не печальтесь, ждите. Да и конь со мной, верный белый конь – сами знаете.

И уехал.

2

Потрудился на славу в городе. Терема купцам рубил, светелки дочкам купеческим да помещичьим обустроивал – крылечки резные, наличники на оконца ажурные. Не гнушался и попроще делом: сараюшку там кому, амбар поставить, а уж сруб колодезный с журавлем возвести – и вовсе в радость было. Колодец! Он и в деревне дело святое. Девки за водой

бегут, женихи невест высматривают, бабы с коромыслами важно шествуют – ведра полные, да все косточки соседские перемальвают. И хозяева все новости к колодцу несут – самое чистое место поговорить-встретиться, рассудить беду или поделиться радостью.

Кипела работа, росли заработки. Мастер радовался: всем на обноры уже заработал, инструмент новый кой-какой присмотрел себе да и о запасе не забыл. Холода придут, зимы лютые бывают, – пригодится копейка.

Пролетело лето в приятных трудах и золотая пора осени. Засобирался наш мастер домой, где жена-краса да малы детушки. Попрошался с купцами, дал обещания помещикам следующим летом сделать им и то, и это, собрал заработанное да купленное и отправился в обратный путь.

Обратный путь – это путь домой. Он всегда короче и быстрее дороги из дому. Да только человеку еще быстрее хочется. Мысли у него нетерпеливые. Думает, как ждуть его – дожидаются, как выбегают за околицу огольцы-мальцы, каким немым вопросом в глазах встречают молодки его павушку: ну где же, мол, долгожданный твой; не прислал ли, мол, какой вестушки. Чудится ему уже, как набрасывает шаль шелковистую на ее плечи гордые, благодарный видит ее взгляд светящийся; визги радостные слышит малых детушек, подарки да пряники расхватывающих. «Эх, быстреей домой доберусь-ка я!» Резво повод натягивает, на лесную тропу коня пускает.

И не трус наш мужик, руки крепкие. Да только о ту пору жили в лесу беглые колодники, лихие разбойники. Тоже знали, что зима надвигается, вольнице лесной конец придет – ни еды прежней, ни укрытия. Следят за лесными тропами-дорогами, особенно если те к людям ведут – в деревни да к городу. Увидал дозорный их всадника издали, услышал конский топот резвый. Кликнул дружков-разбойничков, быстро скумекали, что добыча к ним пожаловала. Затаились, стали ждать. Да уж больно хотелось самому прыткому из них удаль показать, сноровкой хвастнуть – он и выдал себя нетерпением. Обломился сук под ним, лиходей оземь грохнулся.

3

Умный конь всхрапнул и метнулся вбок. Мастер понял все: пробил, что ли, час? Неужели и жизнь кончилась и смириться мне с долей горькою?

И взмолился мужик, и к коню воззвал:

– На тебя, мой друг, вся надежда! Спаси, помоги, из лесу вынеси. Жизнь свою на тебя кладу – ты опора мне, верный белый конь!

И неужто конь разобрал слова? Иль опасность, может быть, да на всех одна? Только птицею вдруг рванулся конь, мощный топот окрест наполнил грохотом. За конем следом – разбойники: не упускать же добычу богатую. Ни троп, ни дорог не разбирают. Затаился лес – погоня славная. Мужик молится. Ветки хлещут коня, достают седока, рвут одежду его – он не чувствует. Ох, спаси, донеси... Вон деревня уже. И дымки... И поля под озимыми... Вот конюшни... Вон и до-о-ом мужика... Донеси, белый конь, донеси седока!

Отступил лиходей. Испугался людей. В лес поплелся злодей...

У колодца встречает родная жена. Старики, добры молодцы слышать хотят, не стряслось ли беды – ведь погоня была. И забыл наш герой про родного коня. Рассказал, где бывал, все добро показал. Красовался, гордился и хвастался. Конь же – рядом стоял, тяжело так дышал, видно, думал: «Скорей бы водицы...».

Мимо девочка шла. Крошка-лада с венком, что сплела поутру на лужайке. Увидала коня и к нему подошла: «Ах, красавец какой! Что ж, красуйся, родной!» И веночек коню протянула. Шею вытянул конь, и веночек повис – как лавровый венок на героя. А малышка ушла – где-то рядом жила. Еще многого в жизни не ведала...

Воротился домой, всем подарки раздал – как приятно, когда тебя любят. Ну, а конь? В сараюшке конь белый стоял – никому, никому был не нужен...

Наступила зима. И упали снега. И пришло, как всегда, лихолетье. Только лада одна навещала коня и в отдушину хлебом кормила.

...«Ну и кляча, – подумал однажды мужик, заглянув поутру в сараюшку. – Прогоню да куплю вороного коня, что кормить мне такую скотину!»

И, шатаясь, пошел со двора белый конь. Проклинал ли он горькую долю? Я не знаю, друзья, думаю эту коня, но душой ему всей сострадаю...

4

Он толкнулся в один, в двор толкнулся другой – отовсюду пинки да насмешки. Лай собак, вой собак, ругань баб, мужиков, да снежки по спине, да мальчишки...

Только лада к сараю однажды пришла и в отдушину ту заглянула. Увидала коня – вороного коня. Боже мой, как она закричала!

– Где же конь? Белый конь?! То был принц молодой, заколдованный злою колдуньей!.. Кто видал? Кто слышал? Может, мне кто-то правду расскажет?..

Ти-ши-на...

Так бывает лишь только зимой. Крупный снег меж землю и небом. Круговерть тишины. И она побрела... И не видела белого света. Лада, лада, вернись, пощади свою юную душу. В жизни столько беды... Погоди, не ходи...

Что за холм? Не видала здесь прежде пригорка. Воротись! Но – дошла. Зарыдало сердечко ребенка.

Это конь, белый конь свой приют там нашел, и зима о нем тризну справляет...

Мир коня потерял... Верность мир не узнал...

А мне кажется, конь еще скачет...

И девчоночка (слышите?!) плачет...

С большой радостью представляю на суд читателей «Литературной Кабардино-Балкарии» рассказ Фатимы Балаевой. Я прочитал его на одном дыхании и получил огромное удовольствие. Хотелось бы познакомить с восходящим талантом балкарской литературы и читательскую аудиторию журнала.

Фатима Балаева училась на отделении английского языка в Карачаево-Черкесском педагогическом университете. Писала сказки и рассказы для детей, которые публиковались в журналах «Минги Тау» и «Нюр». Фатима пишет на балкарском и русском языках, хорошо владеет обоими языками. Я верю в ее будущее. Если будет неустанно работать над собой, совершенствовать свое перо, имя Фатимы будет очень значимым в литературе.

В настоящее время Фатима работает в журнале «Нюр» и продолжает учебу – она решила получить и второе – юридическое – образование.

*Алим Тенгеев,
народный писатель КБР*

Фатима БАЛАЕВА

Кольцо с изумрудом, или Путь в свой дом

Этот весенний день навсегда остался в памяти Таужан. Слух о том, что балкарцев высылают, разбудил сонное село. И все высыпали на большую дорогу, по которой, поднимая пыль, проносились большие машины, из которых смотрели растерянные лица стариков, встревоженные – женщин, любопытные – детей.

Одна из машин, не доходя до перекрестка, остановилась возле дома Таужан. Из закрытого кузова быстро спустили женщину и положили у дороги. Растерянные аульчане не сразу подошли к ней – лишь когда машина поехала дальше, а в воздухе завис крик ребенка: «Анам!». Одна из наблюдавших за происходящим женщин, вспомнив Аллаха, шагнула к ней.

Лежавшая на земле была еле жива. Толпа, подхватив несчастную, занесла ее в ближайший двор. Этот двор принадлежал Таужан. Больную уложили на топчан под навесом. Кто-то говорил, что ей нужно подать воды, кто-то пытался намочить платочек и вытереть ей лицо. Женщина пришла в себя, но ненадолго. Она пыталась что-то сказать, но губы ее не слушались. Чтобы услышать, что она говорит, Таужан наклонилась к ней. Больная еле слышно прошептала:

– Къызыма, Аминатха... – Она показывала на кольцо на правой руке...

Это кольцо много лет хранилось у Таужан и не давало покоя. И каж-

дую ночь перед сном она просила у Аллаха за эту женщину, имени которой она даже не знала. И спросить ей было не у кого. Какая-то невидимая нить навсегда связала Таужан с той, чья предсмертная просьба-завещание тяжелым грузом легла на сердце.

Прошло долгих тринадцать лет. Давно ходили слухи о том, что балкарцы возвращаются. И в тот, тоже весенний, день балкарцев с радостью встречали. Многие годы жившие с ними бок о бок и имевшие родственные связи, кабардинцы с радостью встречали своих соседей.

У Таужан снова появилась надежда найти ту, кому принадлежало это кольцо по праву. Но у кого бы она ни спрашивала, никто не мог вспомнить ту женщину, умирающую, брошенную у дороги, которая назвала имя дочери – Аминат. Так кольцо опять вернулось на свое место в углу сундука.

Когда Руслан привел в дом балкарку, Таужан не очень-то приветливо встретила молодую невестку. Она устроилась работать в школу, туда же, где работал ее муж.

Несмотря на суровость свекрови, молодая сноха всячески старалась угодить ей. И никто не видел, чтобы она сидела без дела. Соседи то и дело восторгались трудолюбием и приветливостью новой хозяйки. На что Таужан отвечала сквозь поджатые губы:

– Посмотрела бы я на вас, если бы ваш единственный сын привел в дом ту, с которой даже поговорить нельзя на родном языке. Да что там поговорить, она же детдомовская, без роду и племени!

Аня-Аминат действительно выросла в детском доме в Киргизии. Туда она попала, оказавшись на чужбине, после того как потеряла всех родных. С Русланом она встретилась в Москве, куда направили ее учиться как одну из лучших. Они вместе учились в педагогическом колледже, и, окончив, решили пожениться.

Как все пожилые люди, Таужан любила перебирать свой сундук. Теперь уже с внучкой Фатимой. Все радовало маленькую принцессу: и старые четки, которые достались Таужан от матери, и позолоченные нагрудник и пояс. Их с удовольствием примеряла маленькая кокетка. С появлением Фатимы Таужан стала мягче к снохе. К тому же, к радости свекрови, невестка быстро выучила кабардинский язык.

В очередной раз, когда бабушка открыла сундук, в его затаенном уголке Фатима нашла красивое кольцо с большим изумрудом. Она сразу примерила его и побегала показать матери. Возившаяся с тестом Аня, увидев кольцо на тоненьком пальчике дочери, сразу спросила:

– Откуда оно?

– Это бабушкино! – похвасталась девочка. – Когда я вырасту, она отдаст его мне!

Эти слова напомнили Ане тот далекий день, когда она, будучи в таком же возрасте, как и Фатима, примеряла мамино кольцо и переспрашивала: «Правда, когда я вырасту, ты отдашь его мне?» На что мама ласково отвечала: «Конечно, дочка».

Аня была в растерянности, это кольцо ей напомнило о многом, что

не стерли из памяти ни сиротское детство, ни другие трудности, пережитые в чужом краю. Она сразу вспомнила нежные руки матери, на пальце которой было такое же кольцо – подарок отца.

Подошедшая бабушка, увидев опечаленное лицо невестки, хотела спросить, что случилось, но не успела. Повернувшись к ней, внучка вновь спросила:

– Бабушка, правда, ты мне подаришь его, когда я вырасту?

Таужан помедлила с ответом. А Аня вдруг, сама того не понимая, произнесла:

– Такое же кольцо было у моей матери.

Таужан пронзила ужасная мысль, а ведь она даже не интересовалась тем, знала ли, помнила ли Аня своих родителей.

Когда она стала рассказывать историю кольца, лицо Ани побледнело. Перед глазами ясно предстал тот день, когда ее маму вынесли из кузова остановившейся машины и положили на обочину дороги. Оставшись с чужими людьми, девочка долго кричала и звала маму. На новом месте ее определили в детский дом... Она вспоминала, а по щекам катились слезы.

Таужан поняла, что сама судьба привела эту девушку в ее дом. Мысль о том, как она была несправедлива к ней, захлестнула ее и она поспешила обнять и успокоить сноху.

– Дочка, – в первый раз она назвала ее так. – Как хорошо, что я тебя нашла, как добр ко мне Аллах, что указал тебе дорогу в мой дом. Я каждую ночь молила Аллаха, чтобы он дал мне возможность выполнить обещание, данное той несчастной, которую мы провожали в последний путь с этого двора и которая оказалась твоей матерью! Она умерла с твоим именем на устах и просила, чтобы это кольцо я передала тебе.

Таужан надела на палец снохи кольцо с изумрудом.

Зимы для несчастий

Солнце лениво поднималось из-за горы, сквозь белесый туман весело поблескивал иней.

– Солнышко мое, вставай.

– Мама, но еще так рано. Можно, я посплю еще часок?

– Ну, если ты хочешь проспаться свой день рождения, то, пожалуйста, спи...

– Что? Как? Мама, почему ты не разбудила меня раньше? Ты же знаешь, что сегодня придет много гостей, а я еще совсем не готова... и почему сегодня так холодно?

– Мариша, с днем рождения тебя, дочка...

Мама протянула дочери маленькую коробочку, аккуратно завернутую в розовую бумагу, и нежно поцеловала Марину в щеку.

Ее звали Анна. Она вышла замуж, когда ей было девятнадцать лет. У нее не было родителей – росла в приюте. Когда началась война, Алексей, который рос вместе с ней в приюте, предложил ей выйти за него замуж. Она согласилась и обещала ждать его с фронта, но так и не дождалась. Второй раз Анна замужем не была, растила дочь одна. И вот сегодня ей исполнилось девятнадцать лет...

Марина открыла коробочку и ахнула от удивления. Это был тот самый медальончик, о котором она мечтала целый месяц.

– Мама, ты просто прелесть! Но он такой дорогой, где ты нашла деньги?

– Дочка, для тебя я всегда все найду. А теперь давай поспешим – гости придут уже совсем скоро.

Марина надела свое выходное платье, распустила волосы, – на груди уже сверкал медальон. Она очень волновалась, да и мама не меньше. Ведь сегодня среди обычных гостей будет один особый – возлюбленный Марины, за которого она уже планировала выйти замуж.

Гости постепенно собирались. Подруги Марины немного завидовали ей, друзья были в восторге. Все уже шумно рассаживались за столом, а Марина нервничала. Были все, кроме одного, самого главного, – кроме Павла. Звучал первый праздничный тост, и вдруг – звонок в дверь. «Это он!» – промелькнуло у Анны в голове. «Я открою!» – радостно выпалила Марина и выбежала из гостиной. Все примолкли в ожидании. И вот в гостиную входит Марина с огромным букетом роз (ее любимыми цветами), а за ней – высокий брюнет с застенчиво опущенной головой.

«Вот это красавец, у дочки есть вкус», – подумала Анна.

– Знакомьтесь, это Павел.

Марина была без ума от счастья. Этот день был незабываем.

Прошло два года. Много изменилось. Анна немного постарела, Марина повзрослела, а Павел все так же оставался возлюбленным Марины.

Все было замечательно, да только Анна стала болеть все чаще и чаще. Она не хотела ходить к врачам, но однажды все же решилась. Марина и Павел ждали в коридоре. У вышедшего к ним врача лицо было мрачным.

– Ну, что? – волнуясь, спросила Марина.

– Мне очень жаль, максимум год... – ответил доктор.

– Что?! – вскрикнула в ярости Марина. – Что вы говорите? Вы же врач, вы должны ей помочь, этого не может быть!

– Медицина в данном случае бессильна... – с трудом выговорил врач в ответ на ее слезы и мольбы о помощи.

Анне решили ничего не говорить, но она сама уже давно обо всем догадывалась. Свадьбу решили сыграть поскорее.

Марина была в белом платье, глаза сверкали, как драгоценные камни на ее любимом медальоне. Прикрыв лицо фатой, Марина смотрела на Павла с интересом и испугом. Она боялась расстаться с вольной девичьей жизнью и стать взрослой, женой Павла, а вскоре и мамой. Стоя у алтаря, Марина обернулась и, отыскав среди многочисленных гостей свою мать, посмотрела на нее с тоской и печалью. По щеке покатились слеза. Заметив это, Павел крепко сжал ей руку, пытаясь дать ей понять, что он всегда будет рядом, он ей поможет.

Анна с восторгом смотрела на свою дочь. «Неужели я дожила? Моя дочь выходит замуж... Интересно, все ли понимают, что моя дочь самая красивая невеста на свете?» – с такими мыслями Анна оглядывалась вокруг, пытаясь что-либо разглядеть во взглядах гостей.

Когда на вопрос священника – «Вы согласны стать женой Павла?», Марина ответила: «Да», Анна не сдержалась. Она заплакала и, боясь расстроить этим свою дочь, ушла в толпу гостей, пытаясь затеряться среди них. Через месяц ее уже не стало.

Марине казалось, что солнце уже не светило так ярко, как раньше, а зимы стали еще холоднее. Она не вынесла бы утраты, если бы не Павел и ребенок, которого она ждала. Павел внушил ей, что ее мать не умерла, а только стала невидимой. Он говорил, что она всегда рядом. Марина верила ему, потому что мама часто снилась ей и даже подсказывала правильное решение в, казалось бы, безвыходном положении. Марина почти свыклась с утратой, только иногда она тихо плакала в подушку, прижимая к груди медальон и вспоминая тот день рождения.

Со временем душевная боль постепенно утихала. У Марины родился сын. Люди поражались тому, как сильно он был похож на Павла. Некоторые радовались этому, а другие, напротив, чего-то боялись, будто что-то предчувствовали. Павел открыл свою фирму, дела пошли в гору. Каждые полгода Павел и Марина ездили в приют, где воспитывалась Анна, и отвозили детям много всего нужного. Все было замечательно, все было слишком хорошо.

Опять зима. Почему-то еще холоднее. К чему бы это? Через два дня у Марины был очередной день рождения. Сынишка, которому было пять лет, безумно радовался. Он так же сильно любил праздники, как когда-то их любила его мать.

– Ну вот, милая, прошел еще один год. Давай отметим твой день рождения с друзьями, за городом, – предложил за обедом Павел.

– Давай завтра никуда не будем выходить, Паша. Посидим дома, сами. У меня плохое предчувствие, я боюсь...

– Опять ты чего-то боишься! Я уже обзвонил всех друзей, все уже готовы к празднику. Если ты не согласишься, я на тебя обижусь.

Марина согласилась. Весь день ее не покидало чувство страха. Ночью ей приснился сон: Анна стояла у какой-то дороги, звала дочь. Когда Марина двинулась к ней, ее кто-то остановил. Это был Павел. Он оттолкнул Марину и пошел к Анне сам. Анна радовалась. Марина оглянулась и увидела сына, который бежал за отцом. Марина хотела его остановить, но Павел жестом показал ей этого не делать. Он взял сына на руки и, улыбнувшись, помахал Марине рукой и пошел. Постояв пару минут, Анна и Павел с сыном развернулись и пошли вверх по дороге. Марина оставалась на месте и смотрела им вслед.

Проснувшись вся в поту, она с ужасом вскочила с постели, быстро оделась и выбежала на улицу. Но было уже поздно. Павел уже уехал с сыном за покупками. Стоял густой туман, было ужасно холодно, но Марина ничего не чувствовала. Их дом стоял у автотрассы, и, присев на ступеньку, она устала на дороге. Спустя двадцать минут она увидела вдалеке машину мужа. Марина обрадовалась. Павел остановил машину на другой стороне дороги и, что-то сказав сыну (видимо, оставаться в машине), с букетом роз в руках, начал переходить дорогу. Марина двинулась навстречу, но Павел жестом руки показал ей оставаться на месте. Он уже почти перешел дорогу, как вдруг его кто-то окликнул сзади. Он резко обернулся назад. Это был их сын, который не хотел оставаться в машине и бежал за ним. Павел что-то ему кричал, но тот не останавливался. Не посмотрев по сторонам, Павел побежал к нему навстречу. Марина не понимала, что происходит. Она увидела какую-то внезапно появившуюся машину, услышала крики, шум... и вдруг все стихло. «Что случилось? Почему розы разбросаны по асфальту? И куда бегут все эти люди?» – Марина ничего не могла понять. Она была в каком-то трансе. Вдруг она ясно услышала, как кто-то сказал: «Вызовите скорую помощь, мальчик еще жив!»

Лучшая подруга Марины держала ее под руку. Они стояли в больничном коридоре. Она была совершенно обессилена. Ей казалось, что все это – ужасный сон. Сейчас она проснется, пойдет на кухню, а там Павел уже наливает кофе. Она расскажет ему свой сон, а он ответит: «Снова ты чего-то боишься...»

Но нет, это была реальность. Та жгучая и ужасная реальность, которая порой губит людей и рушит человеческие жизни.

В коридоре появился врач.

– Ну что? Он будет жить? Вы смогли его спасти? У меня кроме него никого нет... – еле слышно прошептала Марина.

Врач опустил голову.

– Я сожалею, мы не смогли его спасти. Медицина оказалась бессильна. – Врач развернулся и пошел дальше.

«Что? Эта «картина»... она снова повторяется! Эти слова, врач... это все уже когда-то было!»

Марина потеряла сознание. Она пробыла в коме три недели. Врачи с трудом смогли спасти ее жизнь. Сам организм практически отказывался жить. Когда она пришла в себя, она никого не узнала. Она потеряла память. «Это к лучшему, ей так будет лучше», – утешали друг друга друзья.

Марина пробыла в доме для инвалидов три месяца. Она не могла ни ходить, ни говорить. В том доме работал один врач. Он постоянно пытался помочь Марине начать ходить и говорить, и вот однажды она смогла шагнуть. Врач был очень рад. Марина была ко всему безразлична, и, хоть она ничего не помнила, что-то ужасное терзало ее сердце.

Со временем она начала хорошо говорить, а вскоре и ходить. Марина пошла на поправку. Врач, который ей помог, безумно в нее влюбился. Он сделал ей предложение, и она согласилась выйти за него замуж.

И снова зима. В ночь, когда до свадьбы оставалось два дня, Марине приснился сон. Она стояла на берегу озера. На другом берегу увидела какую-то женщину, которая играла с ребенком. Вокруг все цвело. Кто-то положил ей на плечо руку. Она обернулась и увидела какого-то парня. Это был высокий брюнет. Парень указал на мелкие камушки на берегу. Среди них блестел медальончик, который и сейчас был на ее шее, но она ничего о нем не знала. Затем Марина посмотрела на воду. Она увидела там отражение того доктора, который помог ей выжить и за которого она собиралась выйти замуж. Он улыбался, а в руках держал стеклянную чашу, полную крови.

Марина проснулась вся в слезах. «Кто эти люди? – думала она. – Я их знаю! Это очень близкие мне люди», – повторяла она самой себе, но никак не могла вспомнить. Кое-как успокоившись, она вдруг услышала, что звонит телефон. Марина подняла трубку. Это был доктор. Голос у него был грустный. Он сказал, что им надо встретиться и поговорить о чем-то очень важном.

Они встретились недалеко от больницы. Доктор начал свой рассказ, а Марина никак не могла оторваться от мысли, кого же она видела во сне.

– Мариша, я должен рассказать тебе один свой ужасный поступок. Я никогда себе этого не прощу, и ты должна знать об этом. Возможно, после этого ты передумаешь и не захочешь стать моей женой, но ты должна знать...

Было очень холодно. Мороз пробирался до костей. Марина дрожала.

– Два года тому назад, – продолжил доктор – в один зимний и такой же холодный день, как и сегодня, я ехал на работу. Дорога была скользкая. Я опаздывал и поэтому ехал на большой скорости. Внезапно передо мной на дороге появился какой-то мужчина, а с ним маленький мальчик. Я попытался остановить машину, но не успел. Я сбил их... но я не остановился, я испугался. Не сбрасывая скорости, я уехал и оставил их там, на дороге. Стоял густой туман, никто не успел заметить марку и номера моей машины. Потом, из газет я узнал, что они не выжили. Это большой груз и я...

У Марины кольнуло в сердце и что-то острое пронзило голову. Вот

и все, она все вспомнила. Во сне она увидела Павла, мать и сына, ну конечно же. За пару минут в ее голове промелькнула вся ее жизнь, каждый день, каждый час. Она вспомнила медальон, который мать подарила ей на девятнадцатилетие, вспомнила, как она умерла, вспомнила Павла и своего маленького сыночка. И тот трагический зимний день, когда она потеряла мужа и сына, и ту аварию, все... она вспомнила все.

Марина оттолкнула врача и, ничего не сказав, медленно пошла вниз по дороге. Врач знал, что именно ее он так безумно любил, но он не знал, что именно он сделал ее такой несчастной. Сначала он хотел пойти за ней, но потом подумал, что ей лучше немного побыть одной. Но он даже представить себе не мог, почему Марина так отреагировала на его рассказ.

Под ногами хрустел снег, на улицах никого не было, было ужасно холодно. Марина сняла шапку, шарф, сбросила с себя пальто и продолжала идти вниз по дороге. Она то смеялась, то начинала рыдать. Что с ней происходило? То ли она радовалась, что наконец-то вспомнила своих родных, то ли радовалась, что скоро с ними встретится. Она шла к старенькому кладбищу, где была похоронена ее мать. Когда-то они с Павлом часто приходили сюда и приносили цветы на могилку матери. Марина посинела от холода, но ничего не чувствовала. Три надгробия стояли рядом. Справа Анна, слева Павел, а посередине ее сын.

Ее нашел на следующее утро сторож. Марина была как живая. Глаза были закрыты, а на щеке застыла слеза. Губы были приоткрыты в нежной улыбке, а волосы распущены, как в день ее свадьбы. Только в правой ладони она что-то крепко сжимала. Люди потом говорили, что это был тот самый медальончик, который мама подарила ей на день рождения. Ее похоронили рядом с родными. Одни люди плакали, другие утешали себя тем, что ей так будет лучше, третьи были растеряны.

P. S. Когда-то Марина сказала своей матери, что замуж надо выходить зимой – брак будет счастливым. В день свадьбы своей дочери Анна подумала, что замуж Марина выходит зимой, как и хотела, значит, брак обязательно будет счастливым. Однако... Что это? Это судьба, это жизнь.

Анна Габуева (Халишхова) работает в журналистике более 15 лет. Еще в школьные годы начала писать для газеты «Советская молодежь». В 1995 году стала штатным сотрудником газеты «Кабардино-Балкарская правда». Создание текстов – ее ежедневная работа, художественная проза – потребность души. Рассказы пишет всю сознательную жизнь. Два из них предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

Анна ГАБУЕВА

Кольцо

Римма сдвинула рукой мокрый пласт слежавшихся желтых листьев... Ничего. И под скамейкой ничего. И вокруг, и у входа в парк – тоже ничего. Она хорошо помнила, как сняла слишком приметное кольцо с пальца и положила его в карман, – как раз у входа, где львы и фонтанчики. И вот теперь его нет – ни в кармане, ни у входа, ни около скамейки, нигде... Слезы досады сами покатались из глаз.

Она любила это кольцо – таких теперь не делают. «Барское», – смеялась над ним мама. Римма хорошо помнила день, когда Алик подарил ей это кольцо. Это был день рождения их сына. Чужой город, областной роддом, куда доставили ее, девятнадцатилетнюю роженицу, снятую с поезда. Юные и бесшабашные, они с мужем гостили у родни, а на обратном пути случилась такая оказия. «Что ж ты, девонька, так сроки не подгадала, – сокрушалась пожилая акушерка, – родить-то нельзя погодить!» Новорожденный пацан орал басом, требуя внимания, а под окном от счастья орал другой пацан – двадцатилетний, прихоронившийся младенцу родным отцом. Вот тогда-то он и приволок это ювелирное безобразие ей прямо в роддом. И где только взял? Сказал, что в комиссионном отделе ювелирного. Оно и в самом деле было не новым, не столько старинное, сколько «с историей». Огромный дымчато-бурый раухтопаз казался уродливым, но в то же время притягивал взгляд. «Богатое», – завидовали подружки. «Мещанское», – фыркнула свекровь. А Римме нравилось мамино определение, в кольце, и правда, было что-то барское. Ну и память, конечно, память на всю жизнь.

Присела на влажную от ночного дождя скамейку. И как только она могла его потерять... Жалко-то как! Какие счастливые и гордые они вернулись тогда в Нальчик, бережно прижимая к себе орущий сверток. И получили нагоняй от всей родни за такую бесшабашность. Но им все было нипочем, казалось, что они всегда будут такими молодыми и счастливыми. И дом – полная чаша, и ребятишек – мал мала меньше. И как же они сильно любили друг друга...

Что же произошло с ними? Других ребятишек не родили. Уже через

пять лет – просто существовали в одной квартире, едва сдерживая взаимное раздражение, а потом и вовсе разбежались. Алик уехал в Москву, зацепился там и даже открыл свой небольшой бизнес. Ну да, женился: не одному же мужику век коротать. А Альбертик рос с мамой. Правда, отец всегда помогал – и деньгами, и советом. Вон как удачно выбрал сыну вуз – один из самых престижных в стране. Помог поступить, поддерживал все годы учебы. И даже несколько лет после окончания отец подкидывал сыну денюжат – платили молодому специалисту не так, чтобы очень. А молодым-то многого хочется. Словом, хороший Алик отец. Жаль, что так получилось...

Может, колечко подобрал кто? Оно же приметное, сразу видно, что дорогое. Вот ведь обидно... Да и нет у нее других драгоценностей. А сейчас оно так могло пригодиться. Сын-то жениться надумал. Привезет молодую жену, москвичку, между прочим, к матери, а ей и подарить нечего. Вот кольцо – хороший подарок, и особый – с историей. Пусть бы носила. Или хотя бы хранила. Какая она, эта столичная невеста? А вдруг стерва попадется? Сейчас ведь вон какие девки – дерзкие, насмешливые, во всем хотят верховодить. Впрочем, тридцатилетний ее сын тоже не дурак, уж, наверное, не станет абы кого в загс вести. Задобрить бы ее, чтоб внуков потом привозила почаще... Да что это я! Все будет хорошо, все у них сложится. Только очень колечка жалко... И опять заплакала.

Снова полил холодный осенний дождь. И непонятно было, от слез ли намокло лицо, или непогода постаралась. Вздохнула, поправила сбившийся беретик и пошла к выходу, почти без надежды, но все-таки глядя в асфальт. Нет, нет кольца, как сквозь землю провалилось. «Ну и ладно!» – выдохнула со злостью. И – вдруг увидела его в луже у самого бордюра! Увесистое, нелепое, с большим дымчато-бурым раухтопазом, кольцо словно улыбалось своей хозяйке издалека. Теперь-то уж точно все сложится!

Сестра

«Дура, ну какая же ты дура! Что ты сделала со своей жизнью, да ладно бы только со своей. Сколько горя ты принесла самым близким людям. Дура, бедная ты моя дура...» Эти отнюдь не похоронные мысли крутились в голове у Марины, пока шла церемония погребения – по-немецки сухая и сдержанная.

На маленькое кладбище маленького германского городка приехали немногочисленные родственники и знакомые семьи Шольц. Человек пятнадцать. По российским и, тем более, кавказским меркам – всего ничего. И вряд ли кто из них на самом деле искренне скорбел по погибшей Мадине. Да, невестку с Кавказа не любили. И было за что.

Семь лет назад, провожая сестру к жениху в Германию, Марина уговаривала ее еще раз хорошенько все взвесить. Но разве та послушает! Она никогда не принимала всерьез советы своей близняшки. Мадинка всегда была безрассудна, бесшабашна и безумно везуча. У нее с малых

лет было все самое лучшее, и это притом, что росли девочки в небогатой семье своей тети – отца не знали, а мать умерла, когда крошкам было чуть больше года. Вот как-то умела Мадя получить все, что ей хочется. Лучшее платье, лучшая кукла, лучший мальчик в параллели. Марина всегда оставалась в тени. Впрочем, она не особо переживала. Видно, природа, отдав всю яркость одной, оставила всю сдержанность и рассудительность другой сестре.

С Марком Мадина познакомилась в Москве, когда ездила в гости к подруге. Флирт, романчик, и вдруг оказалось, что парень из Германии всерьез запал на бесшабашную девчонку. Уже через полгода Мадинка уезжала, чтобы стать фрау Шольц в родном городе Марка. Со стороны невесты гостей на свадьбе не было, впрочем, немецкая родня жениха особо не горевала по этому поводу, невесты им вполне хватило – уж праздновать-то Мадя умела. Наутро Марк, хохоча, рассказывал молодой жене о ее вчерашних «подвигах», а свекровь Ирма с самого начала пожелала держаться от невестки на расстоянии. Потом родилась Эрика, которая чуть ли не с первых дней жизни стала воспитываться у немецкой бабушки. А вскоре Марк насмерть разбился на машине...

Жизнь Мадины сделала крутой виток вниз. Все реже она приходила к дочке, все чаще ей приходилось менять место работы, с каждым разом устраиваясь на худшую. Когда-то неплохая портниха, она уже не могла кроить и держать в руке иглу. Швейную, конечно. Покатилась по наклонной: алкоголь, а потом и наркотики.

Когда позвонили из Германии, Марина долго не могла понять, что пытается ей сказать нанятый матерью Марка переводчик. А он все твердил: «...большой укол, много препарата». Зная о пагубной склонности сестры, Марина, похолодев от услышанного и не желая верить, но, уже понимая, что ничего не изменить, переспросила: «Передозировка?»

Надо отдать должное Шольцам, они дождались приезда Марины, сами организовали похороны, поселили сестру невестки в своем доме. Эрика, впервые увидев тетю, закричала по-немецки: «Это мама! Мамочка живая!» Марина разревелась, а девочку увели. Позже малышку подвела к Марине бабушка и сказала: «Она уже знает, что ты мамина сестра». Марина обняла племянницу, но не могла ей ничего сказать – девочка не знала русского, а Марина не говорила на немецком. Так и стояли молча, обнявшись.

Обнявшись, шли они с кладбища. А вечером Эрика принесла к Марине в спальню ворох игрушек и рассадила их на кровати. Бабушка, стоя в дверях, молча наблюдала, как они играют, потом увела девочку спать. Утром хозяйка дома впервые заговорила с Мариной. Смешивая русские, английские и немецкие слова, она пыталась объяснить сестре своей невестки, что хочет, чтобы она погостила у них несколько дней. Это нужно девочке. Чувствуя, что Мадькина свекровь не испытывает к ней особой приязни, и, самое страшное, хорошо понимая причину такого отношения, Марина пожалала плечами: «О, кей», – и показала на пальцах, что останется на неделю.

Эти семь дней племянница не отходила от нее ни на шаг. И даже

строгая бабушка уже не так сухо разговаривала с Мариной. Объяснялись жестами и на уровне какого-то необъяснимого понимания людей, объединенных общей бедой. Потом Марина уехала домой, а девочка стала ей звонить каждую неделю и хвастать новыми словами на русском, выученными специально для ее «либен тёти».

Через год Марина пригласила Эрику с бабушкой в Нальчик. Она бы не осмелилась звать их в свое общежитие на окраине города, но подвернулся случай. Уезжала ее подруга и попросила присмотреть за довольно приличной квартирой. Марина влезла в долги, накупила подарков, приготовила праздничный обед, заказала такси от аэропорта. Подростая Эрика, издали увидев Марину, радостно скакала и махала руками, а пройдя контроль, кинулась ей на шею. Бабушка Ирма сухо улыбалась, но тоже обняла сестру своей непутевой невестки. А дома она сказала: «У Эрики никого нет, кроме меня и тебя. Я хочу позвать тебя к нам». И когда Марина попыталась объяснить, что взять отпуск она не может, а бросить работу нельзя, Ирма уточнила: «Нет, не в отпуск. Навсегда».

Еще год ушел на оформление документов, изучение языка и сборы. Уезжала налегке, словно оставляя со старыми вещами свою старую жизнь, неудачи и одиночество. Сойдя с поезда на маленьком железнодорожном вокзале старинного германского городка, Марина увидела бегущую навстречу уже совсем большую племянницу. «Тетя, добро пожаловать домой!» – старательно выговорила девочка русские слова.

ИНСТИТУТ ОРАДУС *

Из института джегуако обособился народный поэт – песнетворец – орадус, который, отказавшись от скоморошеских функций, сохранил за собой обязанности сочинителя песен и стихотворца, – это его основная определяющая черта. Некоторые из джегуако умели играть на различных музыкальных инструментах – на шичепшине, на продольной флейте (бжьамий, кьамыл), на двухструнной балалайке (Ипэпшынэ), на зурне (сыринэ), на арфе (пшынэдыкьуакьуэ), на гармонике, как и любой одаренный человек; обладали способностью хорошо петь в роли запевалы. Они по приглашению родственников, может быть, друзей трагически погибших героев, или просто умерших знатных, богатых людей, крестьян создавали платные гыбзы, за которые получали приличные гонорары (в виде комплекта черкески, или скота, коня, улья с сотовым медом...). По заказу потерпевших складывали за определенное вознаграждение жалобные, любовные, смеховые, очистительные песни, а в различных ситуациях импровизировали бесплатные стихотворения, порой высокого идейно-художественного качества, занимавшие немалое место в их творчестве, однако народ придавал стихам меньшее значение, чем песням. Песнетворцы были обязаны научить своей новой песне, в особенности гыбзе, способных молодых певцов, чтобы те распространяли ее в народе: в этом были заинтересованы как заказчики, так и автор. Распространение новой хорошей песни было весьма полезно для обогащения и развития национальной и этнической культуры. Если институт есть форма общественных установлений, правовых норм, регулирующих какие-либо обособленные социальные отношения, то в это определение вполне вписывается институт орадус. Орадус, как и оседлые джегуако, имел семью, дом, скот, лошадь, участок земли, где он трудился как настоящий земледелец, в случае необходимости мог нанимать батрака; параллельно мог быть плотником, шорником, мельником, и даже мог временно войти в джегуаковский ансамбль, но главная его черта, приносящая ему известность, даже славу и определенный доход в дополнение к крестьянскому, – это талант к профессиональному песнетворчеству.

У адыгов песнетворчеством и стихотворчеством занимались не только люди «простого звания», но также аристократия – князья и дворяне: сочинительство считалось унизительным только как профессия, как источник средств к существованию, а не как талант и способность. Знатные сочинители в своем творчестве находились в полной зависимости от художественной культуры, созданной джегуако, т. е. от фольклора. Самые ранние сведения об аристократических сочинителях относятся к

* Окончание (нач. см.: № 1. 2009).

первой половине XIX века: «Замечательнейшие наездники не пренебрегали рифмою и пшинером, – писал Н. Дубровин. – Магомет-Аш, один из первых богатырей за Кубанью, был отличнейшим импровизатором». ¹ К сожалению, народная память не сохранила авторства Магомет-Аша ни на одно произведение. Однако интерес и даже увлечение знатных адыгов искусством, видимо, было всегдашним: шичепшина «общеупотребительна: в гостиных играют сами князья и дворяне; <...> эпепшын – род балалайки с двумя же струнами. Арфа <...> видом и устройством похожа на обыкновенную арфу. Она имеет 24 струны из конских же, тонко перевитых волос. Эти два последних инструмента лишь употребительны в высшем классе. <...> На [флейтах] эти певцы играют в гостиных князей и дворян и во время торжеств и плясок», – писал Хан-Гирей. ²

Фольклор сохранил свидетельство о поэтическом столкновении двух аристократов. Хозяин малокабардинского селения Мэртэзей (ныне Дейское) «дворянин Елкан Муртазов приехал в сел. Аргудан (?), чтобы приветствовать вернувшегося из долгого похода знаменитого князя, уалия Кабарды Асланбека Кайтукина, но последний встретил его насмешливо:

*О Муртазовых сын Елкан негодный,
У твоего пегого коня иноходь ложная,
Ты, ложь в суме таскающий,
Приехав, новости мне привез?*

(Подстрочный перевод)

Самолюбивый Елкан, всплыв, тоже в стихах оскорбил великого князя в присутствии людей:

*О дурной Асланбек пузатый,
Вино хлебать ловкий,
Женщины колдуют над твоими усами,
Твои большие усы тебе не к лицу,
Раздор в народе тебе по нраву!
Большой Аргудан был князей могучих поселением
Это посмешище почему здесь обосновалось!*

(Подстрочный перевод)

Оскорбление, усиленное стиховой формой, столь острое, что Елкан был вынужден бежать, прихватив и свою жену». ³

Кстати отметить, что миниатюры настолько складны, что их сочинители, похоже, опытни в стихосложении.

О существовании у адыгов устных поэтов-аристократов свидетельствует сохранившиеся до нашего времени воспоминания о стихотворце Уоко (Уэкьюэ). ⁴ В Кабарде он считается джегуако холопского происхождения, который насильно был увезен в Турцию во время выселения черкесов с родины. ⁵ Однако на родине поэта, в Черкесии, информаторы утверждают, что он был вовсе не джегуако, а только поэт и являлся аульским князем в Абук-Хабле (ныне – Хумаран) ⁶ и действительно, поддавшись

агитации, переселился в Стамбул, однако ни турецкие порядки, ни «благословенная» новая родина ему не понравились и он вернулся в родную Черкесию.⁷ Даты его жизни установить не удалось, но поскольку он был среди мухаджиров, можно полагать, что основная часть его жизни падает на вторую половину XIX в.

Из творчества Уоко народная память сохранила только одно стихотворение и несколько изречений на тему мухаджирства. В них турецкий образ жизни подвергается своеобразной критике и осмеянию, что воспринимается как увещевание соплеменников не покидать Кавказ ради Турции: она не такая, как нам было обещано. В изображении поэта «благословенная страна мусульманства» далека от идеала черкесов. Он не касается религиозных вопросов, а осмеивает бытовой образ жизни:

*У них [в земле] копошится лемех,
Безбороздые у них нивы,
Яблочный сок их вино,
Из тростника мед они варят,
Их каменные дома под овчарниковой крышей,
С головы чалму не снимают...
Рукава есть у них, но руки не вдевают.
Живым лицо они завязывают...
Не расстаются с чубуком,
Чубуки за ворот затыкают...⁸*

(Подстрочный перевод)

Эта скрупулезная, как будто нетенденциозная, зарисовка – портрет страны, написанный образно, ярким языком, на котором адыги говорят о повседневных делах. Такая реалистическая картина, нарисованная очевидцем и противопоставленная образу страны обетованной с персиковыми садами, величественными мечетями, благородными мусульманами, справедливыми султанами, будучи комично сниженной, ошеломляет слушателя. Уоко здесь перекликается с пачевским «Стамбулом».

В фольклорном архиве имеется только одна запись данного произведения, где оно названо «Стихотворение Уоко» («Уэкью и усэ»)⁹. Это не песня, предназначенная для пения, а текст без мелодии, который декламируется. Поэтическая речь здесь организуется не мелодическим процессом, а словесной ритмикой, т. е. мерным чередованием равновеликих стоп. Как достоинство стихотворения следует отметить, что оно имеет идейное содержание и четкую композицию с замыкающей концовкой. В начале произведения строки следуют друг за другом, связанные внешне звуковой организацией – акромонаграммой; каждый стих составляет отдельную деталь-зарисовку, однако из них естественно вытекает завершающая формула, придающая стихотворению структурную законченность:

*Их ботинки – вещи хорошие,
Их опытные мужи – мздоимцы лихие.*

*Не переехавшие сюда умирают [по Турции],
Переехавшие умирают здесь.¹⁰*

(Подстрочный перевод)

Финальная формула превращает смех поэта в язвительный, с политическим подтекстом. Произведение, на первый взгляд простое, вдруг становится сложным и глубоким.¹¹ Здесь просвечивает авторское сознание.

Выдающимся орадуном был обедневший дворянин Шугиб Выков¹² из черкесского аула Баташевского (Ботэщей – ныне Малый Зеленчук). Он был известен современникам как искусный песнетворец. Как удалось установить в 1983 г. А. М. Гукемуху, Шугиб Выков родился примерно 150 лет назад, т. е. около 1833 г. и, прожив 67 лет, скончался на рубеже XX века. Эти ориентировочные даты достаточны для хронологической локализации творчества поэта.

Ш. Выков не был богат и жил доходами от своего земледельческого труда, но, как все адыгские дворяне, любил охоту для развлечения и, естественно, пользовался благосклонностью высших сословий, однако не чурался простых людей, при этом сохранял традиционную уоркскую культуру и даже внешность, унаследованную от прежнего аристократизма. Знавшие его старики вспоминали, что «...он был стройный, красивый, хорошо известный в родном краю человек, носил аккуратный костюм, был умен и остроумен, мастер сочинять песни и стихи».¹³

Он сочетал с аристократизмом и некоторые черты джегуако. Известно, что он вместе с некоторыми джегуако участвовал в состязании песнетворцев, устроенном представителями высшего сословия в бесланейском ауле (Адыгея), где за сочинение песни Ш. Выкову присудили второй приз – откормленного быка. К сожалению, никто уже не помнит, за какую именно песню или стихотворение он удостоился такой награды. Подобно джегуако, он любил посмеяться над теми, кто этого заслуживал: однажды Шугибу в гостях пришлось довольствоваться ужином из молока и пасты, а затем спать на войлочной постели, а когда утром хозяин осведомился, как гость провел ночь, поэт ответил: «Мяу!» Это означало: «Как кот, ибо молоком кормят котов и коты спят на войлоке». В другой раз хозяева постелили ему в кунацкой нормальный матрац с матерчатым наматрасником, но забыли принести одеяло. Шугиб ждал долго, потом постучал в окно и ядовито спросил: «Хозяин, не покажешь ли, как забираются в ваш матрац?» Перед ним извинились и принесли одеяло.¹⁴

В выковских ответах сквозит народный остроумно-незлобный смех, которым подтрунивают над друзьями, попавшими в смешное или глупое положение.

Знатные друзья Выкова нередко обращались к поэту за помощью в сочинении песен. Ватага уорков как-то собралась сложить песню про охоту на пушного зверя, однако дело не клеилось, и они пришли к Шугибу: «Уалаги, Шугиб, рукава песни готовы, а рубашки еще нет», – сказали. Поэт, по своему обыкновению постукивая плетью обо что-то, стал напевать «рубашку», то бишь мелодию с текстом, на глазах у изумленных охотников:

На каждое баноко вас всадников двенадцать,
 Борзых двенадцать с собой берете,
 Три лисьих шкурки с собой приносите,
 Три лисьи шкурки, кому хватает, тому дарите,
 А кому не хватает, лису живую обещаете...¹⁵*

(Подстрочный перевод)

Неизвестно, какого содержания песню собирались сложить охотники, но Ш. Выков подсунил им комическую: курьезность заключается в несоответствии большого числа охотников и борзых с ничтожностью трофея (три шкурки – на двенадцать охотников и двенадцать собак!); второй курьез – намек на известную притчу о человеке, который зря обещал княгине шкуру неубитого медведя («А кому не хватило, тому лису живую обещаете»). К сожалению, текст на этом обрывается, а сама песня целиком, видимо, не сохранилась.

Из выковских импровизаций сохранилось еще одно стихотворение смехового характера о неэтичном поведении некоего Шумахо Ешроко. Оно неотделимо от породившего его ситуативного контекста: проголодавшийся молодой дровосек не был приглашен к обеду Ешроковым, чья ферма стояла поблизости. Поэт узнав об этом, подъехал на коне к ферме и громко сымпровизировал:

*Ей, Ешроко, Ешроко! Ешроко Шумахо,
 Чей день в ночь не переходит,
 У кого несолнечная ферма...
 Ты дрова на горбу носишь,
 Ты воду на гору с трудом поднимаешь.*

Импровизация начата не зло, скорее участливо, но вскоре ее смех становится язвительным:

*Неуверенными шажками выходите,
 Сове подобно оглядываетесь,
 Если кого увидите, прячетесь,
 Прохожих вы пугаетесь,
 А испугались-то одного юноши.*

Поэт винит Ешроковых, уже не одного Шумахо, а всю его семью, в отсутствии гостеприимства, в нерадушии к людям, в скряжничестве, словом – в забвении адыгского этикета, а это во времена Ш. Выкова считалось серьезным пороком, вызывающим всеобщее неуважение. Важно здесь не то, что Ешроковы «неуверенными шажками ходят», «оглядываются сове подобно», главный смеховой элемент – это то, почему они так себя ведут, почему они прячутся от людей, отчего боятся гостя – ведь так

* Баноко – балка, заросшая кустарниками.

поступают скупердяи или люди с нечистой совестью. Отсюда саркастичность Ш. Выкова.

Старики, знавшие Шугиба, рассказывали, что он не только импровизировал стихи, но сочинял и песни, однако до нас дошли произведения без сопровождавших их мелодий. Означает ли это, что он был неинтересным мелодистом? Вряд ли неинтересный песнетворец получил бы второй приз за песню в джегуаковской хасе-состязании, или едва ли охотники обращались бы к скучному мелодисту для поправки нескладного напева.¹⁶ Думается, что в данном случае следует говорить не о мелодическом даре Выкова, а о чем-то более серьезном, о процессе в истории культуры. Можно предположить, что в XIX веке, когда активно шло размежевание синкретизма песенной формы с вычленением поэтического текста, резко возрастает доля внемузыкальной поэзии в устном творчестве.

Из произведений, традиционно приписываемых Ш. Выкову, самыми интересными в поэтическом отношении и значительными по объему являются лирическое «Кетира» («КІэтГыр») и сюжетное «Клыками пашущий» («ПашЦэрьвэ»).¹⁷ Как и остальные, эти тоже смеховые.

У «Кетиры» есть своя история, хотя эта история не столь органична для самого стихотворения, как в случаях с импровизациями. Оно могло жить и быть понятным самостоятельно, вне ситуативного контекста. Такая автономность, на наш взгляд, указывает на структурную законченность произведения. Вот история этого стихотворения, как ее излагает А. М. Гукемух: «Выков Шугиб любил охоту. Кроме охотничьих собак, он имел и дворняжку по кличке Кетира. Собачка обычно всю ночь бегала по двору и лаяла непрестанно. Днем же носилась по всему Боташевскому аулу из дома в дом. На охоте она не могла принести никакой пользы, только вредила. Чтобы не брать ее с собой, Шугиб запирали ее и уезжал. Но, как правило, через два-три дня после отъезда охотники замечали рыжую «лисичку». Однако, когда люди приближались к ней, оказывалось, что это Кетира. Атажукинцы и боташевцы имели участок в степи Казыма, где они сеяли просо. Однажды и Кетира пошла туда с ними. Некто из того аула по имени Ахмед случайно убил собаку. По этому случаю Шугиб сложил стихи о своей собаке. Хозяин и Кетира, видимо, были привязаны друг к другу».¹⁸

Казалось бы, произведение должно было получиться грустным, но получилось нечто противоположное. Оно построено по традиционной величальной структуре со множеством похвальных образов, но с нарочито гыбзовым зачином.

*Эй хахай, хахай, Кетира!
Твою песню, на гриве коня рыдая, мы слагаем.
На охоту ходить, как свою душу, ты любишь,
Кто тебя увидит, тому ты мелким зверем кажешься,
С тобой не знакомых в Боташеве нет,
Твой хозяин удалой тебя считает,
Никого не видя, ты всю ночь лаешь.*

(Подстрочный перевод)

Однако величальная, апофеозная гыбза (плачевая песня) о дворняжке да еще с такой потешной кличкой (КІэтІырэ – вертихвостка) противостественна: стихотворение должно превратиться либо в аллегорию, подразумевающую общественные проблемы (как «Песня о шинджийском бугае»), либо в смеховое произведение. Поскольку оно не имеет социального подтекста, то, естественно, звучит как комическое, но в этом комизме подтекстно присутствует жалость к погибшей любимице.

Стихотворение Ш. Выкова строится с не совсем обычной для устной поэзии продуманностью: образ Кетиры дается в форме смены мотивов. Первоначально эти мотивы, возможно, были основой строфической структуры, в которой строфоформирующую роль играло повторение зачина. Однако строение это, видимо, подверглось некоторому естественному разрушению, перестановке строк. Сейчас трудно сказать, какова могла быть первичная последовательность стихов и строф: в каждой строфе можно встретить строки, относящиеся к разным мотивам, а кое-какие стихи, быть может, утрачены.

Итак, после высокого плачового и величального зачина включается мотив дворняжкой общности героини, его сменяет мотив неуничтожимости собачки, даже упрека в роковой невозможности от нее избавиться:

*На охоту ходить, как свою душу, ты любишь,
Лису увидишь – не догнав, отпускаешь,
Кто свою дверь откроет, к нему вбегаешь, проклинать заставляя,
С Енжидж-горы сваливаешься и не разбиваешься,
В безбродную [реку] падаешь, и ты не тонешь,
В ауле Кишии я тебя дарю, и никто тебя не берет,
Два волка тебя уносят и не пожирают,
[А] Ахмед скверный, у которого ты не сожрала никого, тебя убил,
Его последним трофеем пусть ты будешь!*

(Подстрочный перевод)

Интересно отметить, что каждый мотив в стихотворении Выкова развит с такой же подробной детализацией, как в приведенном отрывке, который печально завершается случайной гибелью Кетиры и проклятием в адрес убийцы. Трагическая нота сразу сменяется похвалой («Своим нравом добрым ты борзым равна, тебе равной нет среди дворняг...»), после нее неожиданно возникает еще другая печальная нота – мотив неотвратимой злой воли человека, лишаящего Кетиру радостей материнства:

*Ежегодно у дальнего стога ты щенишься,
А щенков всех Ехья скверный забирает,
Ты с воем по Боташеву бегаешь,
К невинному подбегаешь и придираешься,
[А щенят] на реку унес скверный Ехья свинобородый.*

(Подстрочный перевод)

Невольно вспоминается есенинская «Песнь о собаке», которая за-

ставила М. Горького прослезиться, потому что она – образ человеческого горя. У Ш. Выкова тоже просвечивает образ человеческой печали в мотивах гибели Кетиры и утопления ее щенят, однако в стихотворении, наряду с этой трагедией, большое, я сказал бы, подавляющее значение имеет юмористическая симпатия к собачке. Каждый из этих мотивов представляет самостоятельный стилиевой пласт, но они, сплавленные общим контекстом, обретают сложное единство настроения с ведущим добродушным юмором. Мы имеем здесь явно авторское отношение к предмету произведения, мы слышим именно шугибовский веселый смех, очень близкий к карнавному. Этому лично авторскому началу соответствует – даже подчеркивая это начало! – продуманность формы и структуры произведения: поэтическая речь, уже независимая от напева, обретает самостоятельную ритмическую организацию, более упорядоченную, более упругую, чем, скажем, ритмика песенного текста, зачастую перегруженная несмыслонесущими словами и слогами.

Поэтическая стилистика и язык соответствует этому. В ней большую роль играют традиционные элементы, обычные как в разговорной речи, так и в устной поэзии, но поэтические формулы и комплексы деталей, показывающие неуничтожимость Кетиры, в основном свежие, найденные.

Эти новшества – следствие прогресса авторского сознания. Лирика!

III

Смех – великая сила, он бодрит, веселит, улучшает здоровье, исправляет характер, а наши предки даже верили, что он исцеляет больного, повышает урожайность, плодovitость скота и людей... В праздничные дни нельзя было печалиться, грустить, быть унылым, хмурым, за это даже наказывали. Народ высоко ценил шутки, острое слово, юмор, смех.

Поэтому смеховое творчество Ш. Выкова обеспечивало ему любовь народа.

«Клыками пашущий» – едва ли не самое любимое произведение Шугиба. Это тоже лиро-эпическое стихотворение с комическим сюжетом о печальном приключении дикой свиньи и вепря: на тляходугейском просяном поле встретились самоуверенный вепрь и тощая дикая свинья с голодными поросятами, и дикий кабан приглашает их полакомиться богато уродившимся просом, но свинья боится ямы-ловушки, подстроенной хозяевами поля. Вепрь обещает вести их в обход ловушки, и стадо всю ночь пожирало просо, а еще больше истоптало, а в роковое утро сторож громовым выстрелом разогнал эту ораву, и семейство свиньи угодило в ловушку; вепря же люди загнали в бесланеевский аул, через который он нагло пытался удрать в лес, однако случайный кабардинец выстрелом убил его. Аульчане, ставшие свидетелями последнего эпизода, огорчились удаче пришлого.

При желании, конечно, можно истолковать эту фабулу как осуждение и наказание зверей, нанесших ущерб результату людского труда, под которыми автор якобы понимает человеческие отношения, как в «Жалобе нанятого вола» или в «Песне волка, попавшего в яму-ловушку».

Подобная трактовка, на мой взгляд, была бы перетолкованием интриги. Сюжет и текст стихотворения насыщены добродушным юмором и не содержат жалобы на ущерб, нанесенный зверями урожаю (есть только беспристрастное описание его); о приключениях героев поэт рассказывает подтрунивая, но и показывая, как вепрь удирал через аул, он насмешливо изображает его бесчинство, а главную шпильку приберет для бесланеевцев:

*...[На виду] негодующих созрукоевцев [вепрь] в лес удирал.
– Желтые собаки сильные хотя его треплют,
Мужей, могущих взять приклад ружья, нет! – сказав,
Единственный кабардинец явился, и он его убил.
– Как досадно!
Лучше бы, если всех нас, бесланейцев, он убил! –
Сказали и разошлись.*

(Подстрочный перевод)

Песнетворец спокойно рассказывал приключения вепря и свиньи, однако в самом конце вот так внезапно повернул сюжет: оказывается, история запретных и вредных зверей ему была нужна для осмеяния бесланейцев, к которым относится и род Выковых. Но этот насмешливый смех опять-таки необидный, незлобный: он сродни тому смеху, которым адыги ради веселья и забавы подшучивают над друзьями, родными.

Следует признать человеческую ценность развлекательно-смеховых сюжетов, если даже они не поднимают явно социальных и нравственных проблем.

Обращает внимание не только живописная образность и интонационное богатство поэтической речи, но и распространенность по всему тексту комплексов метафорически-выразительных формул, которые так характерны для «Кетиры». Они создают яркую картину предмета изображения. Именно таков якобы величальный зачин стихотворения:

*Уйй, Клыками Пашуций исполин,
На земле беспокойны твои ноги,
Противника свергают твои клыки,
Лошадиную лопатку твои челюсти вырывают,
С лающим на тебя в игры пускаешься...*

Величальный мотив в произведении более не встречается, но он противоречиво перекликается с юмористикой предфинального отрывка, где изображается мощное буйство вепря в ауле Созрукой куда его загнали сельчане, и это изображение подтекстно иронизирует над бесланейцами, и ирония в финале уже сразу выходит наружу:

*...Без труда [вепря] в аул загнали,
Стену белого дома он прорвал,
Их маслобойку вдребезги разбил,
Старушку на дрова бросил,
У их невестки ленту для волос отхватил,*

*У их девушки с ног башмаки сдернул,
[На виду] негодующего Созрукоя в лес удирает.*

(Подстрочный перевод)

Шугиб Выков настоящий художник слова, без этого качества поэты становятся неинтересными, скучными. Все сюжетно важные узлы интриги он считает нужным нарисовать, и все нарисованное им оказывается детально ярким, интересным и доходчивым. Вот как вебрь видит семейство свињи:

*...На твой хвост смотрю – он брызгалка,
На твой позвоночник смотрю – он выпирается,
Поросята твои понурые!..*

Вебрь уговорил это семейство полакомиться урожайным просом, и вот как Шугиб рисует беду, постигшую вредников:

*...Их хаджи злой на свиной охотник был:
Он коню буланому подруги подтянул,
За своим ружьем потянулся,
«Эй!» – крикнув, [стадо] погнал,
Словно гром, по ним ударил,
В яму роковую все чередой попадали,
У каждого поросенка [в ловушку] угодившего
Филеи в зените кружатся,
Их шейными позвонками галки-вороны лакомятся...*

(Подстрочный перевод)

Ш. Выков, как и следует поэту, любит поэтические обороты, использование слов и выражений в образном значении. Мы уже говорили об интересной иронии, гиперболе, аллегории. В последней замечательно разнообразие тропов: конь – *буланный*, яма – *роковая*; сравнение – *словно грома удар*. Само название произведения есть найденный самим автором вид метонимии: «Паш[эрывэ]» (Клыками пашущий) вместо «кхъуэп[ащэ]» (вебрь). В зачине три оборота, характеризующие отдельные черты героя: «На земле беспокойные твои ноги», «Противников свергают твои клыки», «Лошадиную лопатку твои челюсти вырывают» и одна метафора-находка: «С лающими на тебя в игры вступает».

В этом стихотворении автор показал себя отличным мастером диалога:

Вебрь:

– Эй, свиноматка!

На твой хвост смотрю – он брызгалка,

На твой позвоночник смотрю – он выпирается,

Поросята твои понурые!

Богатого урожая тляходугейского проса отчего себя лишаешь?

Свиноматка [дикая]:

– Того, что они съедят, мне жалко, думаешь,

*Но тляходугейцы яму роковую вырыли.
«Эй!» – крикнув, если нас погонят,
Боюсь, в ту сторону нам убежать придется.*

Вепрь:

*– Яма – что один очаг.
Что, если мы туда не побежим,
А низ плетня пробив,
Если я по одному вас уведу –
[Будет] мне заслуга?*

Свиноматка [дикая]:

*– Если кое-что съест нам поможешь – тебе заслуга,
Если с нами что-либо случится – твоя вина:
Да будет тебе к несчастью!
Да будет нам к счастью!*

(Подстрочный перевод)

Этот диалог – очень важный художественный прием в разбираемом произведении, выполняющий несколько задач: он разворачивает фабулу для ее обострения и завязку интриги, без которой дальнейшее действие невозможно; он обнаруживает характеры героев: у вепря обнажается черта жалостливости и желание помочь голодным, отощавшим братьям, он проявляет упорство и самоуверенность, жажду действия: у свиноматки, в противоположность вепрю, боязнь за себя и за детей: могут попасть в ловушку, но поддается на уговоры и решается на роковой шаг, приведший семейство к гибели; в диалоге проявляется синтаксические, формульные, лексические особенности речи каждой особи. Без такого своеобразия персонажи показались бы инкубаторными.

Оба стихотворения («Кетиру» и «Клыками пашущего») можно рассматривать в ряду песен о животных и деревьях – жанр, который становится продуктивным с XVIII века, превращаясь в форму раздумья о жизни. Правда, в произведениях Ш. Выкова трудно уловить социальные мотивы, но в известных песнях о шиджийском бугае, о воле, отданном в наем, о раздумьях дерева и др. ясно слышится голос протестующего человека, а в стихотворениях Шугиба звучит развлекательный смех. О подобных песнях Хан-Гирей восторженно отзываясь: «Есть <...> песни, большей частью мелкие, которые не имеют протяжного напева, но все-таки и сего рода песни требуют коротенького напева. Таковы, например, песни, в коих воспевают нравы птиц, зверей, быстроту рек и проч. Замечательны такого рода песни журавлей, свиней и рек, в особенности последняя: слушая эту небольшую песенку, удивляетесь кипящим в ней выражениям, точно пожожим на бурные потоки быстрины».¹⁹

Однако развлекательный смех не следует рассматривать как общественно бесполезный, никчемный. Не секрет, что человек не может обойтись без него. Известный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский писал: «...смех – это прежде всего проявление радости и веселья. Разве само по себе удовлетворение потребностей в радости и веселье – едва ли не са-

мой сильной и жизненно важной потребности человека – недостаточное оправдание для искусства смешить!»²⁰

Мы не знаем и, скорее всего, уже не узнаем, какие еще произведения создал один из талантливейших знатных поэтов уорк Ш. Выков. Надо думать, что его творчество не сводится к тем вещам, которые дошли до нашего времени. Но то, что сохранилось в памяти любителей устной поэзии, сохранилась благодаря их близости к народу. Поэт и песнетворец, певец и остролов Ш. Выков, как фольклорный творец, отличен от джегуако, во-первых, тем, что в его творчестве отсутствует скомороший элемент, он, по слову А. Н. Веселовского, не паясничает, не москолудит, как и Б. Пачев, как и Ц. Теучеж, и А. Хавпачев; во-вторых, тем еще, что в его поэзии произошел дальнейший распад синкретической песни, высвободивший поэтическое произведение (текст) от музыкальной мелодии (напева), а это обстоятельство создавало условие для самостоятельного и, следовательно, более интенсивного развития стихотворных форм – поэмы, лирических жанров, в сторону новой, литературной эстетики и поэтики.

Литература

¹ Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927. С. 80.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 116.

³ Арх. КБИГИ, ф. 12, оп. 1, д. 165, пасп. 12. Также: Налоев З. М. Смеховая поэзия адыгских знатных песнетворцев // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. V. Майкоп, 1983. С. 43.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 273.

⁵ Первая волна переселений – 1858–1965: Кумыков Т. Х. К вопросу о переселении адыгов в Турцию // УЗ КБГУ. Вып. 43. Нальчик, 1971. С. 12.

⁶ Арх. КБИГИ, ф. 12, оп. 1, д. 273.

⁷ Там же.

⁸ Там же, д. 165, пасп. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 273, пасп. 3.

¹¹ Налоев З. М. Смеховая поэзия адыгских знатных песнетворцев. С. 44–46.

¹² Арх. КБИГИ, ф. 12, оп. 1, д. 273. Также: ГьукIэмьху Аубэчыр. Выххэ Шухьиб // Гуашхэмахуэ. 1974. № 1. С. 102–104. Все сведения о Ш. Выкове и его произведениях, которыми мы пользуемся, записаны Гукемухом А. М.

¹³ Там же.

¹⁴ Налоев З. М. Смеховая поэзия адыгских знатных песнетворцев. С. 48.

¹⁵ Арх. КБИГИ, д. 273, пасп. 2.

¹⁶ Там же, пасп. 23; также: Иашхэмахуэ. 1974. № 1. С. 102.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГьукIэмьху Аубэчыр. Выххэ Шухьиб. С. 103.

¹⁹ Хан-Гирей. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 129.

²⁰ Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 37. 1978. № 2. С. 153.

Марат ЗИЗАЕВ

ПАРЯЩАЯ ДУША...

«Соттаев – это лихой стройный джигит, как бы слетевший на сцену с вершины белой горы, легкостью движений и темпераментом заставляющий зал затанцевать дыхание... Он удивил нас еще тем, что сумел плясать лезгинку, да еще и повторять, выходя на вызовы, – при остром приступе аппендицита. На такое способен не всякий. Эти замечательные артисты, выдающиеся мастера танца заслуживают высокой оценки и глубокого уважения».

К. Кулиев «Мир дому твоему» / «Кабардино-Балкарская правда», 1966 г.

Каншау Соттаев родился в 1935 году в селении Лашкута Эльбрусского района. Ему было 8 лет и он учился в первом классе, когда пришло известие о выселении балкарцев. Мать Каншау, Айшат, была кабардинкой. Дед по отцовской линии Езюмек-хаджи накануне выселения настоятельно попросил ее с детьми – а их было трое: Каншау, Фатимат и Ахмат – спрятаться у своих родственников в Заюково. В ту же ночь Айшат собрала вещи и отправилась в путь. На улицах уже стояли солдаты и никого не выпускали. С большим трудом им удалось покинуть селение и отправиться в Заюково к кабардинским родственникам. Там их поселили в небольшом деревянном домике. Дети слова не знали по-кабардински, и поэтому они редко выходили на улицу, чтобы не начались разговоры о том, что у них в селе прячутся дети балкарцев. Просидев 3 года дома, дети подучили кабардинский язык, но при этом позабыли свой родной. Они начали ходить в сельскую школу, где Каншау отучился 7 классов. В последние годы обучения юному Каншау пришлось устроиться почтальоном в районное отделение связи, так как уже в этом возрасте он понимал, что его мать нуждается в поддержке и ей трудно одной содержать семью. К тому моменту, взяв фамилию матери, они стали числиться кабардинцами. И он стал – Шомахов Каншау Хаждаутович, национальность – кабардинец.

После окончания школы председатель колхоза предложил ему работу сапожника. Каншау выдали справку о том, что он окончил 7 классов, и отправили в Баксан на обучение сапожному делу. По окончании курсов он вернулся в Заюково и устроился по специальности в организацию, где его сестра занималась пошивом одежды. Работая там, парню удалось

*Каншау Хаждаутович
Соттаев*

Народный артист КБР, художественный руководитель ансамблей народного танца «Элия» и «Асса».

собрать деньги, на которые они смогли купить новый дом. Затем он начал собирать деньги, чтобы отправиться к отцу, который находился в ссылке 10 лет на Урале, а после освобождения его отправили в Казахстан к его родным. Дома, конечно, были против, так как переживали за него, но Каншау настоял на своем.

Родные Каншау находились в небольшом городке в восьми километрах от Джамбула в Казахстане. Отец с родными очень обрадовались приезду сына, и сыграли большой «той». Тогда и побывал первый раз Каншау на балкарском «тое». Проведя там несколько дней, он твердо решил, что не уедет, пока не освободит отца. Один из братьев помог ему устроиться учеником на сахарный завод. На работе Каншау называли Николаем, так как мало кто мог правильно произносить его имя. Устроившись слесарем, он получил 5-й разряд. Потом он обучился делу сварщика, где получил 4-й разряд. За хорошую работу его награждали, и он мог присылать матери ежемесячно по 10 кг сахара. Вскоре трудолюбивый Каншау подружился с начальником паспортного стола, который предложил ему поставить печать в паспорт отца, чтобы сделать его тем самым свободным гражданином.

Был уже 56-й год, когда сын привез своего отца на Родину. Воссоединившаяся вновь семья осталась жить в Заюково. После приезда Каншау получил права и устроился в колхоз помощником шофера. Начальство колхоза предложило желающим из молодежи отправиться на целину и там продолжать работу по специальности. Каншау направили помощником комбайнера. За трехмесячный усердный труд на целине его наградили почетной грамотой и двумя тоннами муки высшего сорта. Вернувшись домой с наградой, он поделился с соседями по улице. Спустя некоторое

время он приезжает в Нальчик в поисках работы и устраивается на стройку. Как работнику строительного управления ему выдали квартиру в общежитии.

Однажды к нему в гости приехал близкий родственник Мухадин Хаджиев, который тогда танцевал в «Ансамбле песни и пляски». Он предложил Каншау сходить с ним на репетицию. В то время республика уже начала готовиться к 400-летию присоединения Кабарды к России, и в ансамбль набирали молодежь для массовки на концерте в Москве. Художественный руководитель Гальперин и директор ансамбля Мидов, увидев стройного Каншау, предложили ему попробовать станцевать на сцене и показать им, что он умеет. До этого Кан-

шау танцевал только на кабардинских свадьбах, где он и овладел навыками национальных танцев. В пару Каншау поставили Зою Лапченко... Именно она первой в нашей республике научилась танцевать на пальцах. И кто бы мог тогда подумать, что судьба Каншау сложится так, что в 1959 году он возьмет ее в жены! Его умение танцевать настолько всем понравилось, что Мидов предложил ему работу в ансамбле, пообещав, что будет ему платить больше, чем остальным из новичков. Каншау не знал, что ответить, ведь в его планы не входила карьера танцора, да и с работы его тоже не отпустили бы. Но ему удалось уйти с работы, и в начале 57-го года он пришел в «Ансамбль песни и пляски». К набранной молодежи в ансамбле относились очень строго, и в конце каждой недели отсеивали тех, кто не соответствовал требованиям. Когда пришло время ехать на концерт в Москву, из республики поехало 400 человек. Концерт, посвященный присоединению Кабарды к России, проходил в Большом театре, где среди гостей были Хрущев, Жуков и Фурцева. Концерт прошел весьма успешно. Вернувшись домой, в ансамбле остались немногие, среди них был и Каншау. Спустя несколько месяцев пришла телеграмма с приглашением на VI Всемирный фестиваль на шесть пар, который должен был состояться в Москве. Для участия в фестивале надо было пройти несколько этапов. С Кавказа, помимо нашего ансамбля, прошли осетины и грузины. Потом все участвовали на Всесоюзном фестивале, где грузины получили золото, а мы – серебро. Всемирный фестиваль проходил в Колонном зале. В жюри сидели представители многих стран, многие знаменитые люди, в том числе Моисеев и Уланова. «Ансамбль песни и пляски» танцевал два танца «Кафа» и «Танец чабанов». Сцена была большой, а пар было всего шесть. На Всемирном фестивале наши получили золото. И всех наших танцоров, участвовавших в фестивале, наградили денежной премией.

С ле ва на пра во четвертый Мутай Ульбашев, в центре Хашир Дашуев, далее Соня Шериева, Каншау Соттаев, Зоя Соттаева (Лапченко)

После того как балкарцы начали возвращаться на родину, Адельгерия Соттаева назначали заместителем министра культуры. И они с Каншау решили восстановить его фамилию и национальность в паспорте. С помощью суда им удалось доказать, что фамилию Шомахов Каншау получил ошибочно во время выселения. Конечно, многим это было удивительно, так как все его знали как выдающегося танцора Шомахова Каншау. Но вскоре привыкли и к его восстановленной фамилии.

К 1976 году у Каншау был за плечами уже 20-летний стаж работы в ансамбле, который к тому времени получил название «Кабардинка», и он ушел на пенсию. Дальше он продолжил свою работу в кружках самодеятельности. Если задаться вопросом: «Чем он отличается от других балетмейстеров?», то можно с уверенностью ответить, что «рисунки» поставленных им танцев эксклюзивны, никем до него не придуманы.

Из воспоминаний Каншау: «Первой моей самодеятельностью был ансамбль в 8-м училище. Потом я руководил ансамблем в обществе слепых, там проработал 12 лет. По Кавказу в то время мы давали много концертов, и все удивлялись, говоря, что столько лет на тот момент никто не проработал с ними. Помню еще ансамбль политехнического техникума, который на фестивале в Ростове занял 1-е место. Также мне запомнился ансамбль детского сада № 65. Там танцевали дети дошкольного возраста. Этому ансамблю мы дали название «Налькут». Их умение танцевать настолько всем нравилось, что их пригласили в Москву на детский фестиваль «Веселая нотка», где они были единственными участниками с Кавказа и заняли первое место».

В 1993 году Каншау организовал ансамбль народного танца «Элия». В середине 90-х под его руководство попал ансамбль «Асса», и на сегодняшний день он является художественным руководителем этих коллективов, которые обладают почетными званиями – соответственно – «Образцовый ансамбль народного танца КБР» и «Образцовый ансамбль народного танца РФ и КБР».

Помимо всех вышеназванных, Каншау руководил многими другими ансамблями. Его достижения отмечены почетными грамотами в качестве благодарности, как от руководства нашей республики, так и от Ростовского областного комитета, Дагестанской и Украинской АССР.

Альберт Анноев, Заслуженный артист КБР и Республики Ингушетия:

– Уже 15 лет, как я работаю вместе с Каншау. Сейчас мы с ним ведем руководство двух коллективов: «Асса» и Элия». В этом году его поздравляют с юбилеем, и я тоже присоединяюсь к поздравлениям с пожеланием, чтобы он еще долгие годы находился рядом с нами и радовал нас. Благодаря таким людям, как Каншау, танцы нашего народа никогда не будут забыты и утеряны. Каншау, дай Аллах, чтобы ты еще многие годы радовал нас своими творческими успехами!

Ахмат Кудиев, солист ГФЭАТ «Балкария»:

– Каншау – это мой первый учитель. Это тот человек, который дал

первые две ступени моего умения танцевать. Он выпустил меня на сцену, помог мне раскрыться, как танцору. Я ему от всей души благодарен! Также я хочу подчеркнуть индивидуальность его мастерства. Очень многие руководители ансамблей смотрят и пытаются повторять за профессиональными коллективами, а у Каншау свой стиль. Он никогда ни за кем не повторяет, и это сразу видно. Я хочу пожелать ему огромного здоровья, чтобы он еще долго мог учить детей, передавая свое мастерство подрастающему поколению!

***Джамбулат Гороев**, Заслуженный артист КЧР и Республики Ингушетия, солист ГФЭАТ «Балкария»:*

– Каншау Соттаев – это великий маэстро. Он выдающийся балетмейстер и замечательный руководитель. На протяжении того времени, что мы работаем вместе, я очень многому у него научился. Желаю ему крепкого здоровья, и чтобы его творческий успех оставался всегда на высшем уровне!

***Элина Долова**, артистка балета ГФЭАТ «Балкария»:*

– У Каншау я протанцевала несколько лет в коллективе «Асса». Как о руководителе я могу сказать, что он дает очень хорошую базовую школу, за что я ему и выражаю огромную благодарность. Как о человеке – он очень хороший и добрый. Как о педагоге – он очень интересно работает с детьми, так как мы всегда с нетерпением ждали репетиций. Желаю ему здоровья, благополучия, а также чтобы он мог еще долго руководить своими ансамблями и добиваться творческих успехов!

***Заур Марышев**, руководитель ансамбля танца «Нальчанка»:*

– Каншау Соттаева я знаю с 1963 года, когда я поступил в «Ансамбль песни и пляски». В то время он уже был состоявшимся танцором и солистом ансамбля. И впоследствии, конечно же, он был нашим старшим товарищем, он помогал нам во всем и везде: и на гастролях, и на базе. Для нас Каншау всегда был примером для подражания. Мы с ним вместе проработали почти 20 лет. Здоровья ему, благополучия, чтобы он смог отпраздновать и 90-летний, и 100-летний юбилей!

***Рамазан Аскеров**, артист балета ГФЭАТ «Балкария», Заслуженный артист Республики Ингушетия:*

– Про Каншау я могу сказать, что это очень порядочный человек, трудоголик, и работе отдает всего себя, не жалея сил. Он один из первых моих учителей. Я ему благодарен за то терпение, за ту работу, которую он тогда проделал. Он очень требовательный, и поэтому многим на первый взгляд он может показаться злым, но на самом деле Каншау – очень добрый человек. Если он ругает кого-то во время репетиции, то только потому, что он хочет, чтобы этот человек добился успехов. То, что он хороший друг, не вызывает сомнений, и все, кто его знают, это подтвердят. Он мой старший друг, мой учитель. Я ему желаю в дальнейшем крепкого здоровья, и достижения всех своих целей!

Хасан Кудиев, художественный руководитель ГФЭАТ «Балкария», Заслуженный артист КБР и Заслуженный деятель культуры Республики Ингушетия:

Говоря про Каншау, можно без преувеличения сказать, что, обойдя всю республику, не найти человека, который смог бы сказать что-то плохое про него. Так как он прожил такую жизнь красивую, что о нем можно говорить только красивые вещи. Я, как человек, работавший в коллективе «Асса», могу сказать, что он очень интересный, у него необычайная способность завладеть людьми, расположить себя к людям. От него всегда веет добром. Его всегда очень любили и любят дети, так как с ним очень интересно работать. Я не знаю, на каком языке он с ними общался, вроде и на русском, но дети его понимали намного лучше. Он хороший педагог, многие его ученики сейчас работают в профессиональных коллективах. Желаю Каншау, чтобы он мог еще многие годы, не теряя свою школу танцев, радовать нас, руководителей профессиональных коллективов, выпуская талантливых танцоров. Так как в профессиональных коллективах никогда не будет трудно работать с его учениками. Дай Аллах, чтобы его всегда помнили как хорошего друга, педагога и просто замечательного человека, потому что на него можно всегда положиться и в работе, и в жизни!

Соня Шериева, первая солистка ГААТ «Кабардинка»:

Каншау – очень хороший друг. Он был надежным партнером, когда мы танцевали в ансамбле. Я знала его жену Зою Ивановну, они оба были весьма талантливыми танцорами, у них была настоящая артистическая семья. Я желаю ему оставаться честным тружеником, не стареть и добиваться больших творческих успехов! (К этим пожеланиям присоединилась дочь Сони, Валя Шериева, которая с гордостью сказала, что Каншау для нее всегда был эталоном мужской красоты.)

Фатима ДУДАРОВА**Исключить операцию не всегда возможно**

После окончания медицинского факультета КБГУ вот уже в течение 18 лет Элеонора Камильевна Азаматова работает врачом-отоларингологом МУЗ «Детской поликлиники № 2» г. Нальчика, является врачом высшей квалификационной категории. В своей работе она применяет все новейшие методики лечения заболеваний ЛОР-органов с учетом индивидуальных особенностей детского организма. Азаматова активно занимается научной работой. Она повышает свою квалификацию по различным вопросам отоларингологии и участвует в работе конференций, симпозиумов, съездов отоларингологов в Москве, Санкт-Петербурге и других городах Российской Федерации.

Азаматова является председателем регионального отделения «Северо-Кавказское» Российской общественной академии «Голос». Как фониатр, она работает в лечебно-диагностическом центре «Медиум», проводит лечение и профилактику заболеваний голосового аппарата. Тесно сотрудничает с Северо-Кавказским государственным институтом искусств и школой искусств.

– Для профилактики простудных заболеваний необходимо закаливание...

– Совершенно верно. Конечно же, закаливание организма нужно проводить с детства. Но если вы решили этим заняться в более зрелом возрасте – не беда. Специфическое закаливание детей проводим в поликлинике, где для этого созданы все условия. Активно применяем фитотерапию, в течение месяца с постепенным снижением температуры, начинаем с +32° С и доводим до +10° С, чередуем отвары лечебных трав: зверобой, лист грецкого ореха, лист черной смородины, лист подорожника... Позже даются рекомендации – рассасывать кубики льда из замороженного меда или фруктового сока, обливания водой, температура которой +18 – +15° С, ежедневно, независимо от времени года, и эффект от полученного закаливания будет налицо. Те, кто не ел мороженого никогда из-за страха заболеть ангиной и выполняет наши рекомендации, едят его даже зимой. Насчет закаливания взрослым даю рекомендации в «Медиуме».

– Почему Вы решили применять фитотерапию при лечении и профилактике ЛОР-заболеваний?

– В поликлинику, бывает, обращаются родители с часто болеющими детьми, получающими большое количество антибиотиков, поэтому в качестве альтернативы в 1991 году попыталась обратиться к фитотерапии. Попытка оказалась удачной.

У меня были очень хорошие учителя, у которых проходила интернатуру, – заведующая курсом ЛОР-болезней медфака КБГУ Мариэтта Абдуловна Хлечас, заведующий ЛОР-отделением РДКБ Арсен Исхакович Урусов, заведующий ЛОР-отделением РКБ Асланби Хасанович Ошноков. Они научили меня тонкостям профессии, индивидуальному подходу к каждому больному.

Первый случай излечения с помощью фитотерапии был связан с четырехлетним ребенком, которому должны были удалить миндалины и аденоиды. Но, в силу его особенностей характера, мать не давала согласия на операцию. В поликлинике ему был проведен курс лечения и закаливания носоглотки. Аденоиды и миндалины на одну степень уменьшились, операция была отложена. Пока не подрос, этот мальчик каждые полгода проходил у нас профилактическое лечение. Конечно же, исключить операцию не всегда возможно, бывает, что она не терпит отлагательств.

Особенно фитотерапия эффективна при лечении часто болеющих детей, также страдающих холодовой аллергией. Профилактику болезней надо проводить в весенне-осенний период. Также следует учитывать то, что и на травы тоже возможна аллергия.

– Нашим читателям Вы можете рекомендовать пользоваться широко рекламируемым «Долфином»?

– Отношусь положительно, но показания должен определить врач. При гнойных выделениях из носа им пользоваться не рекомендуется, так как могут быть осложнения – гайморит, отит.

– Элеонора Камильевна, Вы еще являетесь специалистом в области фониатрии. Вы не могли бы рассказать поподробнее о том, что это за область медицины?

– Предметом изучения фониатрии являются физиология голосового аппарата, лечение и предупреждение его заболеваний. Как фониатр, работаю с начала этого года в ЛДЦ «Медиум». Там созданы условия для фониатрического лечения, ко мне обращаются люди с нарушениями голоса при эндокринных заболеваниях, после травм (парезы, параличи голосовых складок), с заболеваниями нейрогенного характера.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашем сотрудничестве с творческими людьми, использующими в своей работе голосовой аппарат.

– Дело в том, что в свое время я закончила музыкальную школу по классу фортепиано, учась в университете, принимала участие в художественной самодеятельности, танцевала в «Кафе», поэтому мне интересно работать с творческими людьми.

Ко мне обращаются многие профессиональные вокалисты. Также если у педагогов, преподающих вокал, возникает подозрение, что у того или иного учащегося воспаление голосовых складок, они его направляют

ко мне, а я даю свои рекомендации. Дело в том, что если воспаление не вылечить, оно приобретет хроническую форму, и человек может навсегда потерять певческий голос. На голосовой аппарат не в лучшей степени влияет наш сырой климат, также если не соблюдается его гигиена, а именно дается большая нагрузка на голосовой аппарат, исполняются певцами произведения, не подходящие для их голоса, в результате они теряют его.

– Расскажите, пожалуйста, о работе регионального отделения «Северо-Кавказское» Российской общественной академии «Голос», председателем которого Вы являетесь.

– Академия организована в этом году, ее членами являются фониатры, вокальные и речевые педагоги Российской Федерации. Она занимается содействием совершенствованию системы образования лиц вокально-речевых профессий, помогает устанавливать междисциплинарное общение специалистов, чья деятельность тем или иным образом связана с голосом, способствует повышению качества оказания медицинской помощи больным с нарушениями голоса и речи, а также решает другие вопросы. Российская общественная академия «Голос» организует и проводит симпозиумы, конференции, семинары, на которых обсуждаются все наболевшие вопросы, конкурсы молодых певцов, чтецов, актерского мастерства, мастер-классы.

Заурбек Жилиясов

**БАШИР
ТАТРОКОВ —
ПРИЗЕР
ЧЕМПИОНАТА
ЯПОНИИ
ПО КАРАТЭ**

Башир Татроков

На состоявшемся в начале ноября открытом чемпионате Японии по каратэ-кекусинкай наш земляк мастер спорта Башир Татроков завоевал бронзовую медаль, одолев на пути к этому всех противостоящих японских спортсменов и уступив лишь в полуфинале своему соотечественнику.

Как известно, родиной каратэ является Япония. Естественно, к этому виду спорта в этой стране трепетное отношение и соревнования проводятся с особым накалом. Важнейшим из них считается открытый чемпионат Японии, куда кроме своих сильнейших спортсменов приглашают лучших каратистов мира.

В этом году предстояло выявить абсолютного чемпиона Японии. Примечательно, что в подобных соревнованиях спортсмены не рассеиваются по весовым категориям. Неважно, каков вес каратиста, главное – его бойцовские качества.

В первом же бою Баширу Татрокову пришлось испытать на себе все прелести абсолютного первенства. В соперники 82-килограммовому нашему каратисту в первом же поединке жребий выбрал японского спортсмена, вес которого на треть превышал его собственный.

– Два года назад я впервые принимал участие на открытом чемпионате Японии. Тогда сказалось отсутствие опыта, и особых успехов достичь не удалось, – рассказывает Башир. – Но мы время зря не теряли и со своими тренерами Аскером Зрумовым и Тимуром Гасташевым разработали стратегию подготовки, которая принесла хорошие результаты.

В подобных соревнованиях японцы в первых поединках выставляют против иностранцев своих «вышибал». Их главная задача – нанести травму сопернику или выбить его из колен, чтобы затем другие соотечественники легче расправлялись бы с ними. Тренер Татрокова Тимур Гасташев, который успешно принимал участие в предыдущих открытых чемпионатах Японии (четвертое место), прекрасно знал об этом и настроил своего подопечного на яростную борьбу с первых же минут. В результате все три поединка завершились за явным преимуществом Башира.

А в полуфинале предстоял бой с Сулиманом Косумовым из Чеченской Республики.

– Мы с Сулиманом друзья, уже несколько лет подряд вместе защищаем честь страны в сборной Российской Федерации, – делится своими впечатлениями Татроков. – Поэтому, естественно, мы не хотели драться друг с другом. Однако регламент соревнований не допускал подобного, и мы вынуждены были сойтись на ринге. Пришлось изображать ожесточенный бой, иначе, нас обоих дисквалифицировали бы. В итоге, судьи решили, что Косумов был активнее и присудили ему победу, а заодно и путевку в финал.

В борьбе за третье место Башир Татроков был лучше японского каратиста, одержав очередную досрочную победу. А спортсмен из Чечни уступил в финале.

Не будучи японцем, завоевать медали на открытом чемпионате Японии по каратэ почти невозможно. Для этого необходимо очевидное и неоспоримое превосходство над соперниками, что и продемонстрировал наш земляк, чемпион России Башир Татроков. Но это не предел для 23-летнего каратиста из Кабардино-Балкарии. Уже сейчас он тщательно готовится к соревнованиям в Испании, а следом и к Кубку мира.

Башир не только перспективный и уже в полный голос заявивший о себе спортсмен. Он недавно с отличием окончил отделение промышленно-гражданского строительства Кабардино-Балкарского госуниверситета. Кстати, Башир сын известного радиожурналиста Астемира Татрокова. Надеемся, что мы еще не раз услышим о его высоких достижениях, и не только в спорте.

Такими парнями можно гордиться

Мамхегов Хачим Хасанович родился 22 сентября 1975 года в с. Куба, Баксанского района, КБР. Образование – высшее юридическое, 3 курс – Академия спортивных единоборств в РГУФКС и Т (ГЦОЛИФКМС и Т) г. Москва. В 1993 году, после окончания средней школы с. Куба, он был призван в Вооруженные силы РФ. Служил в Воздушно-десантных войсках. Является парашютистом-отличником, обладателем крапового берета.

Хачим Хасанович – руководитель регионального отделения общероссийской федерации рукопашного боя и клуба Ушу-Саньда. Имеет шесть филиалов по республике, где тренируется около 800 динамовцев. Он является тренером высшей категории Республиканской Комплексной Детско-юношеской школы, главным тренером сборной республики по рукопашному бою и Ушу-Саньда. За высокие спортивные достижения в области боевых единоборств Российский Союз Боевых искусств (РСТИ) присвоил Мамхегову Хачиму Хасановичу в 2009 году в городе Москве звание «Мастер боевых искусств».

Мастер спорта международного класса по русскому рукопашному бою (боевой спорт) (Москва, 2007), мастер спорта России по Ушу-Саньда (Москва, 2008), мастер спорта России по Армейскому рукопашному бою (Пермь, 2003), кандидат мастера спорта по стрельбе из пистолета (Уфа).

В ноябре 2003 года в г. Ессентуки на открытом кубке СНГ по универсальному каратэ занял I место. В марте 2004 года в г. Пятигорске стал победителем на чемпионате ЮФО по армейскому рукопашному бою. В мае 2004 года в г. Санкт-Петербурге стал победителем открытого чемпионата СНГ по универсальному каратэ.

В марте–мае 2004 года в г. Сочи победил на 6-м чемпионате России по армейскому рукопашному бою. Трое его воспитанников, членов ФСО «Динамо» также завоевали первые места в своих весовых категориях.

В общекомандном зачете команда, возглавляемая Хачимом Мамхеговым, заняла I место. В апреле 2005 года в г. Краснодаре стал победителем конкурса профессионального мастерства по рукопашному бою. В январе 2007 года в г. Москве на Международном турнире, посвященном памяти В. В. Воробьева, занял I место по рукопашному бою в своей весовой категории.

Дина ДАЛЬСКАЯ

Мне посчастливилось выйти оттуда родом

Давным-давно в селение Жанхотово (ныне Псыгансу) переехал из лесной поляны урочища Маргуш Увжуко Аксиров. Как рассказывают старожилы, он обладал огромной физической силой и незаурядным умом, пользовался заслуженным уважением односельчан, которые прозвали его Акъсырэжь.

У него был сын Бекмурза. Однажды он возвращался с охоты, как всегда, любовался природой. Был жаркий день. Люди работали в поле. К нему вела дорога, по которой, как всегда, тянулись подводы, груженные бочками с живительной влагой. Глядя на это, Бекмурза подумал: «Как неудобно. Вот если бы вода из реки протекала через поле». И тут его осенило – прорыть канал посреди псыгансуевских и старочерекских земель.

Задавшись благородной целью, Бекмурза, слывший чудачком, весь год – изо дня в день – неустанно работал: копал землю лопатой. Надо отдать должное Бекмурзе, у него была очень развита инженерная интуиция. Учитывая направление потока реки, он сумел сделать так, что, вопреки силе земного притяжения, вода по каналу стала течь вверх. Бекмурза прорыл русло будущей реки до середины села, а потом и до самого Майского.

В наши дни названный в честь дальновидного Бекмурзы знаменитый канал «Акъсырэ», берущий начало в верхней части села Псыгансу, протекает по Урванскому и Майскому районам. Им пользуются люди вот уже более ста лет. Тысячи гектаров земли они орошают водой из этого канала, и значение его переоценить невозможно. Еще на речке Бекмурза построил две мельницы. Вырастил он и сад. В лесу на дичку Бекмурза прививал черенки культурных яблонь и груш. Когда его спрашивали, зачем он это делает, Бекмурза отвечал: «Людям достанется». Этот сад существует до сих пор, и псыгансуевцы называют его «Большим Аксировским».

Почти до ста лет дожил Бекмурза. Также он был хлебопашцем и скотоводом, приумножал хозяйство, доставшееся ему от отца. Один из сыновей Бекмурзы, Али, продолжил его дело. Кроме того, что он вел успешную торговлю, он вместе с женой бережно ухаживал за садом, посаженным отцом. Когда настало время репрессий, Али был объявлен врагом народа, и в новогоднюю ночь с 14 на 15 января 1937 года его расстреляли за «контрреволюционную деятельность». Через год при невыясненных обстоятельствах умерла мать Ляля, пятеро детей остались сиротами. И, несмотря на тяжелую участь, все они выросли достойными людьми.

В полной мере творческое начало своего прадеда Увжуко, но уже в области искусства унаследовали Залимхан, которого называли «наш Фица», и Муаед. После окончания десятилетки способного юношу Залим-

хана Аксирова, обладавшего живым умом, оставили учителем в родной школе, позже разносторонние таланты позволили ему стать студентом Литературного института им. М. Горького.

Возвратившись в родную республику, он много занимался этнографией, участвовал в экспедициях по сбору текстов адыгского народного эпоса, был актером Кабардино-Балкарского госдрамтеатра им. А. Шогенцукова, работал на радио и телевидении, сотрудничал с редакциями республиканских газет.

Любовь к театру предопределила его выбор литературного жанра драматургии. И в этом ему помог собранный им богатый фольклорный и этнографический материал. Залимхан Аксиров написал пьесы на исторические темы: «Андемиркан», «Кызбурун», «Дорогой обреченных», «С восходом солнца» и многие другие. А спектакль «Даханаго» неоднократно ставили во многих театрах СССР, также он был показан в Лондонском Королевском театре, получил высокую оценку королевы Великобритании и сделал его автора всемирно известным драматургом. Произведение «ИстамбылакIуэ» – одно из первых произведений адыгской литературы, приоткрывшее завесу с трагических страниц истории, его создание в то время было большим подвигом. Также свыше 10 книг драматических произведений заслуженного деятеля искусств КБР Муаеда Аксирова вышли в книжном издательстве «Эльбрус».

Залимхан Аксиров внес большой вклад в становление и развитие кабардинской драматургии и национального театра, его произведения вошли в золотой фонд культуры Кабардино-Балкарии.

Муаед Аксиров, младший сын Али – первый кабардинский художник-живописец, получивший профессиональное образование. Он закон-

С л е в а н а п р а в о: Виктория Аксирова, Лев Бюль, Амир Аксиров, Кларисс Бросар, Михаил Аксиров, Тамара Аксирова, Муаед Аксиров.

чил одно из лучших учебных заведений Советского Союза Саратовское художественное училище. В его творчестве нашли отражение важные вехи истории родной республики, но при этом оно органично входит в художественную культуру не только Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа, но и всей Российской Федерации. Исключительный талант Муаеда Аксирова делает его художником на все времена, его живописные полотна часто экспонируются в Кабардино-Балкарии, республиках и краях Южного Федерального округа, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Он стоял у истоков создания Союза художников КБР, успешно возглавлял его несколько лет, является заслуженным художником КБР, членом ТСХ России.

Единственный сын Муаеда Алиевича Михаил – тоже художник, ему недавно присвоено звание «Заслуженного художника России», он является председателем Творческого союза художников КБР и член ТСХ РФ, лауреат ассоциации «Искусство народов мира» за большой вклад в развитие изобразительного искусства, лауреат Международной премии «Артиада России», лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарской республики за достижения в области искусства.

Художественное образование Михаил получил в Карачаево-Черкесии. Михаил Аксиров абсолютно европейский художник, глядя на его талантливые живописные работы, которые экспонируются во многих регионах РФ, за рубежом, и востребованы, невозможно определить, что он родился, вырос и живет в одной из республик Северного Кавказа. Жена Михаила Аксирова Виктория, художник-прикладник, член ТСХ, преподаватель художественно-графического отделения Педагогического колледжа КБГУ, создает замечательные гобелены, которые демонстрируются на различных выставках и фестивалях. Виктория является летописцем и архивистом творчества свекра и мужа. Она – дочь известного ставропольского художника-реставратора, члена Творческого союза художников РФ Льва Николаевича Бюльля. Несмотря на свои 84 года, он продолжает работать в ГУК «Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве».

Дочь Виктории и Михаила Аксировых Тамара закончила факультет мировой художественной культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, но «гены одержали верх», и она тоже стала художницей. Тамара член ТСХ РФ, член Российской ассоциации искусствоведов и критиков «АИС», дипломант II Международного фестиваля современного искусства в Калининграде. Можно, сказать, что она выросла в мастерской деда и отца, как человек и как художник. «Именно здесь, – пишет Тамара, – когда-то в детстве они научили меня уважать неприкосновенность чужого смысла. Я выхожу из мастерской, слушая музыку, которая цвет, оставляю за спиной двери, которые открыты немногим. Я выхожу оттуда, куда приходят особенные. Мне посчастливилось выйти оттуда родом...»

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО В ИСКУССТВЕ

Вот уже девять лет Хызыр Теппеев живет и работает в Турции. Разговор с известным художником мы начали традиционно: как Вы пришли в профессию?

– Мне неоднократно задавали этот вопрос, и отвечал я на него по-разному. Как-то сказал, что еще в первом классе влюбился в девочку и стал ее рисовать. На самом деле впечатления от изобразительного искусства, конечно, связаны с детством. Я родился и вырос в Кенделене, и там столкнулся с наскальной живописью. Это, наверно, и послужило первым толчком. Помню, как однажды нашел танк, вырезанный из сланца. Таких сильных впечатлений от искусства в

дальнейшем я почти не испытывал. Мой отец работал в газете, и у нас в доме была большая библиотека. Рассматривая иллюстрации, я погружался в совершенно иной, ирреальный мир. После того как наша семья переехала в Нальчик, стал ходить в кружок при Доме пионеров, которым руководил Андрей Лукич Ткаченко. Это был большой подвижник. Он обладал уникальной способностью привить любовь к искусству, создать определенную атмосферу. В кружке был особый дух, свободный от всяких условностей и рамок.

– Как Вы попали в Ленинград?

– Это целая история. Наша семья была достаточно консервативной. Родители поощряли мое увлечение, но далеко отпускать не хотели. Какое-то очень продолжительное время я учился в Махачкале, потом под видом экскурсии поехал в Ленинград. Успешно сдал экзамены в Среднюю художественную школу при Академии художеств и только после этого сообщил родителям. В СХШ царил «лицейский дух» – спорить с преподавателями считалось в порядке вещей, и, надо отдать должное, они относились к нам снисходительно. В школе я проучился три года, после чего поступил в Академию художеств. Это один из немногих вузов в нашей стране, который до сих пор сохранил традиции старой школы.

– Вы считаете, художнику необходимо академическое образование вне зависимости от того, в какой манере он станет работать в дальнейшем?

– Я в этом абсолютно уверен. Как пример можно привести Пикассо,

который в свое время закончил Барселонскую академию. Вообще, если поставить в ряд работы разных художников – преимущества классической школы сразу станут очевидны.

– Что произошло после того как Вы вернулись из Ленинграда?

– В 1984 году я приехал в Нальчик. Мы были молоды и думали, что сможем перевернуть мир, да и время соответствовало этим настроениям. Мои ровесники устраивали выставки своих работ прямо на улицах города, причем делать это мы стали значительно раньше «арбатских» художников. Тогда даже в голову не приходило, что живопись можно продавать – единственной целью было желание заявить о себе. Мы ходили по всевозможным инстанциям с предложением сделать Нальчик ярче, оформить и осветить витрины, например.

– Как к этому относились чиновники?

– Нас очень хорошо встречали, хвалили и внимательно выслушивали, но все оставалось по-прежнему. После развала СССР наступили непростые времена. Живопись стала товаром – пришлось учиться выживать в условиях рынка. Я до сих пор помню, как одна старушка охала, ахала и страшно переживала в связи с тем, что не может купить ни одну из наших работ. По большому счету такие ситуации не редкость. Как правило, тот кто ценит живопись, не может ее приобрести, а у кого есть деньги, мало что смыслит в искусстве. Получается как в анекдоте: «Новый русский» выходит из салона с картиной под мышкой, звонит жене и говорит ей по телефону: «Дорогая, осталось купить цветы. Открытка у нас уже есть». Когда в дело вмешиваются деньги, вообще происходят странные вещи. Я, например, за всю жизнь так и не смог выполнить ни одного заказа.

– В чем, на Ваш взгляд, разница между искусством Востока и Запада?

– Почему-то, говоря об изобразительном искусстве, мы, как правило, имеем в виду Европу. В последнее время я смотрю на эту проблему шире. На Востоке своеобразные, я бы даже сказал, уникальные традиции. От Кореи до Таиланда десятки разных школ, и специалист без труда отличит корейскую миниатюру от японской, японскую от бирманской, бирманскую от вьетнамской. Не говоря уже об Индии и Китае.

– На каком уровне изобразительное искусство Турции?

– Чтобы говорить об этой стране, нужно знать ее историю. У меня дома лежит двухтомник истории искусств. О Турции в нем ни слова, хотя есть статьи, даже посвященные Катару, территория которого меньше Кабардино-Балкарии. В Турции уникальное наслоение культур. Взаимовлияние их настолько сильное, что искусство в этой стране где-то

сродни религии. Там немало самобытных и талантливых художников. Кроме того, очень развита каллиграфия, которой занимаются мастера высочайшего класса. Их работы стоят баснословных денег. Что касается Европы, в начале XX века там сложилась ситуация по Достоевскому: если Бога нет – все позволено. Отказ от христианской идеи привел к развитию философских систем самого разного направления. Это смутило умы многих, в том числе и художников.

– Начало эпохи постмодернизма символизирует «Черный квадрат» Малевича. Как Вы оцениваете эту работу?

– Я разделяю точку зрения автора. Вдова Фернана Леже вспоминала, как, закончив работу над «Черным квадратом», Малевич вышел к своим ученикам и сказал: живопись умерла. «Квадрат» – знаковая вещь теоретического плана.

– Позволю себе цитату: «Во фразе “картины Пикассо – мазня”, о Пикассо не сказано ни слова – о говорящем все». Как Вы относитесь к этому художнику?

– Его ранние работы просто сшибают с ног. Пикассо, который написал портрет Воллара, великий мастер. Рассуждая о нем, принято говорить о формотворчестве, новаторских идеях, но – ни слова о прелести и простоте его живописи. Назвать работы этого художника мазней – невежество. Кстати, если бы Пикассо в свое время не увлекся африканским искусством, пути развития европейской живописи могли стать совершенно иными. Начало любого полотна общее: точка, линия, пятно, но каждый объясняется с миром на собственном языке.

– Предлагаю поговорить о национальных мотивах в изобразительном искусстве.

– Об этом много рассуждали в советское время, даже вывели формулу: национальное по форме, социалистическое по содержанию. Проблема этнического в искусстве присутствовала всегда. Нарисовать человека, обвешанного саблями, газырями, в бурке и в папахе – это не имеет никакого отношения к национальным мотивам. Мы смотрим на картину и говорим, это Китай, или это Испания. Потому что в ней присутствует национальный дух. Конечно, очень многое зависит от подачи. Наши народы достаточно архаичны, и у меня, к примеру, нет шансов объяснить своей матери, что такое «Черный квадрат». Поэтому, думаю, художнику следует исходить из тех эстетических помыслов, которые его окружают. Быть гурманом от искусства и выдавать за наследие предков какие-то вольные формы, по-моему, – лукавство.

– Сегодня в моде инновации, манифестации и прочий перформанс. Что Вы думаете об этом?

– В Турции раз в два года проводится Бьеннале – международная выставка, на которой демонстрируют всевозможные «измы». Последним победителем стал молодой человек, который украсил мост через Босфор лампочками, а провода пустил в роддом, стоящий неподалеку. Всякий раз, когда на свет появлялся очередной ребенок, гирлянда зажигалась. Думаю, это не имеет отношение к культурным ценностям. Взгляд на подобные вещи индивидуален, но лично мне грузовик, облепленный перьями, который поднимается в небо на вертолете, ни о чем не говорит. Подобные изыски – теоретического порядка. Сейчас в моде видеарт, и мы с приятелем как-то решили попробовать. За основу взяли древнегреческий миф об Арахне – земной женщине, искусной ткачихе, с которой состязалась одна из богинь и проиграла. Разгневанная богиня превратила ткачиху в паука. Мы представили свой проект куратору Бьеннале, но он оказался слишком дорогим, и денег на его реализацию найти не удалось.

– В 90-х я впервые увидел Вашу работу «Мост Сират». Очень философская картина. Вы человек верующий?

– Я бы сказал о себе так: атеист, но Бога боюсь. Работая над этой картиной, я исходил из того, что одно и то же понятие в разных культурах имеет свой уникальный смысл и одновременно соприкасается с другими. Мне кажется «Нести свой крест» и «Мост Сират» где-то схожие понятия. Мост – символический крест, старушка и вся тяжесть мира на ее плечах. Хоть и говорится, что Сират пересекают только после смерти, мне кажется, наши матери переходят его ежедневно.

– Гениальность – понятие очень размытое. Что Вы думаете по этому поводу?

– Еще в Ленинграде студенты Ленинградского университета проводили среди нас опрос: требовалось назвать трех гениальных художников. Через какое-то время студенты пришли снова, и на этот раз попросили назвать трех любимых художников. У всех нас списки получились разные: Да, Леонардо гений, но мне-то больше нравится Ренуар...

– Как Вы считаете, перед искусством стоят цели эстетического порядка или оно несет духовно-нравственную миссию?

– Одно не исключает другого. Искусство стало необходимым после того, как у человека появилась пещера. Первым делом он занялся украшением своего жилища – искусство несло эстетический, учебный, воспитательный и ритуальный характер. С тех пор мало что изменилось.

– О живописи написано и сказано немало, и все же хотелось бы услышать Вашу формулировку.

В Турции перевод этого слова вызывает восторг. *Живо писать*, по-моему, это понятие не нуждается в комментариях и говорит само за себя.

**Тема одиночества
в художественном осмыслении
Руслана Семенова**

В целостном поэтическом мире любого талантливого художника слова можно пронаблюдать случаи, когда его герои грустят, впадают в пессимизм, и их трагическое мирозерцание связано с эмоциональным чувством восприятия «целости жизни», ее сложности. Это, так сказать, общая для художников XX и начала XXI столетий болезнь, а именно: нравственная болезнь. Поэты, как никто, ощущают, что нарушены законы гармонии человеческой жизни.

Известный немецкий поэт Райнер Мария Рильке писал в стихотворении «Одиночество»:

*Нет одиночеству предела.
Оно как дождь: на небе нет пробела,
В нем даль морей вечерних онемела,
Безбрежно обступая города, –
И хлынет вниз усталая вода (1, 27).*

Для раскрытия локального лирического мира, в котором отчетливо выявляется одинокое «я», Р. М. Рильке умело опирается на средства образной выразительности языка, прибегая к развернутому сравнению, несущему эмоционально-выразительные функции: «Нет одиночеству предела. / Оно как дождь: на небе нет пробела». Или в том же стихотворении, в последних двух строках: «... и двое делят скорбно, сиротливо одну постель и ненависть навеки, – тогда оно уже не дождь – разливы... реки...» (*там же*).

У балкарского поэта XX века Кайсына Кулиева (1917–1985) есть немало стихотворений на тему одиночества, хотя многие исследователи его творчества: Н. Байрамукова, Ст. Рассадин, Ф. Урусбиева, А. Теппеев, проф. Эфендиевы Тамара, Салих и Фуад, и другие, относят его к поэтам жизнеутверждающего пафоса. Однако в стихах этого поэта есть много трагических нот, мотивов одиночества, вызванных жизненными противоречиями, времени, эпохи, людских судеб. Так, в стихотворении «Покою не было, и нет в помине...» (1960), поэт убежден, что человек живет в постоянном страхе и тревоге за будущее своих детей, близких, родных, в предчувствии больших и малых бед, несчастий, которые внезапно обрушиваются на человека. Поэтому он и писал в последнем четверостишии этого стихотворения:

*Покоя нет, и не было от века:
Опять сверкает молния в горах,
И камень, словно сердце человека,
Сгорает, превращается во прах (2, 160).*

Перевод Н. Гребнева

У него есть фраза: «Одиночество я ненавижу...». Этим сказано, пожалуй, все, и динамику чувств своих лирических героев Кулиев передает обычно через природные символы: камень, дерево, орла, снег, молнию и т.д. «Покоя не было, и нет в помине. / Вершит орел недобрый свой полет, / Снег, оползая, тает на вершине, / В низине ветром дуб столетний гнет» (*там же*). К. Кулиев – поэт, рожденный в СССР, человек другой эпохи.

Обратимся к поэзии молодых начала XXI столетия. К примеру, к поэзии русской поэтессы Ольги Росинской, которая в книге «Философия души» (Ростов-на-Дону, 2009) обращается к вопросам духовности и сквозь призму времен по-новому раскрывает существующие проблемы Кавказа и человека, живущего здесь, человека, испытывающего одиночество и тоску по утраченному:

*... Устав от разочарований,
Обид и суетных страстей,
Живу в плену воспоминаний
В эпохе быстрых скоростей (3, 148).*

В цикле стихов «Покаяние» (2008) дан поэтический образ тревожного времени, навеянного трагическими событиями на Кавказе (войной в Чечне, жестокими терактами, неоправданной гибелью людей, нестабильностью человеческой жизни). Ее лирическая героиня всем сердцем ощущает свое одиночество и трагизм современного бытия:

*Воля парализована...
Надежда в душе чуть теплится.
...Грузия преобразована,
Зло по Кавказу стелется... (*там же*, 35).*

Тема одиночества прошла почти у всех поэтов XX века, и в доказательство можно привести множество ярких примеров. Вот хотя бы поэзия адыгейского поэта Хамида Беретарь. У него есть сборник стихов «Исламей» (Краснодар, 1965), в котором эта тема воплощена в стихотворениях «Старый дуб» и «Песня деревьев», начало которой говорит само за себя: «Дуб одинокий стоял возле опушки лесной...».

Кабардинский поэт Руслан Семенов (1948–1985) – современник Кайсына Кулиева. Знал его лично, дружил с ним и посвятил своему любимому поэту стихотворение «Рисую Кайсына Кулиева». Новаторскую сущность поэзии К. Кулиева ощутили многие кабардино-балкарские поэты, наследуя лучшие традиции талантливого классика балкарской литературы. Это национально-эстетическое самовыражение подлинного

художника слова и хотел подчеркнуть Р. Семенов, когда писал стихотворение «Рисую Кайсына Кулиева»:

*Рисую Кайсына, прохладу проснувшихся материков
И отсвет кизила, прозрачный на спинах усталых волов.
Рисую Кайсына и вижу: горит в первозданной заре
Как пламя свечи водопада, падающий огонь на горе.
Рисую Кайсына... В долинах, где домики мира теплы.
Фонтанами плещут платаны в озонную душу земли (4,97).*

Поэт Р. Семенов шел своей поэтической дорогой, и смелость его мысли, принципиальность, психологическое прозрение любой традиционной темы, пусть эта была тема одиночества, позволяло ему быть новатором в отборе материала, в использовании средств образной выразительности языка и в глубине проникновения в жизнь. У него есть стихотворение «Я одинок». Внутренняя напряженность лирического героя, его трагическое мирозерцание связано, прежде всего, с сугубо личным восприятием в данный момент жизни и воспоминаниями юности, когда образ любимой становится самым главным в его локальном мире грез:

*Я одинок – тоска по мне стучится,
Печаль и боль бросают душу в дрожь.
Быть может, мне акация приснится
И девочка, бежущая сквозь дождь... (4,319).*

«Грусть за уходящее, милое, родное» (С. Есенин) встречается и ощущается во многих стихах Р. Семенова. Можно понять его чувство одиночества и душевное состояние, в котором он находился постоянно в последние два года жизни, и стихотворение «Я одинок...» появилось не случайно. Оно выстрадано, продумано и приобрело общечеловеческий характер.

Это стихотворение состоит из двух частей элегического тона. В первой части поэт прощается со своей молодостью, когда «печаль и боль бросают душу в дрожь». Вторая часть тоже окрашена в печальные тона: автор чувствует душевную усталость, так как уверен, что жизнь прошла безвозвратно, и он уже никогда не встретит свою первую любовь:

*Когда-то в юности далекой
Любил я раннею весной
Бродить часами одиноко
В надежде встретиться с тобой (там же).*

Эти мотивы грусти, одиночества и печали прослеживаются у многих поэтов, воспоминания которых связаны с образом детства, юности, отчего дома, родных мест, быстро промелькнувшего счастья. И горькое сознание того, что ничего уже нельзя вернуть. «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921), – писал С. Есенин.

Р. Семенов как поэт сумел чутко уловить социальное содержание и

национальный колорит духовной жизни народа в напряженный момент ее истории: в воздухе уже витал ветер перемен, предвещавший развал СССР и затянувшуюся на многие годы перестройку. Как все талантливые поэты, Р. Семенов шел впереди своих современников, предчувствуя моменты нового времени – демократию и свободу действий, которые принесли с собой и много негатива, особенно в духовной сфере, когда были утрачены многие идеалы и понятия о чести и совести. О драматизме XX века рассказали Р. Гамзатов и К. Кулиев. Вот что писал Р. Гамзатов: «Двадцатый век сурово хмурит брови, / Мы – дети века, стыд нам и позор. / Ведь никогда так много лжи и крови / Не проливалось в мире до сих пор» (Пер. Н. Гребнев). У Кулиева есть стихотворение «Поэтам двадцатого века» («Бессилие в горестный час...»), в котором поэт поведал о бедах XX века, как горела Хиросима, как «в топки горящих печей людей, как поленья, бросали...» (5,87, 65).

Русскоязычный современный поэт Тимур Кибиров, представитель другого поколения, назвал двадцатый век изувеченным временем: «...да буду судим я, чтоб право иметь / осудить изувеченный век. / И повышу свой голос в защиту себя, / и Его, и всего, и тебя...».

Как видно, мнения поэтов о времени вообще и XX веке были разные, и каждый по-своему видел трагическое и художественно осмысливал исторические события, ощущая порой свое одиночество в потоке времени.

Литература

1. Рильке Р. М. Избранная лирика. М., 1974.
2. Кулиев К. Ш. Собр. соч. в 3-х т., т.1. М., 1987.
3. Росинская О. М. Философия души. Ростов-на-Дону, 2009.
4. Руслан Семенов. «Пришел поклониться вам...». Жизнь и творчество. Нальчик: Эльбрус, 2008.
5. Кулиев К. Ш. Собр. соч. в 3-х т., т.2. М., 1987.

**Анна КОТЛЯРОВА,
Наталья СМИРНОВА,**

Кавказ в творчестве Инны Кашежевой

Ношу я в сердце горные вершины,
Как в древности носили амулет...

Инна Кашежева

Определяющим свойством творчества Инны Кашежевой является *транскультурность*, с органичным для него взаимодействием трех культурных пространств. Их можно обозначить как *кавказское, российское и западноевропейское*. Рассматривая в данной статье *кавказское* семиотическое пространство, отметим неизбежную искусственность и условность подобного выделения, поставив целью объяснить, почему мы говорим *Кавказ*, а не Кабарда или Балкария, которые с полным правом могут быть названы героями поэзии Кашежевой.

Начиная с первого сборника ее стихов (Вольный аул, 1962) и заканчивая ее последним сборником (Старинное дело, 1994), Кавказ, родина отца, становится не только одной из главных тем ее творчества: Кавказ – та основа, на которой вырастает художественный мир поэтессы. Он осмысливается ею как особое географически-природное и социально-историческое пространство, как особый этически-культурный и трансцендентный космос. Особо хочется отметить удивительное взаимодействие в творчестве Кашежевой универсального и индивидуального начал, тонкого умения через единичное выразить общее, акцентировать личностно-субъективное в объективно заданном. Императивом ее поэзии становится *трансценден-тность*: обретение реальностью высшего выражения в искусстве.

Трудно представить себе *Страну Эльбруса* (К. Чхеидзе), воплощенную в поэтическом слове, без поэзии Инны Кашежевой, без ее смысловой и художественной конфигурации Кавказа, без ее личностной поэтической *орографии* – *гороописательности*. Узнаваемая кашежевская *горная система* рождается как мировосприятие и как мирозидание, в лучшем смысле – умопостигаемая, философская и эмоционально-сенситивная, синкретическая *горная система*, соединяющая в себе *правремена до гор, без гор* в их космогоническом проявлении и статуарность гор-символов: вечности, абсолютных величин, этического кодекса и творчески-творящего начала.

Инна Кашежева безошибочно точно осмысляет себя – поэта и человека – как *образ двух миров*. Эти два мира – *отцовский* и *материнский*, единожды вступив во взаимодействие, затем обнаруживают свойство взаимопроникаемости и взаимоотражаемости, продуктивной разности, которая тяготеет к парадоксальному тождеству.

Горы, преодолевающие время (высокие горы – высокие люди), горы-храмы (вечности минарет), вершина всех высот (и не хватает нам вер-

шин...), контраст равнин и вершин... Постигание гор в поэзии Кашежевой, как и все на свете, начинается с изучения их *алфавита*, с прочтения *таинственного букваря вершин*. Но этот букварь постепенно оборачивается не только Первой и Главной для поэтессы книгой на свете, но и вместилищем всех книг, некой вселенской библиотекой, которая приводит ее к осознанию закона *при-над-лежности*: следование ему раз и навсегда определяет высшую точку отсчета – *над*, приподнятость, вознесенность, высокость как противоположность всему косно-неподвижному, лежащему и лежащему.

*Забывать склоненья ради склонов,
забыть все сразу надежи,
поскольку здесь из всех законов
царит один – принадлежи!*

Раз и навсегда *Страна Эльбруса* становится для Инны Кашежевой мерилом, критерием подлинности бытия, его соответствию или несоответствию закону *принадлежности*. Обращаясь к взглядыванию-сопоставлению *Страны Эльбруса* с другими сакральными локусами, с иными векторами геомантики, поэтесса делает акцент на насущности этого Пространства, незаменимого, неизменного, не изменяющего, излечивающего, дающего возможность дышать полной грудью. Преобладание образов, связанных с дыханием, обонянием, осязанием органично перетекает в следующий семантический ряд: *ветер-движение-простор-воздух-дыхание-душа*.

*С разлукой никогда не примирюсь я.
Не оттого ль, куда там ни летят,
ментоловые ветры Приэльбрусья
мне губы, обжигая, холодят?*

Собственно, Кавказ, Кабарда Кашежевой – это портрет: синкретический, многоуровневый, многосоставный, в котором невозможно отделить «внешнее» от «внутреннего»; это пристальное взглядывание в то, что *предстоит* взгляду, оборачивается постижением глубин, недр, нутрачрева, дающих рождение высотам и вершинам. Так, в стихотворении *Кабарде* (1962) –

*Ты весною исходишь садами,
зацветает в горах алыча...
Со своими седыми снегами
почему же ты так горяча?*

*Мои ноги быстрее, чем у лани.
Кабарда! Отдала мне ты
и мечту, и простор, и пыланье
в половине своей смуглоты –*

эта нерасторжимость гор-равнин, высоты-основания, неба-земли, того, что можно определить как осознаваемые поэтессой целокупность мира гор, его индивидуальную универсальность, его синтетичность, предстает во взаимообусловленности горных снегов и цветения алычи, жара горской крови и покоя и холода вершин, равнин и высоты, простора и его вмещаемости в одну пылающую душу, великости гор и малости человека.

Разумеется, Кавказ, горная страна, одна из многих на Земле и в то же время – единственная: с только ей присущей природой, народами, языками. Кавказ Кашежевой – это географические, исторические, культурные координаты, необыкновенно точные и яркие детали и образы: *где пахнет ледником роса; пахнувший детством лакум; где развесили свои снега вершины на ветру; забыть склоненья ради склонов; эхо прошлого ничем не заглушить; на счетах лет просчетов тьму отщелкав; звеня уздечкой звуков; назло уколам вспомним иглы хвои, шивающие лоскуты зари для твоего весеннего бешмета; ментоловые ветры Приэльбрусья; гром – гордое эхо гор; пещеры, словно газыри, в них гильзы рек мерцают лунно; как гения строка – река Баксан; ливень был с волшебной гривой схож; попробую на вкус арбуз в снегах рожденного восхода; лишь белеет черкеска, как древняя фреска, на куполе неба, живом, голубом...*

Синкретизм поэзии Кашежевой заслуживает особого разговора. Здесь же отметим то, что лежит в его основе – горы как нерасторжимость стихий космоса, земли, неба, воды: отсюда единое целое звуков, запахов, цвета, мыслей и чувств кашежевской поэзии.

Горы Кашежевой – ее вера, ее беспристрастные судьи, а Кавказ – *чистилище для души:*

*Белый снег и зеленый склон,
веток тихие мановенья
и цикад неумолчный сонм –
это все и есть моя вера...*

*Когда для счастья сердце мне мало,
когда печалют мелкие раздоры,
я обращаю мысленные взоры
к тебе, Кавказ, – чистилище мое,
к вам, мои судьи, к вам, родные горы!*

Суд гор – прямой и беспристрастный, не терпящий компромисса и попустительства:

*Спасибо, горы, вам за прямоту!
Вы проверяете любую малость,
вы не способны на слепую жалость.*

К слову сказать, в повести Ю. Визбора (Завтрак с видом на Эльбрус), еще одного москвича, не представляющего себе жизни без *Страны Эль-*

бруса, мы находим интересное созвучие мыслям поэзии Кашежевой: *наши горы* могут нам помочь только тогда, когда мы помогаем им – своей человеческой высотой, потому что судьба гор – судьба людей, воплощение закона высоты и *высокости* для людей.

*Горы и люди с единой судьбою.
Вы мне по плечу, высокие горы:
всегда высокие люди со мною.*

Горы Инны Кашежевой способны перемещаться во времени и пространстве, неся в себе тысячелетние обычаи, чтобы рассудить: так ли она живет в своем *другом* пространстве – Москве:

*Закрыв глаза, я вижу наяву,
как вы в своем заснеженном обличье,
неся тысячелетние обычаи,
являетесь негаданно в Москву,
чтоб рассудить:
а так ли я живу?
А так ли я пишу, люблю, дышу,
служу огромному, как вечность, веку,
и к раненному веком
человеку
всегда ли я и вовремя спешу?
Бесстрастные, вы судите о том,
Плыву сквозь бури я по тем ли руслам,
что говорю своим любимым русым
на языке неповторимом русском
своим кавказским пламенным стихом?*

Они – идущее из Прошлого эхо, постоянно перекликающееся в горах через слова легенды, пароли вечности.

*Эхо бродит среди снежных вершин –
это песня легендарной Лашин...*

Кавказ осознается Кашежевой как бесценное и уникальное *наследство*, в котором на равных сосуществуют крутой перевал, высота и то, что дает возможность к ним подняться: **два крыла** – летчика Инала (ее отца) и поэта Алима Кешокова и *перо* как символ творчества. Не менее, а может и более драгоценная часть этого наследства – *отважные предки*, легендарные *нарты*:

*И сгинул народ наш давно бы,
но рядом невидимо шли
Сосуко и ты, Бадыноко,
отважные предки мои!*

Здесь берет начало столь важная для поэзии Кашежевой мысль о ее личной ответственности за сохранение этого наследства (*Мной вексель и поныне не оплачен*), о ее высокой поэтической миссии – миссии посредника между Прошлым и настоящим.

*И я – Кавказ. И я оттуда,
где пахнет ледником роса,
где мне дарованы два чуда –
на мир взглянувшие глаза.*

.....

*И я – Кавказ. И я оттуда,
в нем до конца растворена,
а он во мне...
Мы два сосуда,
в которых кровь течет одна.*

Для того чтобы исполнить эту миссию, необходимо осваивать высь как завет гор людям. Неразложимость поэзии Кашежевой на *лирическую, гражданскую, философскую* – еще одна из ее отличительных особенностей. В этом контексте для поэтессы естественна мысль о Кавказе как высокой *награде*, как обретаемой заслуженности, благородном даре и благословении:

*«Кавказ подо мною...» –
а тропы все вверх,
туда, где туманы сплошной пеленою.
Ах, Пушкин! В какую затею ты вверх
Меня этой фразой: «Кавказ подо мною...»!*

Высшее воплощение философии гор Кашежевой – передаваемые ими из века в век *Истина* и *Чистота*: непреложность высокого Знания и его императивность.

*...Какие ни готовятся невзгоды,
какие испытания ни ждут,
я просто тихо позову вас:
«Горы!»,
как истину во все века зовут...*

Появление в этой поэзии *бессмертия* как синонимичной сущности гор, пожалуй, может стать своеобразной доминантой *орографии* Кашежевой, как и ее *вовек неизлечимая высокогорная болезнь*. К слову сказать, когда поэтесса говорит о себе, о терзаниях и муках души, частыми образами становятся именно образы горного тезауруса Кашежевой с его контрастами *пропастей-склонов-перевалов-вершин*:

Сегодня наградит Кавказ
меня высокою любовью.
С вершины первозданных чувств
Все станет лучше, чище, дальше...

В упоминавшейся повести Ю. Визбора предельно просто выражена мысль о том, что горы – это возможность увидеть с высоты то, что трудно увидеть с равнины – «синие гребни на горизонте, море за холмами, себя на крутизне земного шара». Горы – это всегда *кругозор*, *дальнезор* и панорадность, идет ли речь о земле, людях, истории. Как замечает Ю. Лотман, «являясь описанием самого стабильного, казалось бы, закрепленного в своей неподвижности фактора нашей ойкумены, география наиболее чутко реагирует и на самые различные аспекты социально-культурной истории»¹. Знакомясь со Страной Эльбруса Инны Кашежевой, видишь ее как удивительно яркий, целостный мир, в котором уникальное и универсальное, осязаемое и прозреваемое, внешнее и внутреннее немислимы друг без друга, осмысляются друг через друга. Так проявляет себя ее Муза, довольно редким воплощением которой становится... *кабардинский скакун* (Как люблю я тебя за дикость, 1966) – потомок *Альпа* и *Пегаса*.

¹ Лотман Ю. Современность между Востоком и Западом // Ж. Знамя. № 9. 1997.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
доктор философских наук,
профессор

Интересное исследование

Рецензия

Недавно в Санкт-Петербурге, в издательстве «Астерион», вышла монография профессора Х. Г. Тхагапсоева «Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития».

Работа имеет большое научно-теоретическое и познавательное значение в социально-философском осмыслении взаимосвязи и взаимообусловленности общекавказской культуры и мирового культурного наследия. Это – фундаментальная монография, где автор глубоко раскрыл общие закономерности и специфические особенности кавказского культурогенеза. В книге всесторонне освещаются фольклорно-философские и лингвокультурологические связи народов Кавказа.

Автор проделал огромную работу в исследовании нартского эпоса как общекавказского социокультурного феномена. Он широко использовал в исследовании богатейший фольклорный материал и этнофилософию народов Кавказа. Фольклор – это мировое явление, и он является огромным духовным пластом устного народного творчества, этнических картин мира. Мифы закреплены в этноисторическом сознании многих народов и в целом образуют первую историческую форму общественного сознания. Возникновение мифологического сознания на основе синкретического мировоззрения было исторической необходимостью. Народы, живущие на различных континентах земного шара, не имевшие контактов между собой, создали инвариантные, но во многом уникальные мифы, неповторимые образы и символы, которые стали структурообразующими элементами универсальных традиционных знаний об окружающем мире. В целом они являются важнейшими компонентами этнокультурной памяти каждого народа.

В книге всесторонне освещаются мифологические, фольклорные, религиозные и философские проблемы понимания художественно-эстетического хронотопа нартского эпоса. Если обратиться к мировоззренческой основе мифологического сознания, то есть к архаической космогонии, то видно, что все народы создали схожие по замыслу космологические мифы, которые тесно связаны с природно-климатическими, ландшафтными условиями той среды, где они возникали. В этом отношении биосфера Кавказа является важным фактором развития множества близкородственных этнических культур.

Х. Г. Тхагапсоев провел комплексный анализ большого объема культурно-исторического материала и сумел на высоком интеллектуальном

уровне обобщить, раскрыть тенденцию развития с древнейших времен уникального общекавказского этнокультурного феномена, а так же его вхождения в мировую художественную культуру. В этом заключается особая ценность его исследования. Здесь следует отметить, что автор поставил актуальные проблемы, которые не были рассмотрены и не освещены в научной литературе.

Автор, используя различные культурологические и философские концепции, по новому подходит к осмыслению нартского эпоса и трактует его как логос кавказских культур. Нартский эпос – это важнейший духовный феномен в мифоэпическом сознании всех народов Северного Кавказа. В своем исследовании профессор Тхагапсоев глубоко раскрывает диалектические взаимосвязи и взаимообусловленность национальной и общечеловеческой культуры. Все эти вопросы автор освещает объективно, в историческом аспекте. В работе широко использованы произведения Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Давида Кугультинова, где автор на примере философских принципов и идей их поэзии показывает глубокое осознание ими глобальных проблем современности.

В условиях всеобщего социально-экономического и духовного кризиса важное значение имеет исследование культурно-исторического наследия в укреплении историко-культурной преемственности поколений. Современная молодежь должна хорошо знать историю и культуру своего народа, быть укорененной в ее ценности, чтобы обладать позитивной этнокультурной идентичностью. Преемственность социально-исторических, культурных связей требует глубокого анализа кавказской мифологии и героического эпоса как важнейших социокультурных феноменов. Такой подход поможет глубокому осмыслению культурно-исторического наследия.

Автор осуществил сопоставительный анализ развития кавказских культур в различные исторические эпохи, сумел научно обобщить и выделить концептуальные проблемы, которые требуют дальнейшего теоретического исследования в условиях реформирования общества.

Теоретические выводы автора являются глубоко научно-обоснованными. Монография Х. Г. Тхагапсоева – это ценное исследование, которое содержит новые идеи и новации относительно проблемы кавказского культурогенеза в контексте трансформации и развития современной социально-культурной действительности России. Профессор Тхагапсоев впервые поднимает эту проблему в отечественной культурологии с учетом этнокультурных особенностей народов многонациональной страны. В этом заключается важная научная заслуга автора. Хотелось бы подчеркнуть, что Х. Г. Тхагапсоев расширил геокультурное пространство Кавказа и хорошо показал его связи в контексте развития культур Востока и Запада.

В монографии Х. Г. Тхагапсоева затронут практически весь круг вопросов генезиса кавказского культурного мира – периодизация истории кавказского культурного ареала, роль цивилизаций Востока и Запада в

кавказских культурно-генетических процессах, современные тенденции развития кавказских этнических культур. При этом многие аспекты бытия кавказского социально-культурного мира впервые рассматриваются с совершенно новых теоретико-методологических позиций. Так, влияние западных, восточных и арабской цивилизаций на культурный мир Кавказа рассматривается с позиции формирования культурно-поведенческих типов, диалог русской и кавказских этнических культур – с точки зрения влияния кавказских культурных архетипов на русскую классическую литературу, а современные культурные процессы на Северном Кавказе – через призму культурной идентичности и тендерной специфики кавказских культур.

И, наконец, в данной монографии кавказский культурный мир впервые рассматривается и аргументировано фиксируется в качестве локальной цивилизации (в ряду прочих локальных цивилизаций, на существование которых указывали еще Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). На основе обширных культурологических данных, а главное – с привлечением современных теорий информации, показано, что общность базируется на особом (лектоническом) типе социально-культурной коммуникации.

Соответственно, и кавказская локальная цивилизация отнесена к типу лектонических (от многозначного древнегреческого слова «лектон», означающего – речение, высказанное, изреченное, поддержанное в публичном общении).

Работа может быть широко использована при чтении курсов литературы, культурологии и мировой художественной культуры. Книга предназначена для преподавателей вузов, аспирантов и учителей гимназий и школ.

В четвертом номере журнала «Образование. Наука. Творчество» издаваемого Армавирским лингвистическим социальным институтом, напечатана статья о творчестве известного кабардинского поэта Хасани (Хасана Тхазеплова). Авторы статьи: Римма Сакиева – заведующая кафедрой иностранных языков Армавирского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор; и Карина Тер-Миносян – заведующая аспирантурой Армавирского лингвистического социального института, кандидат филологических наук.

Думаем, что эта статья, появившаяся не в СМИ Кабардино-Балкарии, а у наших соседей по Северному Кавказу, заинтересует и наших читателей, ведь со стороны, как говорится, виднее.

**Римма САКИЕВА,
Карина ТЕР-МИНОСЯН**

Жизнь как великий и непостижимый дар

(отзыв на книгу Хасани «Алмазная башня»)

Видный поэт современного Северного Кавказа, представитель самобытной культуры адыгов, Хасани, опираясь на традиции мировой культуры, в том числе на великую мудрость Востока, в своей книге пытается постичь основополагающие, концептуальные вопросы бытия, сохранить важнейшие нравственно-эстетические общечеловеческие ценности. Являясь, по сути, человеком мира, Хасани в то же время сохраняет индивидуальную память о нравственных законах, впитанных им в условиях сформировавшего его кавказского этноса.

Ваш любимец Хасани, раскрывая суть урока,
Обратит пытливый ум к многомудрости Востока:
Будьте сладки, как шербет, и приятны, как прохлада,
Чтоб молитва помогла все иметь, что в жизни надо.

Поэт стремится установить со своим читателем равноправный доверительный диалог. И, говоря о несовершенстве мира и человеческой природы, не порочит жизнь, а показывает ее многообразие и многоаспектность, ее многоуровневую организацию, в которой есть место хорошему и дурному.

Исцеленье души и расслабленной воли
Избавляет тебя от неведомой боли.
Ну а как избавлять от пороков земных –
Жадных, ловких, грешащих, душою слепых?

Подобно восточным мудрецам, Хасани верит в человека, в его возможности, в его силы и ум, в то, что прекрасное восторгается над безобразным, а добро победит зло. Хотя слово поэта и мудрость поэта, как

это и было во все времена, не всегда поняты и услышаны современниками. А цена этому слову и этой мудрости – душа поэта, ее правда и ее боль.

Если честно сказать, не нужна мне хвала,
Если нынче хвала, а наавтра – хула,
Если с каждой хвалой искупленье грядет,
Если с каждой хулой кто-то душу крадет.

У каждого настоящего поэта своя мера ответственности и свои строгие судьи.

Я не лезу в вашу душу – не топчите вы мою.
Я и сам без вашей казни перед совестью горю.
О Великий Вседержитель, Всемогущий мой Аллах,
Дай заблудшим душам снова испытанья на весах.

Хасани, выражая собственные мысли и чувства, собственные поиски и стремления, будит и наши, его читателей, мысли и чувства, учит преодолеть инертность мышления, делает равнодушными к проблемам окружающего мира. Именно невероятная сложность жизни, которую проживает человек, слитность его внутреннего мира с миром внешним, таким неоднозначным и неоднородным, по мнению Хасани, и заставляет человека подниматься над обыденностью и соучаствовать в решении глобальных проблем эволюции. Одновременно человек переосмысливает и постигает множество мелочей и случайностей своей личной жизни, с этим миром неразрывно связанной, и учится сопереживать.

Мы не можем склонять чье-то имя – не вправе.
Каждый движется сам и к удаче, и к славе.
Слава может увлечь, как мираж, как далекое эхо,
И порою из тьмы мы горды соучастьем успеха.

Поэзия Хасани наполнена размышлениями о сути бытия, сложностях мира и поиске человеком собственного пути.

Приоткрой завесу утра и дорогу выбирай.
Есть тот путь сквозь дебри жизни, что ведет блаженных в рай.
Но найти тропу такую может тот, в чьем сердце храм,
Ну а храм, как всем известно, можешь строить только сам.

На примере книги Хасани «Алмазная башня» мы попытались сформулировать новые методологические подходы к восприятию и осмыслению фактов общечеловеческой культуры, с которыми современный человек сталкивается в информационно-коммуникативном пространстве. Итак, какие ценности в их системной связи автор выдвигает на первый план?

Нравственные, эстетические, сакральные ценности – не просто набор традиционных понятий и представлений. Они организованы по опре-

деленным принципам, подчиняются законам иерархии, сгруппированы вокруг мировоззренческого центра, ядра, которое соотносится с более глубоким ценностным уровнем, скрытым под уровнем внешним. Именно постижение этого ядра и есть первое условие целостного знания.

Одну из главных жизненных целей Хасани усматривает в совершенствовании человека.

Когда растишь зерно в своей мирской юдоли, –
 Запомни: в этом мире не счесть различной боли
 И отвечать придется перед Отцом и Сыном
 И полною стопою идти к людским вершинам.

Высший дух, проникающий в тайну сознания, осознания и размышления, в тайну поисков и истин, помогает познать себя, и человек принимает к этому живительному источнику, хранящему опыт Космоса, ибо только мудростью даются благонравие и честь.

Глядя в небо, Хасани с печалью отмечает, что душа человека порой плурует в лабиринтах равнодушия, порока, душевной лени. Однако стремление к совершенству, к высоте духа всегда остается с тем, кто тоскует об истоках истины.

Ты порой безразличен ко многим делам, Хасани,
 Ты порой удивляешься, глядя на мир, Хасани.
 Что же ты упрекаешь того, кто расстался с мечтой?
 Что же ты величаешь того, кто живет высотой?

Поэт тоскует о непонятом и неразгаданном, но не остается только созерцателем – он открыт миру, он частица этого мира, он пытается найти ответы на свои вопросы там, где всегда, по его мнению, может их найти, – в дороге.

Приходит мой голос в твой тихий очаг,
 Где, может, и жребий в походах зачах.
 Приходит мой голос и снова зовет
 Того, в ком стремленье к дороге живет.

Именно дорога как стремление к вечному движению и постижению, по концепции Хасани, делает человека творцом.

Если мир удивляет и жизнь вдохновляет,
 Если тьма не смущает, а свет направляет,
 Значит, ты не из глины простой сотворен –
 Ты на круге борьбы вновь Творцом обновлен.

Совершенствование, по Хасани, – это таинственный аспект жизни, это восхождение, в котором человеком движет промысел Божий.

Сквозь облака, сквозь тело, сквозь молитвы
Струится нечто, данное судьбой,
Которое не может жить без битвы
То с другом, то с врагом, а то с собой.

Однако нет для смертных дороги к основе основ и не могут они
дойти до круга вещей, который скрыт Творцом под темным покровом,
дабы человек не возомнил себя Творцом Вселенной.

Знать не может никто, утверждения поспешные спорны
О движениях мира, где тропы Вселенной неторны.
Если люди из глины, а небо из капли эфира,
Как постичь человеку полет необъятного мира?

И даже мудрейшим не знать о чертоге,
Где месится жизнь, утверждаясь в тревоге,
Где втайне рождается ад наш и рай,
Где ясность не ясна, где край и не край.

Истину хотят постичь многие, однако не каждый знает, где ее искать и
как ее найти. Истина многолика, ее не узнают и проходят мимо, ее путают
с чем-то другим и теряют. Пути, проторенные к ней, – это ступени мира-
жей, а миражи имеют одну особенность – они исчезают при малейшем
к ним приближении.

Все ищут истину, а как найти – не знают.
Ее, столь многоликую, все путая, теряют.
Пути, что к ней проторены, – миражные ступени,
А миражи подобны морской летучей пене.

Познание мира извечно связано с постижением Бога.

Осмысленность жизни, осмысленность слов
В раздумьях приводят к основам основ.
И если дойдут до высот наши речи,
В ответ улыбнутся церковные свечи.

Обретая Благо мира, человек обретает смысл. Видению мира учит
сердце: сердце – это окно души.

Сердце – окно для вселенского света.
Этим прозреньем душа и согрета:
Ей одной внятно во все времена
То, что течет из живого окна.

Совершенствование как жизненную цель Хасани связывает с пости-

жением свободы – свободы ума и духа, но не свободы вседозволенности и греха.

Кто сумел разобраться в суровых законах природы,
Кто достиг и познал «преимущества» мнимой свободы,
Тот уже обречен быть другим по судьбе человеком,
Отличаясь от тех, кто не движется ревностно с веком.

Существуют общечеловеческие ценности и ценности каждой эпохи, но каждый может выделить свою, наиболее значимую для него нравственную ценность. Древнегреческий философ Платон утверждал, что главной нравственной ценностью является справедливость, Ж. Ж. Руссо таковой считал совесть, П. Б. Шелли – любовь, Л. С. Пушкин – достоинство, И. Ефремов – долг перед временем.

В собственной системе ценностей Хасани на первое место ставит добро. С этого слова и начинаются его рубай: «Эту книжку с добрым сердцем вам дарует Хасани».

Творец заложил в человеке причину,
И все поделил он по рангу и чину,
Но лишь неделимым оставил Добро –
Как дар для души и для сердца зерно.

Каждый сам строитель жизни и философ бытия. Такая позиция учит распознавать благородство и добро, понимать, что мешает жить, что безнадежно устарело и утратило ценность, а что блещет свежестью и новизной.

Поспеши добро посеять, а иначе не успеть.
Жизнь земная скоротечна, как бы нам не пожалеть...

В жизни добро соседствует и взаимодействует со злом и не всегда очевидно. Бывает так, что явления добра и зла трудноуловимы и нераспознаваемы сразу и непросто отделить одно от другого. Причина добра видна тогда, когда его потаенная сущность прорастает подобно зерну.

Если в жизни тебя одолеют жестокость и ложь, –
Дело в том, что порок на достоинство часто похож.
А бывает, причина добра или зла нам видна,
Лишь когда прорастет затаенная сущность зерна.

К добру и злу нас ведут собственные пути, поступки и мысли, и что выбирать, подскажет сердце. Зло понятным не бывает; если оно понятно, то это не зло. Зло шагает рядом с добром и старается усыпить добро. А если когда-нибудь добро перестанет существовать и зло восторжествует, – что тогда случится с этим сложным, прекрасным, запутанным человеческим миром?

Что же будет, что нас ждет, если зло взрослеет,
Если сердце жизнь вокруг все трудней лелеет?
Бог ли в этом виноват или мы, народы,
Если в нас «процесс пошел», обгоняя годы?

Зло и грех не всесильны, однако в обнимку с ними кружится лихая беда, их неизменная спутница и подруга. Беды, рожденные злом, усиленные грехом, могут погубить человека, закрыть темной пеленой его душу. Хасани потому и задается вопросом:

Если ханжество уместно и порок нам не претит,
Кто ж тогда Надежду нашу беспокойством обновит?
Кто б задумался о веках, вечных веках бытия,
Чтоб врата раздвинуть далее, выходя из забвения?

Функция добра, по Хасани, в том, что мы спасаем тех, кто нас никогда не спасет. Однако приведет ли наш поступок нас в лоно справедливости и постижения сути жизни – это вопрос. Там, где добро и зло часто составляют одно целое, где азарт движет жизнь подобно мигу на дуэли, человеку трудно увидеть сквозь сегодняшнюю тьму свет завтрашнего утра.

Если правит умом дисгармония цели,
Если низкие помыслы им овладели,
Как тогда сохранить ценность нашей породы,
Пронеся в чистоте через мрачные годы?

В связи с проблемой отношения добра и зла возникает вопрос о том, как Хасани вообще оценивает баланс этих понятий. С одной стороны, поэт отмечает неодолимую тенденцию в человеке добра, а с другой – подчеркивает наличие зла в человеческой жизни («И рыбки плачут у корыта, что бабка с дедом их не ждут...»).

В метафизическом измерении добро прорастает в обыденной почве, которая содержит элементы добра и зла, и ошибкой будет не видеть зерен добра. Хасани исходит из целостности жизни, где учитываются все элементы – положительные и отрицательные, позитивные и негативные. При этом в глубинных основах его образов заметна идея ведущей тенденции утверждения добра.

Если падал, но, встав, вновь настырно шагал неустанно,
Если Космос дарил вдохновенье внезапно и странно, –
Значит, жизнь, защищая, с собою куда-то вела
И в туманных мирах наши слезы в узоры сплела.

Человек может быть не в ладах с самим собой, теряться в выборе между светом и тьмой, быть грешником или добродетельным, но он остается человеком до тех пор, пока в нем живо стремление к добру.

Совладать бы с собой, когда искренни мы,
 Чтоб язык не будил тайных помыслов тьмы,
 Чтобы нам доброта на пути помогла
 Одолеть все преграды в обители зла.

Если человеку природой полной мерой отмеряна доброта, значит, Бог лелеет в этом мире его душу.

В системе общечеловеческих ценностей одно из главных мест, а может, самое главное, занимает любовь. Не случайно же говорят «Бог есть любовь». И поэт, говоря о любви в общепланетарном масштабе, эту мысль подтверждает.

И сотни раз, и тыщи раз все повторяют мудрость:
 «Любите всех, служите всем, не видя в этом трудность».
 Когда поймешь ты суть свою, свое предназначенье,
 Тогда духовной слепоты начнешь вершить леченье.

Любовь – это дар свыше и, значит, Божье дело. А потому она не только дарует радость человеческому сердцу, но правит и повелевает человеком. Но ведь люди забыли завет любить ближних как самих себя. На каком безрассудном рубеже мы растратили былые способности?

Ох, как тяжело живется в этом мире любви,
 Когда сердце, пленяясь, играет в крови.
 И зачем же любовью нас мучит Аллах,
 Где обманы и стоны сложил на весах.

Но есть и другая любовь – любовь мужчины и женщины. Любовь то угасает, то вновь воспламеняется из пепла прошлого или тумана настоящего. Угасает в одиночестве, воспламеняется в единстве двоих. В концепции Хасани любовь динамична, и эта динамика выражена высоким поэтическим слогом.

Я пою о Людмиле, о Фарузе пою,
 О сердцах их тоскую – в них я жил, как в раю.
 Я любую принцессу до восторга любил,
 Всех любил, как безумец, когда молод я был.

О Зухре моей слезы и песни по ней,
 Так душа наполняет любовью полней.
 Как же быть мне, Владыка, если сердце грустит,
 Если сердце с годами не желает остыть.

О разлуке с любимой поет мой дутар.
 Он различий не знает – кто молод, кто стар.

Отчего же Всевышний нас чувством казнит?
И казненного им же во всем и винит.

Любовь, как и добро, раскрывается поэтом в сложных переплетениях с другими нравственными ценностями. Это и есть объединение роднящего начала. Любовь ограждена душевной добротой от невзгод.

Если ты запретишь и любить и дарить,
Как могу я в молитвах добро возносить?

Любовь, таким образом, определяется поэтом через добро, ибо ее проявление вне добра невозможно. Любовь помогает понять мир человека, но и сама выступает как проблема, подлежащая пониманию. Это обнаруживается, когда поэт рассматривает дружбу как элемент любви.

Все стихии вселенной смыкаются кругом.
И бывает, что враг возвращается другом.
Только как превращается друг во врага,
Если дружба для них так была дорога?

Из друзей нелегко сделать подлых врагов,
И врага нелегко сделать преданным другом.
Упрощает нам жизнь равновесие слов,
А поступки всегда завершаются кругом.

В «Алмазной башне» любовь сложным образом взаимодействует с достоинством. Отказ от любви как высшего дара, ее предательство или подмена суррогатом чувств всегда становится унижением и оскорблением души.

От любви одно леченье – это песенный задор,
Увлечение другою, что подарит милый взор.
Только ты запомни строго: унижая высший дар,
Ты душе своей наносишь оскорбительный удар.

Любовь как справедливость проявляется в благодарности – соблюдении меры деяния и воздаяния. Любовь и благодарность – важнейшие элементы нравственных отношений. Священное их не сыщешь в молитвах и ритуалах.

Мой Аллах и твой Бог – наш единый Отец,
И Отец завершает Вселенский венец.
Если помнишь о том, – ты любовью богат,
Ты в семье человеческой благоденственный брат.

Еще одна нравственная категория, без которой душа умирает, это

совесть, внутренний судья человека, регулятор его потребностей. Совесть подобна сети, которая, укрытая морем, хранит твой улов. Если прошел неловко земной путь, поскользнувшись, поступил против совести, берегись судьбы и ее возмездия.

Хасани воспеваает красоту жизни. Поэзия дает человеку крылья, она – посох народа. Песня – это крылья, на которых сыны летят к солнцу, обжигаясь в его пламени.

Поэзия – посох народа, а песни как крылья даны,
И с этими крыльями к Солнцу летят, опалаясь, сыны.
Их посох стучит перед сердцем, а крылья несут чудеса,
Кого-то и в ад провожая, кого-то и в рай, в небеса.

Хасани считает жизнь величайшей ценностью – сакральной, нравственной, эстетической. Какой бы путь ни пришлось человеку пройти, какие бы трудности ни подстерегали его на этом пути, жизнь все равно остается великой ценностью, дарованной человеку свыше.

Веками народы стекаются к Богу,
Чтоб каждый мог выбрать свою же дорогу,
И эта дорога – что зрячая дверь...
Коль веришь ты Богу, то двери поверь!

На формирование поэтического мира Хасани безусловное влияние оказала поэзия Востока, в первую очередь поэзия Омара Хайяма.

Звезда Омара Хайяма на небосклоне человеческого духа сияет около тысячелетия, ибо мысли и задачи, которые он предложил людям, актуальны во все времена. Однако мудрость многих еще не разбужена. И значимость поэзии Хасани в том, что эти четверостишия, наполненные поисками и размышлениями, пытаются разбудить людей, их объятый забытием разум и утолить тоску по предвечной истине. И в этом Хасани опирается на собственный эмпирический опыт и поэтические размышления О. Хайяма.

Когда мудрец сказал, что жизнь витком спиральна,
Я с ним не соглашался и думал – все сакрально.
Но познавая путь, что каждому дается,
Я понял, что мудрец над бытием смеется.

Омар Хайям был суфистом. Суфийская поэзия отличается тем, что использует особый язык, где слова имеют два типа значения: соотношения с внешним миром и миром внутренним. Акцент делается на глубинный, символический тайный смысл. Хасани близок к идеям Омара Хайяма, который говорил о, казалось бы, обыденной, однако труднодостижимой науке – науке жизни, где события нельзя расположить в одном линейном порядке, так как причины их бесконечны, а следствия противоречивы, и

даже вооруженный логикой разум никогда не постигнет их до конца. Для этого необходимы особые слова.

Если сможешь раздать все, что кто-то отдал,
И безвестной дорогой отправиться вдаль,
Что же там обретешь в вечно тайном пути,
Раздавая все вновь, что успеешь найти?

Омар Хайям обращается к собственному опыту. Он говорит, что Мухаммед однажды сказал, что ради знания стоит совершить путешествие даже в далекий Китай, но впоследствии оказалось, что знание собственной жизни удивило его более, чем Китай. И тогда Мухаммед решил располагать события своей жизни соответственно не логике, а течению времени, без доказательств их необходимости и закономерности.

Следуя этой идее Хайяма, Хасани стремится через поэзию, используя ее особый язык, заглянуть за пределы бытия. Особенности его образной системы невозможно понять без обращения к опыту Хайяма. Это можно проиллюстрировать на примере образа вина, широко введенного в художественную систему и символику Хасани.

За бокалом вина время мимо шуршит,
Но душа от вина никуда не спешит, –
Так что, эй, виночерпий, налей мне вина,
Где душа отдыхает, там я выпью до дна!

Омар Хайям часто использует образы чаши или кувшина, наполненных вином, метафорически. По Хайяму, чаша, наполненная вином, – это жизнь, наполненная радостью. И частое обращение Хасани к теме кувшина, наполненного вином, нельзя интерпретировать узко, односторонне, как вульгаризацию поэтических идей Омара Хайяма.

Пляшет новый кувшин, закаляясь в огне.
Он не знает еще о багряном вине.
И какую судьбу он приносит с собой,
Если в нем и тревога, если в нем и покой.

Тот, кто пил и кто пьет, – каждый раз по-разному живет.
И непьющий, как может, свое счастье кует.
Видно, там, в небесах, что, кому и когда заказали,
А мы здесь, дураки, ту игру, как судьбу, повязали.

Такие противоречивые ориентации можно интерпретировать с точки зрения существования человека на двух уровнях: внутреннем и внешнем. Внутренне человек может быть ориентирован на положительное, добро, а в поступках, внешне, не всегда способен преодолеть искушение зла и

устоять перед пороком. И Хасани можно понять таким образом, что он фиксирует несовершенство человека, наблюдая его поведение, и испытывает при этом боль. Однако это не значит, что поэт вообще говорит о тотальности зла. Внимание Хасани направлено на целостное постижение смысла жизни, где все связано на высшем уровне, а на величайшей глубине дух окрылен и свободен. Кажется, главный герой, вернее, героиня поэзии Хасани – человеческая душа. Это о ее поисках поет лира поэта. Душе человека тесно на внешнем уровне обыденной жизни, ей нужен полет, ощущение свободы и слияния с миром, который эта душа понимает и принимает таким, какой он есть, не теряя при этом способности сделать в этом мире собственный выбор.

Творчество Хасани заслуживает внимания как образец художественного мышления, его глубокое научное изучение может способствовать решению современных проблем герменевтики, эпистемологии и литературной критики.

Болезнь и смерть, любовь и обман, политики и бюрократы – эти темы, наличествующие в жизни обычного человека, в поэзии Хасани органично переплетены с темами, волнующими мудрецов и философов: что есть высший разум, где начало и конец мира, как постичь собственное предназначение и понять свою душу. Именно такое переплетение и составляет то, к чему, может быть неосознанно, стремится каждый живущий, – полноту человеческой жизни. А образы, в которые облачены мысли и чувства поэта, волнуют воображение любителей поэзии.

Все виды пространств и число измерений
В твоём повседневном житейском кругу.
И в этом вселенском безмерном строенье
Мой ангел уставший сидит на лугу.

Хасани (Тхазеплов Х. М.) Алмазная башня: стихи / Предисловие С. Эфендиева. – Нальчик: Эльбрус, 2009. 224 с.

Предлагаемая М. Б. Коковой программа элективного курса для учащихся 9-х классов, которая ставит такие цели, как формирование позитивного образа жизни, умение ставить реальные цели и выбирать адекватные способы их достижения; формирование у подростков готовности самостоятельно и осознанно строить и корректировать в процессе жизни свои профессиональные и жизненные перспективы; формирование у школьников определенных знаний о современном мире профессий, подготовка их к осознанному профессиональному и личностному самоопределению – является своевременной.

Данная программа предполагает изучение внутреннего мира подростка, изучения личностных особенностей с помощью психодиагностики, ролевых игр, психотренинга.

*Зав. кафедрой психологии ИПК и ПРО КБГУ,
кандидат психологических наук М. А. Мокаева*

Мария КОКОВА,
*педагог-психолог МОУ СОШ,
г.п. Залукокоаже, Зольский р-н КБР*

Предпрофильная подготовка

Мы живем в эпоху значительной интенсификации общения. Компетентность в сфере общения стала одной из главных составляющих высокого профессионального уровня.

Причем это относится не только к профессиям, где требуются, например, менеджеры, работники сферы обслуживания, но и практически ко всем остальным типам профессий, так как каждый работник, так или иначе, взаимодействует с другими людьми, включаясь в информационный обмен.

Серьезные проблемы возникают у человека, не умеющего общаться в обычной жизни, соответственно, переносящего эти сложности в профессиональную сферу. Общение с людьми – это наука и искусство, где важны и природные способности человека, и образование. Поэтому тот, кто хочет достичь успеха во взаимодействии с другими людьми, должен этому учиться.

Искусство общения, знание психологических особенностей человека и применение психологических методов необходимы сегодня каждому человеку – ведь умение строить отношения с людьми, находить подход к ним, располагать их к себе служит основой жизненного и профессионального успеха. Известно, что эффективность общения во многом зависит от того, как человек учитывает интересы, чувства и переживания другого,

от способности устанавливать и поддерживать необходимые контакты с людьми.

Формирование и развитие коммуникативных качеств личности происходит, прежде всего, в школьные годы. Социально-психологическая подготовка в настоящее время нужна каждому школьнику, так как из него в будущем выйдет молодой специалист, от которого социально-экономические условия потребуют знаний и навыков конструктивного взаимодействия.

К окончанию средней школы подростки должны уметь понимать себя и окружающих людей, принимать решения и делать осознанный выбор, брать на себя ответственность за поступки, проявлять независимость, конструктивно отстаивать свое мнение, и многое другое. Однако учащиеся не всегда имеют достаточно знаний об этике и психологии личных и служебных отношений, о морально-психологическом климате в коллективе, а ведь такие знания и навыки установления отношений позволяют человеку, впервые попавшему после школы в новый коллектив, быстрее адаптироваться в нем и избежать конфликтов.

Знание психология, навыки межличностного взаимодействия, способность к самопознанию особенно необходимы молодым людям во взрослой жизни. Одной теории мало – нужны знания и выработанные на их основе навыки, с помощью которых легче осуществить данный переход. А для этого, в осуществлении такой психологической работы, им необходима помощь старших.

Изменения, предлагаемые в образовании, а именно – введение предпрофильной подготовки и профильного обучения в старших классах, более вариативное и дифференцированное образование – предполагают у школьников готовность к совершению сознательного и ответственного выбора.

Актуальность профориентационной помощи школьникам очевидна. Важнейшая задача школы – формирование полноценных граждан своей страны, а решение этой задачи во многом зависит от того, чем будут заниматься повзрослевшие школьники, какую профессию они выберут и где будут работать. Кроме того, грамотно построенная профориентационная работа позволяет решать и многие насущные проблемы воспитания, особенно в старших классах.

Давно известно, что оптимистическая перспектива жизни (и, прежде всего, реальная и привлекательная профессиональная перспектива) убеждает многих подростков от необдуманных шагов.

От школьников потребуется более раннее самоопределение в будущем профиле деятельности, которое связано с выбором профессии. Однако, как показывают результаты многих педологических и психологических исследований, готовность к профессиональному самоопределению недостаточна даже у выпускников школ и не соответствует современным требованиям общественного развития. Часто оказывается,

что выбор профессии был недостаточно продуманным, осознанным, в итоге выбрана не та профессия, что ведет к нарушению формирования профессионального самосознания, трудностям общения с коллегами, трудностям самоутверждения и самореализации. Это происходит потому, что успешность профессионального самоопределения тесно связана с общим развитием личности. А представления современных учащихся о себе, своих возможностях и интересах чаще всего расплывчаты, неточны. Подростки, как правило, инфантильны, малоактивны, не готовы к решению серьезных проблем.

С другой стороны, уже в подростковом возрасте складывается избирательный характер отношения к школьным предметам, появляются новые мотивы учения, сенситивность к приобретению профессиональных знаний умений и навыков.

Выбор профессии – одно из самых ответственных решений, которые принимает человек. Обычно это происходит в 15–17 лет, когда к самостоятельному выбору своего жизненного пути многие подростки еще не готовы. У них практически отсутствует жизненный опыт, а их представления о собственных возможностях и способностях складываются на основании высказываний о них других людей и по тому, насколько успешна его учеба в школе.

К сожалению, многие подростки недостаточно знают об особенностях каждого вида деятельности и не всегда учитывают свои профессиональные интересы и склонности, выбирая профессию.

Часто подростки, ни имея определенных желаний, поддаются влиянию друзей, родителей или выбирают профессию, которая в тот момент считается модной, престижной. В дальнейшем отрицательные последствия неправильно выбранной профессии затрагивают как самого человека, так и все общество.

Любой выбор профессии можно рассматривать как взаимодействие двух сторон: подростка с его индивидуальными особенностями, которые проявляются в физическом развитии, в возможностях, интересах, склонностях, характере и темпераменте, и специальности с теми требованиями, которые она предъявляет человеку. При правильном выборе индивидуальные особенности подростка совпадают с требованиями профессии.

Все это ставит перед педагогами и психологами проблему целенаправленного повышения готовности старшеклассников к профессиональному и жизненному самоопределению. Образование должно готовить ребенка к полноценному вхождению в реальное современное общество с его быстрыми темпами развития и противоречивыми тенденциями. Это требует не только информированности, наличия знаний, а скорее умения самостоятельно ориентироваться в информации, принимать решение, сформированности ценностно-смысловых установок, наличия жизненной цели. Подросток должен быть готов к самостоятельному планированию своего личностного и профессионального развития.

Деятельность школы направлена на развитие личности ребенка, на реализацию его индивидуальных возможностей и потребностей, осознанных профессиональных намерений, умений, самообразования и самовоспитания.

Предпрофильная подготовка учащихся – это система педагогической, психологической, информационной и организационной поддержки учащихся 9-х классов. Предпрофильная подготовка через организацию элективных курсов, которые связаны, прежде всего, с удовлетворением индивидуальных образовательных интересов, потребностей и склонностей каждого школьника, поможет учащимся самоопределиваться в жизни.

Целью элективных курсов является осуществление интереса к какому-либо предмету: знакомство учащихся с современными профессиями, предоставление учащимся выбора профессии.

В связи с новыми веяниями свою лепту вношу и я, Кокова Мария Борисовна, педагог-психолог и руководитель творческой группы учителей по предпрофильной подготовке и профильному обучению.

Основной темой творческой группы учителей по предпрофильной подготовке является «Становление личности учащегося через компетентный переход в обучении и воспитании». Развитие способностей каждого ребенка, формирование духовно богатой, свободной, физически здоровой, творчески мыслящей личности, обладающей прочными знаниями основной школы и глубокими знаниями по предпрофильным дисциплинам – таковы цели нашей работы. Мною поставлены следующие задачи: обеспечить дифференциацию и индивидуализацию образовательного процесса путем использования новых образовательных технологий; обеспечить содержательную и методическую преемственность начальной школы – среднего звена, среднего звена – старшей школы; ввести предпрофильную подготовку; способствовать повышению креативности школьников.

Мною составлены две авторские программы элективного курса «Мир профессий» в 9 классе и «Развитие индивидуальных особенностей школьников: психология общения» для старшеклассников.

Первая авторская программа элективного курса «Мир профессий» в 9 классе направлена на оказание помощи в выборе профессии в разнообразии профессий в соответствии со своими данными как природного, так и приобретенного характера.

Сегодня, когда разнообразие мира профессий продолжает расти, помочь учащимся ориентироваться в этом мире является задачей первостепенной важности.

Данная программа предполагает изучение внутреннего мира подростка, изучения личностных особенностей с помощью психодиагностики, ролевых игр.

Используя различные источники (Немов Р. С. Психология. В 3-х кн.; Климова Е. А. Как выбрать профессию. Школьный психолог. М.: Первое сентября и т. д.), школьники учатся строить личный профиль, временную

перспективу. Они получают знания о самом себе и учатся добывать эти знания самостоятельно, что способствует их большей адаптации и нравственному самосовершенствованию, готовности к социальному самоопределению и поиску жизненных ценностей, умению определять степень соответствия и «профиля личности» и профессиональных требований.

Вторая авторская программа элективного курса «Развитие индивидуальных особенностей школьников: психология общения» направлена на развитие общих личностных и конкретно коммуникативных способностей учащихся старших классов. Программа направлена на решение одной из актуальных проблем современной школы – формирование и развитие психологической культуры вообще и, в частности, личностной.

Программа включает в себя 9 разделов. В ней изложены факты, касающиеся механизмов межличностного восприятия, барьеров в общении, взаимодействия людей в личной, деловой сфере, включены разные виды деятельности для самообразования учащихся, рассматриваются вопросы этикета и этнография общения адыгов.

При составлении программы я использовала различные источники:

В. Х. Бгажноков «Адыгский этикет»;

В. А. Радионов, Е. А. Лангуев «Развитие навыков делового общения»;

Е. Е. Смирнов «Психология общения» и др.

Изучение материалов по данной проблеме дает основание указать на ряд задач, решение которых в процессе реализации может способствовать развитию психологической культуры учащихся.

Обе программы рецензированы зав. методкабинетом психологии ИПК и ПРО КБГУ Мокаевой М. А., согласованы с начальником МУ УООП Зольского муниципального района Ногмовой Л. Д. и утверждены директором МОУ ООШ г.п. Залукокоже Бжениковой М. А., т. к. элективный курс «Мир профессий» проводится в школе. Второй элективный курс собираемся проводить со следующего учебного года.

Хуса ДЖУРТУБАЕВ,
старший научный сотрудник
НП «Приэльбрусье»

Развитие экологического туризма на территории ООПТ. Туризм и местное население

Туризм в настоящее время – одна из наиболее высокодоходных динамично развивающихся отраслей народного хозяйства. Вложения в индустрию туризма оправдывают себя лучше, чем вложения в другие отрасли экономики. И спрос на различные виды отдыха год от года растет. Одним из видов туризма и отдыха является новый для России вид рекреации (отдыха на природе) – посещение национальных парков страны.

Сегодня в России насчитывается 36 национальных парков, среди которых есть как небольшие, например «Куршская коса» (Калининградская обл.), занимающая всего 6,6 тыс. га, так и гигантские, как «Югыд-ва» (Республика Коми) – располагающийся почти на 2 млн. га. Согласно Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», одной из основных задач, стоящих перед национальными парками, является создание условий для регулируемого туризма и отдыха.

Национальный парк «Приэльбрусье» учрежден 22 сентября 1986 года Постановлением СМ РСФСР № 407 (с изменениями от 9.10.1995 г.) в целях сохранения уникального природного комплекса Приэльбрусья и создания условий для развития организованного отдыха/туризма и альпинизма. Территория национального парка простирается в пределах двух административных районов КБР: Зольского и Эльбрусского.

Площадь Национального парка «Приэльбрусье» – 100 400 га (из них: 58 000 га – земли госземзапаса, 12 000 га – земли гослесфонда, 30 000 га – сельскохозяйственные земли без изъятия, 200 га – земли населенных пунктов без изъятия, 200 га – земли других пользователей без изъятия).

Территория национального парка используется как центр горно-спортивного туризма, горнолыжного спорта, как экскурсионный центр для населения Северного Кавказа и отдыхающих на курортах Кавказских минеральных вод, место отдыха выходного дня для жителей Кабардино-Балкарии. Плановый туризм в основном осуществляется под эгидой Эльбрусского совета по туризму и экскурсиям. Экскурсии проводятся по 16-ти тематическим маршрутам. Основные объекты автобусных экскурсий – Поляна Нарзанов, гора Чегет, гора Эльбрус.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к отдыху в Приэльбрусье. В то же время организация туристического бизнеса в национальном парке сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, оказание национальными парками туристских услуг посетителям не приносит ожидаемых доходов. Тому есть несколько причин:

1. Сотрудники национальных парков не имеют ни опыта работы в туризме, ни соответствующего образования.

2. Национальному парку, образованному на основе лесхозов, трудно перестроиться с привычных методов зарабатывания на новые.

3. Недостаточно эффективно работают нормативные и правовые акты, регулирующие отношения национального парка и хозяйствующих субъектов.

Отражаются на туристическом бизнесе и низкая заработная плата работников национальных парков, скромность бюджетного финансирования, слабо развитая туристская инфраструктура...

Роль туризма в экономике районов, входящих в границы национальных парков, достаточно высока, так как развитие этой отрасли позволяет увеличивать доходы местных бюджетов и создавать новые рабочие места, иными словами – помогает решать как экономические, так и социальные вопросы.

Население, проживающее в пределах национального парка «Приэльбрусье», прежде всего представлено сельскими жителями, в границах парка находится 6 сельских населенных пунктов (с. Верхний Баксан, пп. Нейтрино, Эльбрус, Тегенекли, Байдаево, Терскол) с населением около 10 тыс. человек.

Хотя в настоящее время сельское население преимущественно занято на своих личных приусадебных хозяйствах, постепенно оно вовлекается в деятельность национальных парков в сфере туризма. Рекреационные объекты, количество которых постоянно растет, обеспечивают сезонную или частичную занятость для местных жителей. А значит, растет и частная инициатива и предпринимательский интерес местного населения.

На территории национального парка местное население в настоящее время получает доход в сфере туризма: работая в качестве гидов и экскурсоводов, оказывая транспортные и кулинарные услуги, услуги по размещению.

В с. Верхний Баксан налажено производство войлочных и шерстяных изделий. Кроме того, на поляне Чегет постоянно функционирует рынок, где местное население сбывает свою кустарную продукцию. Незначительный доход приносит сбор и переработка грибов и ягод, эта продукция в основном реализуется в многочисленных кафе.

Таким образом, не подлежит сомнению, что участие в туристической деятельности национального парка является одним из вариантов повышения уровня жизни местного населения.

Делать из национального парка туристическую фирму вряд ли целесообразно, это, по своей сути, природоохранная, некоммерческая организация. Но определенные задачи по организации туризма могут приносить национальному парку реальные доходы. И нужно найти тот путь, который будет способствовать решению обеих этих задач, то есть не будет вести к чрезмерной эксплуатации рекреационных ресурсов парка и в то же время приносить дивиденды. И местные жители должны принимать здесь самое активное участие.

Кроме вовлечения местного населения в туристический бизнес, национальный парк должен заниматься его экологическим просвещением. Это поможет сформировать положительный имидж этой организации в

сознании будущих поколений и окажет позитивное влияние на туристскую деятельность на ее территории.

Тут мы вплотную подходим к тому виду туризма, который начинает приобретать все большую популярность. Это – экотуризм. Чем же он отличается от обычного вида туризма?

Прежде всего, экотуризм это путешествие и посещение хорошо сохранившихся природных территорий, представленных во всем мире, как правило, национальными и природными парками, резерватами и другими типами охраняемых природных территорий.

Кроме того, экотуризм подразумевает наличие определенных, довольно жестких правил поведения и отличается относительно слабым негативным влиянием на природную среду, из-за чего его иногда называют «мягким туризмом».

Еще одной особенностью экотуризма является то, что он предполагает, что местные сообщества не только работают в качестве обслуживающего персонала, но и продолжают жить на охраняемой территории, вести прежний уклад жизни, заниматься традиционными видами хозяйствования, которые обеспечивают щадящий режим природопользования. Естественно, это приносит определенный доход населению, способствует его социально-экономическому развитию. Так, жителям пп. Верхний Баксан, Эльбрус, Тегенекли, Байдаевка, Терскол, Нейтрино небольшой, но стабильный доход приносит реализация своей мясной и молочной продукции. Хуже обстоит дело с агрокультурами, ибо в связи с местными климатическими условиями традиционным для жителей района является животноводство.

Местное население образует основную социальную базу для развития экотуризма в силу наличия у него особой заинтересованности в экономических и иных результатах развития туризма на территориях традиционного природопользования и отдыха местного населения, а также в сохранении природных ресурсов, являющихся основой существования местных сообществ.

Следует сказать и об обязанностях участников туристского процесса. В первую очередь, всем им следует защищать в интересах настоящего и будущих поколений туристскую среду, включающую в себя человека, природу, объекты туризма, общественные отношения и культуру, которые в совокупности являются условием успешного развития туризма.

Местному населению следует принимать туристов с гостеприимством, вежливым обращением и уважением, в духе народных традиций, поддерживая этим бережное отношение туристов к окружающей природной и культурной среде, а отдыхающим следует уважать социально-культурные традиции и обычаи, религиозные, философские и нравственные убеждения народов, проживающих на данной территории.

Закончить эту статью хочется наиболее емким, на наш взгляд, определением, данным Обществом экотуризма США: «Экотуризм – это путешествия в места с относительно нетронутой природой с целью, не нарушая целостности экосистем, получить представление о природных и культурно-этнографических особенностях данной территории. Экотуризм создает такие экономические условия, когда охрана природы становится выгодной местному населению».

Литературная викторина (вопросы)

1. Кого из кабардинских писателей называют «чудесным самородком»?
2. В каких стихотворениях кабардинских и балкарских поэтов отражена дружба кабардинцев, балкарцев и русских?
3. Сколько Шогенцуковых в кабардинской литературе?
4. Какие поэты из нашей республики награждены Горьковской премией?
5. Назовите автора первого кабардинского романа.
6. Назовите кабардинских поэтов.
7. Знаете ли вы кабардинских поэтов?
8. Назовите балкарских поэтов.
9. Откуда эти слова:

*Мы зовем вас в гости, люди,
Приходите хоть сейчас.
Всем друзьям мы рады будем:
Так заведено у нас.*

10. Фамилии каких кабардинских писателей начинаются с «Ш»?
11. Как называются поэмы А. Кешокова, переведенные на русский язык?
12. Каких кабардинских детских писателей вы знаете?
13. Назовите автора повести «Весна Софият».
14. Назовите 5 поэм К. Кулиева.
15. Кто автор книги стихов «Годы и горы»?
16. Назовите имена 3-х женщин-героинь в кабардинской литературе.
17. Кто перевел на кабардинский язык «Буревестник» и «Песню о Соколе» М. Горького?
18. Назовите ведущих балкарских поэтов.
19. Какие стихи кабардинских поэтов переложены на музыку?
20. Какие стихи балкарских поэтов использовали композиторы для создания песен?
21. Назовите имена русских писателей Кабардино-Балкарии.
22. Какие самые популярные произведения одного из них?
23. Какому поэту в кабардинской литературе принадлежат эти стихи:

*И в пору листопада золотого,
Когда земля тоскует о снегах,
Вернее и таинственнее слова
Я не встречал на этих берегах.*

Составитель викторины Нина Громова

Троим победителям викторины в качестве приза будет оформлена годовая подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария». Ответы присылайте в редакцию журнала.

Ответы викторины и фамилии победителей будут опубликованы в следующем номере журнала.

Георгий ВАДИМОВ**«Стихосвечение»**

В начале 2009 года при редакции журнала «Литературная Кабардино-Балкария» был организован творческий семинар для пишущей молодежи. Основу семинара составили студенты и учащиеся старших классов – участники литературной студии «Свеча», которая была создана в 2002 году на базе Центра развития творчества детей и юношества Министерства образования КБР с целью педагогической и психологической поддержки творчески одаренных детей и молодежи. Открытию студии предшествовал многолетний опыт проведения ежегодного литературного фестиваля «Пушкинский Лицей» среди учащихся МОУ г. Нальчика.

Конечно, название «Свеча» не случайно. Стихосложение немислимо без метафор, а что как не свеча точнее всего символизирует поэзию, горение, пламя, таинственный свет, меняющий глубину пространства и очертания предметов.

Сегодня занятия в семинарской группе проводит старший редактор журнала – поэт, прозаик и переводчик Владимир Мамишев. Основное внимание в ходе семинаров уделяется теории стихосложения, а на практике уже многие юные литераторы получили возможность опубликоваться на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии».

– Кроме того, в издательстве Котляровых вышел поэтический сборник молодых авторов – «Стихосвечение», графическое оформление которого выполнено активной участницей студии Марией Дурневой, в сборник вошли произведения более двадцати начинающих поэтов.

Все, что занимает молодые умы, – от проблем бытовых, обыденных до самых отвлеченных философских, – нашло отражение в стихах, искренних, исполненных верой в возможность позитивных изменений в жизни, обретения в ней своего места и неповторимого голоса.

– Не хочется выступать в роли критика. Ругать, как, впрочем, и хвалить, всегда легко. Лихтенберг считал, что у многих людей сочинение стихов – это болезнь роста. Возможно, в дальнейшем не все авторы сборника будут профессионально заниматься литературой, но не это главное. Самое ценное в этих стихах – искренность, отсутствие лукавства, притворства и манерности.

Есть масса всевозможных определений поэзии. Гарсиа Лорка, например, дал следующую формулировку: «Поэзия – это любовь, мужество и жертва». О жертве, конечно, пока говорить рано, а вот тема любви звенящей нотой проходит через весь сборник. Пусть это прозвучит пафосно, но авторы не боятся открыть перед читателем самые потаенные уголки своей души. Для этого необходимо определенное мужество.

Сегодня в адрес молодых часто слышны упреки в бездуховности, излишней прагматичности и откровенной меркантильности. Сознание, по выражению известного немецкого экономиста, определяется бытием. Именно оно, «бытие» наше, убогое и неприглядное, хоть и в гламурной упаковке, и формирует в молодежи качества, перечисленные выше, и не их в том вина, если в «новой» идеологии лишь один «нравственный» императив: будь успешным во что бы то ни стало. В литературных пристрастиях тон задают, к сожалению, даже не авторы, а специалисты по маркетингу, исходя из соображений успешной реализации товара, в нашем случае – книги.

Практически сразу после выхода сборника в редакции журнала «Литературная Кабардино-Балкария» прошла встреча с его авторами. Приятно удивляла доброжелательная атмосфера участников семинара. Увы, в среде более зрелых литераторов такое встречается значительно реже. «У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплевывать друг друга», – к счастью эти строки никак не относятся к авторам сборника. Молодые поэты не только читали собственные стихи, но и внимательно слушали собратьев по перу.

Выход сборника стал событием не только для участников семинара, но и для их руководителя Владимира Мамишева. Он выразил надежду, что со временем его подопечные внесут свой вклад в литературу Кабардино-Балкарии.

Что касается литературного процесса в республике, в нем почти не участвуют 30- и 40-летние литераторы, вынужденные применять свои дарования в деятельности, далекой от творчества, то есть теряется преемственность писательских поколений. Поэтому тем более отраднее видеть появление новых имен – молодых людей, пробующих свои силы в литературном творчестве. «Возможно, среди них есть личности, которые – совершенствуя себя – поднимут на должный уровень и отношение читателя к литературе, станут нравственными лидерами, подобно плеяде наших замечательных поэтов и писателей послевоенного поколения. Напугав своих молодых авторов, редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» именно этого им и желает», – говорит главный редактор журнала Хасан Тхазеплов.

СЧАСТЬЕ СЛУЖИТЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ КНИГЕ

В ноябре Обществу книголюбов Кабардино-Балкарии исполняется 35 лет. Об истории организации и о дне сегодняшнем мы попросили рассказать руководителя – Шинкареву Наталью Петровну.

– Наталья Петровна, на сегодняшний день не много общественных организаций имеют такой солидный возраст, расскажите кратко об истории Общества книголюбов КБР.

– Действительно, наше Общество пережило тот отрезок истории, в который многие, подобные нам организации, приказали долго жить. На Юге России, подобного нам объединения просто нет.

Свое начало книголюбское движение берет из далеких времен от «Общества, радеющего о напечатанной книге», которое возникло вместе с появлением первой печатной книги в России. Непосредственно наша организация создана в ноябре 1974 года, после Учредительного съезда Российской организации Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

Организационную работу по созданию Общества в Кабардино-Балкарии Обком КПСС (как тогда было принято) поручил поэту Зуберу Мухамедовичу Тхагазитову, он и стал отцом-основателем республиканского отделения добровольного общества любителей книги России. Создал городские и районные организации, которые включали в себя сотни первичных организаций Общества, где велась работа по пропаганде книги (встречи с писателями, знаменитыми людьми СССР, читательские конференции, праздники книги). Необычайно талантливые и неординарные личности руководили отделениями Общества в разные годы. Были и счастливые времена для управления, когда в каждом районе мы могли иметь штатного работника с приличной, по тем временам, зарплатой. Сейчас это чисто общественная организация, вся деятельность осуществляется только на общественных началах.

В недрах ДОК родились клубы книголюбов, народные библиотеки, воспитана не одна тысяча истинных ценителей литературы. Издавались буклеты, посвященные творчеству писателей Кабардино-Балкарии, книги. Многие помнят встречи с популярными актерами театра и кино Караченцовым, Хмельницким, Куравлевым, Ярмольником, Нифонтовой

**Наталья Петровна
Шинкарева**

и др., которые мы проводили в первичных организациях.

Я и сейчас ощущаю уважение к нашему Обществу у всех и повсеместно, хотя масштабы организации давно уже не те.

– Если бы не действительность вашей организации сегодня, то и рассказ о ее истории не имел бы смысла. Расскажите, чем живет современное Общество книголюбов Республики?

За прошедшие годы нас переименовывали четыре раза, серьезные перемены произошли в этом году: новый Устав, новое название. Нет членских взносов и никакой финансовой поддержки со стороны, но суть работы не изменилась. Конечно, нет ажиотажа вокруг книги, дефицитом она не является уже много лет. Многотысячная армия книголюбов сократилась и живет в тех условиях, которые диктует время.

То, что в стране Кризис Чтения (хотя, это явление не только российское), давно не секрет. И основная наша задача – воспитание «Человека Читающего».

Сегодня процент *взрослого нечитающего*, населения поднялся к отметке, выше которой негативные последствия станут необратимы.

Ведь только читающая нация создает ценности мирового уровня. А читающая нация вырастает из читающих детей, а именно детское чтение и вызывает острое беспокойство. Среди подростков ЧТЕНИЕ не входит в круг досуговых предпочтений. А между тем книжная классика и вытекающая из нее культура устной речи – составляющие фундамента духовного развития нынешнего и будущих поколений. К сожалению, у нас уже выросло целое поколение невежественных людей, которые неграмотно говорят и скудно мыслят.

Общество книголюбов и все, кто имеет отношение к книге, бьют тревогу: «Число читающих наших сограждан сокращается».

Мы стараемся любыми путями довести книгу до читателя. Чтобы она была доступна, выделили место в выставочном зале для бесплатной литературы – «Вам дарит Общество книголюбов», куда выставляем книги из личных библиотек актива.

Проводим ставшие уже традиционными благотворительные Акции, дарим библиотекам наборы классической литературы, стоимость которых составляет от 7-ми до 35-ти тысяч рублей, на которые зарабатываем, распространяя и продвигая литературу ведущих издательств страны. Обладателями подарков уже стали:

Детская библиотека г. Нарткалы, ЦБ Майского, Черекского, Лескенского районов, ЦБС г. Налчика, Межпоселковая библиотека Прохладненского района, библиотека КБГУ и КБСХА, Республиканская детская и юношеская библиотеки, библиотеки школ.

Надо отметить, что книги серии «Библиотека новой русской классики», составляющие основу подарочных комплектов, имеют успех среди читателей, являются украшением тематических выставок. Кроме этого, на каждой книге стоит гриф, рекомендуемый эту литературу в качестве учебного пособия.

Ежегодно празднуем Всемирный день книги 23 апреля, проводим конкурсы, посвященные юбилеям писателей. В этом году много работ, победителей республиканских конкурсов, посвященных 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя и 210-летию со дня рождения А. С. Пушкина, отмечены призами и дипломами Международного Союза книголюбов.

Одариваем юных любителей чтения в дни Недели детской книги. Поощряем читающие семьи.

Конечно, нет прежней массовости, масштабы скромненькие, но мы делаем все, чтобы любовь к книге и чтению стала самым модным занятием в семье и, особенно, среди молодежи.

– Как будете праздновать юбилей?

– Я подняла архивы Общества, хотелось оформить фотовыставку, отображающую историю организации. Но все, что сохранилось, хватает, только на коллаж, который я издала в виде небольшого плаката. Подарю тем, кто стоял у истоков ДОК. В доперестроечные ежегодные отчеты о деятельности Общества, которые мы отправляли в Москву, помещали самые лучшие фотографии и газетные публикации, не думая, что и для своей истории что-то надо оставлять. Правда, когда меня попросил Международный союз книголюбов сделать альбом о деятельности ДОК КБР к 35-летию для их музея, я собрала все, что осталось в архиве, и отправила, но оставила копии у себя, может, доживем и до 50-летия!

19–20 ноября у входа в Общество организуем книжные развалы, будем раздавать бесплатно книги прежних лет издания (не раз уже практиковали, людям нравится).

– И последнее. Вы так неравнодушно рассказываете о своей организации. Как Вы пришли и как долго служите Обществу?

– Я пришла работать в ДОК летом 1982 года, сразу после окончания университета. Чтение книг было моим основным и всепоглощающим занятием, в то время и наш преподаватель сказал, что мне прямая дорога в Общество книголюбов. Хотя я тайно мечтала защитить диссертацию по научному коммунизму, служить я стала книге. И за все 27 лет ни разу не пожалела и не помышляла о смене вида деятельности. Работала межрайонным ответственным секретарем, всю республику исходила, можно сказать, пешком, проводила мероприятия, собирала членские взносы, затем руководила Нальчикской организацией, сейчас – Республиканской. Работу свою люблю как малую Родину, а книги – как своих детей.

Интервью провела Жанна Кандорова

Когда душа замерзнет без света и тепла,
Что делать человеку – как белке без дупла?
Какие страсти жизни его встревожат вновь,
Чтобы душа согрелась, чтобы проснулась кровь?

Ты живешь своею жизнью, я живу своей мечтой, –
Разве мы одно и то же, разве кто из нас святой?
Где-то сказано о судьбах, что судьба и так, и сяк,
Что не может аргументом штамп соткать узором всяк.

Мир насилием не сыщем, зло коварством не унять,
Где землянин в самомненьях сам себя не смог понять.
В дрессированном загоне он еще на полпути,
И не знает: где остаться, как остаться, как идти.

Жизнь верхá в судьбу ввергает, жизнь низá – в круги причин,
Что в идее проявления много разных величин.
Те духовные посева революцией цветут,
Смысл которой и природу все еще не здесь поймут.

Где Гимн души творить способен и воздвигает тишину,
Где Тишина являть готова заботы духа в вышину, –
Чего же нам изведать должно и испытание иметь,
Как раб рабов земли и неба без направления и мет.

Свой хвост не поднимет в державе холоп:
Зачем ему нужно бросаться в галоп.
Живи себе мирно, расти малышей,
Впрягаясь в заботы до самых ушей.

Если в нас ума недостаток, если силой налиты,
Если можем дважды в воду одновременно войти –
Что скорбеть, хулить кого-то в мире, где не все равны,
Где иллюзии благие ветром века сметены.

Слухи распустить не трудно, трудно их собрать опять, –
Слухотворец и не мыслит необъятное объять.
Но рассеянные зерна столько силы тратят в плод,
Что и жертвам не под силу перейти бурлящий брод.

Из космических жемчужин в нашем сердце сад растет,
Где тропинка милосердна, дар божественный несет.
А земное воплощение, как хождение в мирах,
Со своей душою звездной на божественных весах.

Круг грехов, творимых нами, собирают плач и стон,
Где с космической истомой все вращается, как сон.
А грехи, как кольца мира, бумерангами летят,
А праправнуки Адама бумеранги скрыть хотят.

Сурово в Лёту канула эпоха бурных грез,
Теперь на все могилы кладем охапки роз.
Когда и кто расскажет о подвигах времен,
О судьбах с именами, о судьбах их знамен.

Жизнь пророков – вехи мира, что указывают путь,
Через них из сердца Бога к ним в сердца Дары текут.
Свет зеркальный, в нас царящий, закольцованный в умах,
Как особенность и самость, вечной истины размах.

Не прибавишь, не убавишь, жизнь шагает чередом,
И у всякого повсяко отношения и дом.
Но обидно, что для многих жизнь приносит горький час,
А другим дается сила быть погонщиками масс.

Там, где есть любовь народа, и молва бывает зла,
И особенно в то время, если слава в кровь вошла.
Но в особенности этой заморожен свой мотив,
Где в природе многоликой люд со славою игрив.

Дай нам, Боже, ту молитву, что поднимет падший дух,
Что порочными страстями погубил свой свет и слух.
В закольцованной ограде, где он жил и где творил,
Соблазняясь пустотою, путь он к истине забыл.

После смерти величайших угасают их дела,
Пусть тиран и пусть строитель, где эпоха их сплела.
Время жадно поглощает и дела, и имена,
Если в душах поколений не взошли их семена.

Наступит завтра явь, и сон исчезнет дивный,
И ты поймешь, что жизнь не просто сад красивый.
В плодах твоих раздумий все будет – не во сне,
Они быть могут лучше, чем розы по весне.

Ход истории бывает как скрипящая арба,
Где колеса и дороги – вся копытная судьба.
И как будто мы не эти, будто мы на стороне,
И повозка нам чужая, что плетется по стране.

Есть такое племя в мире – хасанидами зовут,
Их судьба мирская скрыта, и не видно, как живут.
Их приют в алмазных башнях, а в делах – кирпичный труд,
Возводя оазис мира, где небесный божий суд.

У тех, где тыщи жен, и тыщи все ревнивы, –
Бывает и тоска, и ласками ленивы.
А нам, простым рабам, вино лишь утешенье,
А после, по утрам, мечты и сожаленья.

Ангел любви неустанно следит за посевом любви
И ухоженность сердца в букет собирает в крови.
А небо любитесь всходами душ на земле,
Будто решает судьбу человека во мгле.

Жизнь тебя обрекла в адской славе гореть,
Где на ум никому не придет, чтоб тебя пожалеть.
То, что мир разделен в миражи, и на явь, и молитвы,
Может остро понять кто идет, как по лезвию бритвы.

В кишлаках, где нету света, где казаны все пусты,
Дорогого стоят в жизни миражи и их мечты.
А мечты дутар разносит, где акын поет с утра,
Будто им султан привозит тюки разного добра.

Видя сны одни и те же, всей страной идем вразброд,
И не помнится такого, чтобы счастлив был народ.
То ли он не знает счастья, то ль со счастьем не в ладу,
То ли сущность в нем такая, где и смех и грех – в ряду.

Кто трезвым был, тот сдался, кто пьяным был – уснул,
А Образ нерушимый с пути в туман свернул.
Теперь в тумане крики и окрики вокруг,
Как будто призрак ищет своих вчерашних слуг.

Для кого народ бунтует, что и горло он дерет,
Для кого нещадной силой всех и вся в тиски берет.
А потом ослабнет будто: все, что взял, уйдет из рук,
И, довольный горькой мукой, духом копит сладость мук.

Совесь, нравственность державны монополией своей,
Есть у них своя природа, что растет из их корней.
Пусть порочат их порою те, что в масках родились, –
Совесь, нравственность сегодня отдыхать лишь улеглись.

Нам Всевышний все по норме даровал и насаждал,
Где и мир под мраком жизни быстротечных услаждал.
Нас по факторам эпохи разложил Он, как кирпич,
Чтоб, полярность утверждая, мы смогли б свой знак постичь.

Лекарство с ветки

В отличие от обычного каштана плоды конского каштана несъедобны. Но это ничуть не умаляет их достоинств. Препараты из этого растения повышают тонус венозных сосудов, а значит, влияют на нормальную работу многих органов. Лечебное действие экстракту конского каштана обеспечивают особые вещества гликозиды – эскулин и эсцин. Именно

Знаете ли вы, что:

орехи, семечки, бананы и все продукты, богатые магнием, защитят от переломов.

они повышают тонус венозных сосудов, ускоряют кровоток в венах, препятствуют образованию тромбов и замедляют свертываемость крови. В настоящее время разработано множество лекарственных средств из конского каштана. Они выпускаются

в таблетках, растворе для инъекций, каплях, мазях, гелях и имеют широкие показания для применения. Эти препараты лечат не только варикозное расширение вен и тромбофлебит. Также они эффективны при начальной форме острого геморроя, гипертонии и множестве других болезней. Известны случаи, когда конский каштан практически излечивал фиброзно-кистозную мастопатию.

Король грядки – огурец

«Какая польза от огурцов? – нередко слышим мы. – Не овощ, а одна вода!»

Но хотя огурец действительно на 95% состоит из структурированной воды, тем не менее он по праву считается рекордсменом по содержанию щелочных элементов. Если тебя периодически мучает изжога, в такую минуту неплохо съесть хрустящий огурчик. В свежем виде он служит отличным средством для предупреждения и устранения ацидоза (сдвига

кислотно-щелочного равновесия в организме в кислую сторону). В огурцах также достаточное количество минеральных веществ, особенно калия. Это

Знаете ли вы, что:

овсяная каша очень полезна для желудка – она обволакивает слизистую и успокаивает боль, например при гастрите. Полезен этот продукт и для кишечника – содержащаяся в нем клетчатка помогает очищению организма. От этого и цвет лица улучшается, и настроение повышается. Но и это еще не все. Оказывается, зерна этого злака увеличивают в крови уровень тестостерона, который отвечает за качественный секс.

объясняет их выраженное мочегонное действие, а также положительное

влияние на сердечную мышцу. Поэтому разгрузочный день из 1,5 кг свежих огурцов может заменить прием легких мочегонных препаратов.

Есть в огурцах и пектиновые вещества, которые способствуют оздоровлению кишечника, а также тартроновая кислота, которая сдерживает синтез жира из углеводов, что особенно важно для страдающих ожирением. Свежие огурцы умеренно стимулируют кислотообразующую функцию желудочных желез, способствуя тем самым лучшему усвоению съеденной пищи. Ну что, по огурчику?

Если вы простужились

1. Хорошо помогают при насморке паровые ванночки из ромашки. Пригоршню ромашки залить $\frac{1}{4}$ л кипятка и дать настояться, затем долить до литра.

2. Для ингаляции при кашле и насморке подходят эвкалиптовый лист и мята. На литр горячей воды 3–4 капли настоя.

3. При высокой температуре компрессы на икры ног с уксусом. Чулки хлопчатобумажные опустить

в раствор $\frac{2}{3}$ холодной воды и $\frac{1}{3}$ уксуса, надеть на ноги, ноги укутать.

4. Травяной чай. 25 г липового цвета, 10 г плодов шиповника, 5 г ромашки, 10 г мать-и-мачехи, 20 г подорожника. 4 чайные ложки этой смеси залить кипятком, дать настояться 10 мин и подсластить медом. Принимать 3 раза в день.

5. При ангине делают 3-процентный раствор лимонной кислоты и полощут им горло через каждый час. Уже к вечеру вы почувствуете себя почти здоровым.

*Знаете ли вы, что:
согласно статистике
большинство женщин седеют
к 50 годам.*

Как сохранить здоровье зимой?

В это время года активно функционируют мочевой пузырь и почки, снижаются функции сердца, желудка, системы кровообращения. Чаще проявляется зашлакованность организма. Человек легко набирает лишний вес.

Питание. Мясо едят не чаще одного раза в день. Пища рекомендуется не острая и не возбуждающая. Полезны: рыба, молоко, пшено, рис, капуста, тыква.

Лечебные настои. Для облегчения работы почек чайную ложку льняного семени залить стаканом воды и вскипятить. Затем разбавить водой, добавить немного лимонного сока и пить по $\frac{1}{2}$ стакана каждые два часа в течение двух дней. Желательно делать это один раз в месяц на протяжении всей зимы.

Для очищения организма от шлаков рекомендуется заварить высушенный и мелко порезанный полевой хвощ и пить как чай. Худощавым людям заваривать чай из расчета 1 столовая ложка хвоща на стакан воды. Если вес превышает норму – брать 2 столовые ложки хвоща на стакан воды.

**Творческий отчет редакции журнала
«Литературная Кабардино-Балкария»
за 2009 год**

За отчетный период редакцией выпущено 6 номеров журнала «ЛКБ». В каждом номере в постоянных рубриках – проза; поэзия; публицистика; литературоведение; образование; здоровье; наука, искусство, культура; религия и культура; обратная связь; наш семинар; наши юбиляры; юбилейные даты; служение людям; страницы памяти; победители; братство народов – братство литератур; гость номера; традиции и современность; наша история; судьбы людские; о времени и о себе; книжные новинки; колонка редактора и других – опубликованы материалы около двухсот авторов.

Значительный объем материалов в № 1 был посвящен международному Дню 8 марта; во 2-ом номере под рубрикой «Победители» опубликован материал, посвященный Героям Советского Союза – уроженцам нашей республики, с их фотографиями; в 3-м номере в рубрике «Памятные даты» опубликованы материалы к 195-летию М. Ю. Лермонтова, в № 4 «ЛКБ» в рубрике «Здоровье» представлен обширный материал, посвященный работе поликлиники № 1 г. Нальчика; по просьбе МВД по КБР и в сотрудничестве с его пресс-службой – практически весь 5-й номер был посвящен проблемам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений и противодействию религиозному экстремизму и терроризму. В 6-ом номере журнала интересный фольклорный материал известного ученого Заура Налоева, рассказы молодых прозаиков и поэтов Фатимы Балаевой, Саимат Берзедж-Кумеховой, Анзора Апшева, а также очерки Эдуарда Битирова и Марата Зизаева.

При редакции создан Общественный совет, где обсуждаются наиболее злободневные вопросы жизни общества, требующие освещения на страницах журнала. Совместно с Общественным советом редакция учредила ежегодную литературную премию по трем номинациям: проза, поэзия, публицистика; а также специальную премию – лучшим авторам из других регионов России, опубликованным в нашей рубрике «Гость номера». При редакции организована семинарская группа их молодых, творчески одаренных людей.

Редакция нашла возможность издавать без привлечения дополнительных бюджетных и иных средств приложение к журналу – «Библиотека журнала «ЛКБ», отдельными книжками, произведения молодых авторов и авторов, не имеющих средств для издания своих книг. В этой серии было уже 6 выпусков, из которых особенно интересным стал недавно вышедший сборник молодых поэтов, собравший под своей обложкой более двадцати авторов.

Ежемесячно – каждый последний четверг месяца – при редакции проводятся круглые столы с творческой молодежью – «Наш семинар», который находит отражение в каждом номере журнала. Были организованы с ними круглые столы в Центральной библиотеке № 1 г. Нальчика и в Центре развития творчества детей и юношества.

К сожалению, в связи с тем, что наша оргтехника не отвечает требованиям Полиграфкомбината, где печатается наш журнал, качество фотографий внутри журнала не отвечает современным требованиям.

В номере:

Фатима Кебекова. Великие просветители. <i>Статья</i>	3
Наши юбиляры. Мухамед Кармоков	8
Борис Кагермазов	16
Леонид Шогенов	20
Саладин Жилетжев	24
Данил Согов	30
Страницы памяти. Мафедзев Сараби Хажмастафович	33
Борис Гаунов. На похоронах. <i>Рассказ</i>	36
Фатима Махотлова. Хроники амазонок. <i>Главы из повести</i>	41
Борис Чипчиков. <i>Рассказы</i>	52
Хашият Кунижева. <i>Стихи</i>	60
Гость номера. Эрдин Эльдышев. <i>Стихи</i>	64
Фатимат Маржохова. <i>Стихи</i>	68
Саимат Берзедж-Кумехова. <i>Рассказы</i>	70
Борис Кудаяев. Разные люди, разные боги... <i>Эссе</i>	76
Аслангерий Гедгафов. <i>Рассказы</i>	81
Али Мамаев. <i>Рассказы</i>	88
Анзор Апишев. <i>Стихи</i>	96
Ирина Гуппоева. <i>Стихи</i>	98
Валерий Коржавин. <i>Стихи</i>	100
Геннадий Коммодов. <i>Стихи</i>	103
<i>Книжные новинки</i>	104
Мухамед Адзинов. <i>Своя. Рассказ</i>	105
Евгений Листопадов. <i>Ночь в горах. Рассказ</i>	120
Людмила Гурова. Белый конь и девочка. <i>Сказка</i>	124
Фатима Балаева. Кольцо с изумрудом, или Путь в свой дом. <i>Рассказ</i>	127
Джамалия Тебердиева. Зимы для несчастий. <i>Рассказ</i>	130
Анна Габуева. Кольцо. Сестры. <i>Рассказы</i>	135
Заур Налоев. Институт орадус. <i>Статья</i>	139
Марат Зизаев. Парящая душа. <i>Очерк</i>	151
Фатима Дударова. Исключить операцию не всегда возможно. <i>Очерк</i>	157
Заурбек Жиласов. Башир Татроков – призер чемпионата Японии по каратэ. <i>Статья</i>	160
Хамидбий Шогенов. Такими парнями можно гордиться. <i>Очерк</i>	162
Дина Дальская. Мне посчастливилось выйти оттуда родом. <i>Очерк</i>	163
Эдуард Биширов. Проблема этнического в искусстве. <i>Интервью</i>	166
Камилла Бекалдиева. Тема одиночества в художественном осмыслении Руслана Семенова. <i>Статья</i>	170
Анна Котлярова, Наталья Смирнова. Кавказ в творчестве Инны Кашежевой. <i>Статья</i>	174
Салих Эфендиев. Интересное исследование. <i>Рецензия</i>	180
Римма Сакиева, Карина Тер-Миносян. Жизнь как великий и непостижимый дар. <i>Статья</i>	183
Мария Кокова. Предпрофильная подготовка. <i>Статья</i>	194
Хиса Джуртубаев. Развитие экологического туризма на территории ООПТ. Туризм и местное население. <i>Статья</i>	199
<i>Литературная викторина</i>	202
Георгий Вадимов. «Стихосвечение». <i>Очерк</i>	203
Жанна Кандорова. Счастье служить Ее Величеству книге. <i>Интервью</i>	205
Хасани. <i>Стихи</i>	208
Красота. Здоровье. Жизнь	212
<i>Творческий отчет редакции журнала «ЛКБ» за 2009 год</i>	214

Дорогие читатели!

В первом номере журнала будущего года мы поместим материалы о наших писателях-юбилярах: А. Х. Хакуашева, И. М. Гадиева, А. А. Сарахова, О. Х. Уянова, а также новые произведения других писателей, как известных, так и молодых, начинающих свой путь в литературе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.11.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,5.

Тираж 2040 экз. Заказ № 195.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
